

ИНСТИТУТ ЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ПРАВОЗАЩИТНИКОВ В ПРИБАЛТИКЕ

**РИГА - ТАЛЛИН – МОСКВА
2016**

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ко второму изданию

Список сокращений

Введение

А.Гапоненко

Глава 1. Методика исследования

С.Середенко

1.1. Общие положения

1.2. Цели исследования

1.3. Региональный подход

Глава 2. Преследование как репрессии правозащитников

С.Середенко

Правозащитники в системе международных правовых норм

2.1. Документальная база ООН в хронологическом порядке

2.2. Развёртывание логики ООН в деле защиты правозащитников

2.3. Практика Специального докладчика

2.4. Практика Специального представителя Генерального секретаря по вопросу о правозащитниках

2.5. Руководство Европейского союза 2004 года по правозащитникам

2.6. Руководящие принципы по защите правозащитников БДИПЧ ОБСЕ («Норвежские принципы») 2005 года

2.7. Декларация Комитета Министров о действиях Совета Европы по улучшению защиты правозащитников и содействию их деятельности от 06.02.2008

2.8. Выводы

Глава 3. Типология правозащитников в Прибалтике

С.Середенко

3.1. Понятие правозащитник

3.2. Типология правозащитников в Прибалтике

3.2.1. Национальные правозащитные учреждения в Прибалтике: теория и практика

3.2.2. GONGO

3.2.3. Правозащитные организации и правозащитники в Прибалтике

3.2.4. Журналисты

3.2.5. Политики

3.2.6. Квазиполитики и российские соотечественники

3.2.7. Антифашисты

3.2.8. Историки, представители гуманитарных наук

3.2.9. Пацифисты и противники НАТО

3.2.10. Защитники прав национальных меньшинств

3.2.11. Другие

Глава 4. Преследование как преступление

С.Середенко

4.1. «Международное» определение

4.2. Эстония

4.3. Латвия

4.4. Литва

4.5. Анализ составов

Глава 5. Преследование как основание

С.Середенко

для получения статуса «беженца»

Глава 6. Отношение прибалтийских властей к правозащитникам

6.1. Контент-анализ содержания

С.Середенко

ежегодников Охранной полиции Эстонии

6.1.1. Отчёт ОПЭ за 2005 год

6.1.2. Отчёт ОПЭ за 2006 год

6.1.3. Отчёт ОПЭ за 2007 год

6.1.4. Отчёт ОПЭ за 2008 год

6.1.5. Отчёт ОПЭ за 2009 год

6.1.6. Отчёт ОПЭ за 2010 год

6.1.7. Отчёт ОПЭ за 2011 год

6.1.8. Отчёт ОПЭ за 2012 год

6.1.9. Отчёт ОПЭ за 2013 год

6.1.10. Отчёт ОПЭ за 2014 год

6.1.11. Выводы

6.2. Контент-анализ содержания

А.Гапоненко

ежегодников Полиции безопасности Латвии

6.2.1. Отчёт ПБЛ за 2011 год

6.2.2. Отчёт ПБЛ за 2012 год

6.2.3. Отчёт ПБЛ за 2013 год

6.2.4. Отчёт ПБЛ за 2014 год

6.2.5. Выводы

6.3. Контент-анализ содержания

С.Середенко

ежегодников Департамента госбезопасности Литвы

6.3.1. Отчет ДГБ за 2012 г.

6.3.2. Отчет ДГБ за 2013 г.

6.3.3. Отчет ДГБ за 2014 г.

6.3.4. Выводы.

Глава 7. Типология преследования:

С.Середенко

нарушение прав правозащитников

7.1. Право правозащитников на признание

7.2. Право правозащитников на финансирование

7.3. Право правозащитников на обращение в международные организации и контакты с ними

7.4. Право правозащитников на признание со стороны СМИ

7.5. Право правозащитников на координацию деятельности

7.6. Право правозащитников на благоприятное и безопасное пространство для деятельности гражданского общества

7.7. Право правозащитников на развитие и обсуждение новых идей и принципов

7.8. Право правозащитников на автономное управление

7.9. Право на диалог с властью

7.10. Право на защиту от преследования

7.11. Право на просветительскую деятельность и подготовку специалистов

7.12. Право на информацию

7.13. Право журналистов поднимать вопросы, связанные с правами человека

Глава 8. Международные реакции на нарушения прав *М.Русаков*

человека в Прибалтике и ответные действия правительств

(пример Эстонии)

Глава 9. Примерное построение кейсов по преступлению преследования в Прибалтике

9.1. Теоретические предпосылки выявления *С.Середенко*
преступления преследования

9.1.1. Выбор определения «преследования»

9.1.2. Выбор фактического материала для исследования

9.1.3. Срок давности

9.1.4. Выделение системы преследования из среды

9.1.5. Методика определения преследуемых групп

9.1.6. Выделение масс и групп риска преследования из среды

9.1.7. Учёт неопределённостей

9.2. Построение кейса преследования медиа-клуба *С.Середенко*
«Импресум» (Эстония)

9.2.1. Факты систематического преследования

9.2.2. Потерпевшие

9.2.3. Мотивы преследования

9.2.4. Нарушение международного гуманитарного права

9.2.5. Подозреваемые

9.2.6. Перспективы

9.2.7. Процедура передачи ситуации в МУС

9.3. Построение кейса преследования *А.Гапоненко*
русских правозащитников в Латвии

9.3.1. Объект преступления преследование русских правозащитников в Латвии

9.3.2. Субъекты преступления преследования русских правозащитников в Латвии

9.3.3. Объективная сторона преступления преследования русских правозащитников в Латвии

А. Дискредитация русских правозащитников с целью разрушения социальных связей в русской общине

Б. Необоснованное административное и уголовное преследование русских правозащитников

В. Разрушение с помощью спецопераций русских общественных организаций

9.3.4. Субъективная сторона преступления преследование русских правозащитников в Латвии

Заключение и рекомендации

Список используемых сокращений

ОПЭ	Охранная полиция Эстонии
ПБЛ	Полиция безопасности Латвии
ДГБ	Департамент государственной безопасности Литвы
КоНЭ	Кодекс о наказаниях Эстонии
УЗЛ	Уголовный закон Латвии
УКЛ	Уголовный кодекс Литвы
ФЗС	Фонд поддержки и защиты российских соотечественников, проживающих за рубежом
КСРС	Координационный Совет российских соотечественников
НПО	Неправительственное объединение
GONGO	Governmental organized nongovernmental organization – созданное правительством неправительственное объединение
МУС	Международный уголовный суд
РС (МУС)	Римский статут Международного уголовного суда
МТБЮ	Международный трибунал по бывшей Югославии
ГА ООН	Генеральная Ассамблея Организации Объединённых Наций
НД	«Ночной Дозор» - антифашистская организация в Эстонии
ЦИПЧ	Центр информации по правам человека – правозащитная организация в Эстонии
ЦИК	Центральная избирательная комиссия
VL-TB/LNNK	Национальное объединение «Все для Латвии!»-«Отечеству и свободе/Движение за национальную независимость Латвии».
ЦП	Центристская партия Эстонии
КонстП	Конституционная партия (Эстония)
ОНПЭ	Объединённая народная партия Эстонии
СООЛ	Совет общественных организаций Латвии
УВКБ (ООН)	Управление Верховного комиссара ООН по беженцам

ВВЕДЕНИЕ

После распада СССР в республиках Прибалтики был установлен политический строй, который в научной литературе обычно именуется этнократией¹.

Главной отличительной чертой этнократии является то, что вся власть в стране находится в руках титульной элиты, которая не допускает представителей нетитульных этносов (национальных меньшинств) на высшие и средние ступени социальной лестницы, необоснованно перераспределяет доходы в свою пользу, целенаправленно маргинализирует массы нетитульного населения. Этнократический строй поддерживается, прежде всего, за счет применения законов дискриминационного характера и дискриминационного применения (или неприменения) законов, которые формально обеспечивают равенство представителей всех этносов (прямая и косвенная дискриминация). Практически всегда при этом титульные элиты используют неправоновые методы насилия, в том числе тайные операции спецслужб и подконтрольных им организаций радикалов титульных этносов.

Основную массу нетитульного населения Латвии, Литвы и Эстонии составляют те, кто живет на русской культурной и языковой основе, то есть русские в широком смысле этого слова. Далее мы будем вести разговор именно об этой части национальных меньшинств. В Литве значительную часть нетитульного населения составляют поляки. Они находятся в таком же угнетенном положении в обществе, как и русские, но в данной работе рассматриваются только при анализе отчетов ДГБ.

Набор инструментов этнической дискриминации русского населения в Латвии, Литве и Эстонии в целом однотипен.

Во всех трёх прибалтийских странах после обретения независимости реализовывалась политика принудительного выдавливания за границу нетитульного населения. В результате политики «выдавливания», доля нетитульных жителей в Латвии сократилась с 47,95% в 1989 г. до 37,90% в 2011 г., в Эстонии с 38,47% в 1989 г. до 31,17% в 2010 г., в Литве с 21,42% в 1989 г. до 15,84% в 2011 г.².

В Латвии и Эстонии в 1991 г. был введен институт негражданства, который позволил лишить прав гражданства подавляющую часть русского населения.

¹ Тощенко Ж. Этнократия: история и современность (социологические очерки). М.: РОССПЭН, 2003.

² Demoskope. <http://demoscope.ru/weekly/033/evro02.php>

В Эстонии негражданами стало около 300 тыс. человек³, в Латвии около 740 тыс. человек⁴.

На начало 2015 г. в Латвии продолжает существовать 262,2 тыс.⁵, а в Эстонии 84,8 тыс.⁶ неграждан. Для всех этих людей этнократические власти установили свыше восьмидесяти ограничений в политических, экономических и социальных правах⁷.

Русский язык в Прибалтике был объявлен иностранным, несмотря на то, что он является родным для 10-40% населения входящих в регион республик. В результате этого русские потеряли возможность общаться на родном языке с органами власти, получать на нем высшее и среднее образование. Были закрыты государственные средства массовой информации, которые вещали на русском языке, а на деятельность частных СМИ в части использования «иностраных» языков ввели существенные ограничения⁸.

Проблемы дискриминации национальных меньшинств и возникающих на основе этого этнических конфликтов в Прибалтике достаточно широко обсуждаются в исследовательской литературе^{9,10}.

Русское население Прибалтики борется с этнической дискриминацией. Так, в Латвии в 2003-2004 гг. проходили массовые протесты против принудительного перевода русских школ на латышский язык обучения. В Эстонии в 2007 г. русское население открыто выступало против уничтожения памятника Воину-освободителю в Таллине (Бронзовый солдат). В 2011-2012 гг. русские Латвии провели референдум за предоставление их языку статуса второго государственного, учредили движение Конгресс неграждан и выбрали свой орган управления – Парламент непредставленных.

В ответ на эти действия русского населения титульные прибалтийские элиты развернули репрессии против активистов, требовавших всего лишь соблюдения прав этнических меньшинств. Эти репрессии приняли характер систематического преследования всякого инакомыслия с использованием возможностей государственной власти.

³ <http://www.kommersant.ru/doc/125375>

⁴ http://hudoc.ecri.coe.int/XML/Ecri/ENGLISH/Cycle_01/01_CbC_eng/01-cbc-latvia-eng.pdf

⁵ http://www.pmlp.gov.lv/lv/assets/documents/statistika/01.01.2015/ISVP_Latvija_pec_VPD.pdf

⁶ <http://estonia.eu/about-estonia/society/citizenship.html>

⁷ [О ситуации с правами русскоязычного населения в странах Прибалтики \(на примере Латвии и Эстонии\)](#) — Доклад [Московского бюро по правам человека](#)

⁸ [Бузаев В. В., Никифоров И. В. Современная европейская этнократия: Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии](#). М.: Фонд «Историческая память», 2009. 280 с.

⁹ Этнические конфликты в странах Балтии в постсоветский период. Рига: ИЕИ, 2013.

¹⁰ [Дискриминация русских в странах Балтии: причины, формы, возможности преодоления](#). Ред. А. Гапоненко. Москва — Рига: Общественная палата РФ, Институт европейских исследований, 2011.

С точки зрения действующих в Латвии, Литве (и Эстонии) законов преследование является преступным деянием. Однако преследование, как преступление, крайне редко осуждается обществом и ещё реже обсуждается в зале суда.

ГЛАВА 1. МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Общие положения

Т.к. настоящее исследование является пионерным, то проблемы с определением его методики неизбежны. К тому же второе издание исследования существенно отличается от первого как по объёму, так и по задачам. Как и в первом издании, цель исследования является одновременно научной, практической, политической и популярной, однако значительно «вырос» сам объект исследования – «преследование». В настоящей работе «преследование» рассматривается не с двух, а с трёх сторон – как репрессии правозащитников, как преступление и как основание для получения статуса «беженца». Эти три «ракурса» «преследования» никогда доселе не сводились вместе с тем, чтобы представить явление со всех сторон, «в объёме»; значительная разница в прочтении «преследования» в каждом из «ракурсов» обусловила и разные методики их исследования. Поэтому к вопросу методики исследования придётся обращаться ещё неоднократно.

Увеличению в объеме объекта исследования – «преследования», - сопутствовало и изменение исследуемых субъектов: второе издание сосредоточено не на преследовании инакомыслящих, а на преследовании правозащитников. Такая конкретизация связана с наличием у правозащитников особых прав, что, в свою очередь, позволяет более точно ставить задачи. Вместе с тем при исследовании государственного отношения к правозащитникам авторы полностью сохранили свой подход к теме, как к преследованию инакомыслящих, т.к. этот подход позволяет выявить чёткий контраст в государственном отношении к правозащитникам и правым радикалам.

В целом следует отметить, что и инакомыслящие и правозащитники преследуются властями стран Прибалтики прежде всего в силу того, то они принадлежат к русской элите. Под каток репрессий подпадают те активисты, которые выступают за сохранение в общественном пространстве русского языка и русской культуры, традиционного вероисповедания (православия и древлеправославия), этнической исторической памяти и символики. Разрушаются социальные институты, которые обеспечивают воспроизводство русской идентичности – школы, университеты, музеи, библиотеки, СМИ. Всё это делается с целью ассимилировать массы русского населения, принудительно превратить их в латышей в Латвии, литовцев в Литве, эстонцев в Эстонии. Причём преследование русских активистов силами государственного аппарата осуществляется как в открытую, так и с помощью осуществления спецслужбами тайных операций.

В ходе работы авторы столкнулись с большим числом неопределённостей, выявление и учёт которых можно считать отдельным методическим приёмом.

1.2. Цели исследования

- научная сторона исследования состоит как в раскрытии природы преследования правозащитников в Прибалтике, так и в сравнительном анализе трёх указанных выше взглядов на «преследование». Цель такого подхода понятна – выявить общие черты отношения к «преследованию», а также разночтения, над устранением которых впредь ещё предстоит задуматься. Решение этой задачи позволило авторам реализовать также вторую научную цель – создать примерную типологию преследования правозащитников. Содержательный и сравнительный анализ ежегодных изданий спецслужб Прибалтики представляет собой третью научную задачу, причём сравнительный анализ тоже совершается впервые.

- практические цели исследования многочисленны. Главная из них – ограждение правозащитников Прибалтики от преследования, принуждение правительств стран Прибалтики к признанию правозащитников и обеспечению им безопасных и комфортных условий работы, включая финансирование их деятельности. Также из результатов исследования следует необходимость создания региональной ассоциации правозащитников и издания ежегодного обзора практики преследования правозащитников в Прибалтике, в том числе и как реакции на преследование в виде публикации ежегодников спецслужб (выпуск которых, по мнению авторов, следует прекратить). Прежде всего такая ассоциация нужна как контактер со Специальным докладчиком по правозащитникам Совета по правам человека ООН и Специальным представителем генсека ООН по правозащитникам. Помимо этого, сделанные в ходе настоящего исследования наблюдения и замечания будут переданы в ООН для возможной корректировки отношения ООН к «преследованию». Практической целью исследования является также разработка методологической основы для составления документов в Международный уголовный суд по фактам преследования русских правозащитников в Прибалтике.

- политическая цель исследования во многом совпадает с практической, но имеет своим адресатом прежде всего правительства и спецслужбы стран Прибалтики. Также авторы намерены добиваться легализации в Прибалтике движения российских соотечественников, прежде всего легализуя их право на получение финансирования из России. Политической целью является также указание на недопустимость преследования правозащитников, в том числе на основании положений уголовных законов, регулирующих борьбу с терроризмом и шпионажем.

- популярная цель исследования состоит прежде всего в популяризации знаний о Декларации о правозащитниках ГА ООН, знаний о «преследовании», в том числе как о преступлении, изменении отношения к правозащитникам в обществе, признании их почётной и необходимой для общества деятельности.

1.3. Региональный подход

Как и в первом издании, методической основой исследования остаётся региональный подход. Однако если в первом издании региональный подход распространялся только на изучение «преследования», как преступления, то в настоящем издании он распространён на всю проблематику «преследования», что требует отдельного обоснования.

В первом издании говорилось, что исследовать «преследование» инакомыслящих в Прибалтике, как комплекс преступлений, некорректно, т.к. национальный уголовный закон действует только на территории государства, и уголовное преследование в общем случае тоже ужато границами государства. Но это – только на первый взгляд. Более пристальное изучение практики преследования говорит о том, что спецслужбы (и не только) стран Прибалтики образуют своеобразный кооператив по преследованию, ярким доказательством существования которого является взаимная практика запретов на въезд одной и той же группы инакомыслящих. Другие страны в этот «кооператив» не входят. Как сказано в ежегоднике Департамента государственной безопасности (ДГБ) Литовской Республики за 2012 год, «Разведслужбы и службы безопасности осуществляют сотрудничество на двусторонней основе. ДГБ сотрудничает с иностранными разведслужбами и службами безопасности, поддерживая прямые двусторонние контакты, проводит совместные операции и обменивается информацией о лицах и их группах, которые могут вызывать опасность национальной безопасности и интересам национальной безопасности»¹¹.

Высказывания политиков также подтверждают это. Так, на встрече премьер-министров Эстонии, Латвии и Литвы в Вильнюсе 10. апреля 2015 г. эстонский премьер Т. Рыйвас заявил, что сила Балтийских стран – в единстве. «Чем больше мы в один голос говорим о своих проблемах безопасности, тем сильнее мы, как регион»¹². В связи с чем, для исследования предлагается региональный подход.

Традиционно страны Прибалтики выступают против (российского) регионального подхода к ним¹³, отрицая как сам термин «Прибалтика»

¹¹ Отчет ДГБ Литовской Республики за 2012 г., С. 15

¹² Peaminister Rõivas: Balti riikide tugevuseks on meie ühtsus
<https://valitsus.ee/et/uudised/peaminister-roivas-balti-riikide-tugevuseks-meie-uhthus>

¹³ См., например, Ланко Д.А. Региональный подход в политике Российской Федерации в отношении Эстонской Республики//Балтийский регион. 2013 № 3

(«правильно» - «страны Балтии»), так и более общие термины «ближнее зарубежье» и «страны бывшего СССР» («постсоветское пространство»). Однако в реальности такой региональный подход является обоснованным, и сразу по нескольким причинам.

Во-первых, прибалтийские страны выполняют единую геополитическую функцию – являются звеном в санитарном коридоре, созданном Западом вокруг России. Выполняя эту функцию, они проводят единую политику в отношении проживающих в них русских.

Во-вторых, главный оператор антироссийской политики Запада - США открыто заявляет о Прибалтике в целом, как о регионе своего влияния, что не вызывает у «стран Балтии» возражений. В частности, если говорить об антироссийской пропаганде, то следует отметить прошедший два чтения и переданный в комитет по иностранным делам Конгресса США законопроект № 2277 «To prevent further Russian aggression toward Ukraine and other sovereign states in Europe and Eurasia, and for other purposes»¹⁴ (сокращенное название «Russian Aggression Prevention Act of 2014»). Раздел (с) «Дополнительные приоритеты» пункта 309 «Расширенное телерадиовещание в странах бывшего Советского Союза» данного документа гласит, что «План, требуемый подразделом (а), должен также рассмотреть краткосрочное увеличение русскоязычного телерадиовещания в других приоритетных странах, включая Эстонию, Литву и Латвию». Из чего следует, что США также рассматривают Эстонию, Латвию и Литву в качестве отдельного региона – часть «постсоветского пространства» и, что не менее важно, как форпост США в информационной войне с Россией.

В-третьих, изучая ежегодники Охранной полиции Эстонии (ОПЭ), видно, как много места в них занимает описание «угроз конституционному строю» Латвии (меньше – Литвы), что позволяет выдвинуть обоснованное предположение о тесной кооперации спецслужб стран Прибалтики в деле преследования правозащитников.

Четвёртая причина – относительно высокая степень кооперации главной группы риска - «русского сектора» инакомыслящих Прибалтики, имеющей несколько форм, как то ежегодная региональная конференция российских соотечественников Прибалтики, ежегодный Балтийский форум, проводимый правительством Ленинградской области, общий журнал «Балтийский мир» и т.п.

Пятая причина, по всей видимости, является самой важной – уникальные форматы государственности Эстонии, Латвии и Литвы, основанные на

http://journals.kantiana.ru/baltic_region/1450/4127/

¹⁴ <https://www.congress.gov/bill/113th-congress/senate-bill/2277/text#toc-S1>

теориях «оккупации», «правовой преемственности (континуитета)» и «непризнания» (мифологема - «США никогда не признавали оккупацию Прибалтики!»). Практическая реализация этих противоправных теорий привела, во-первых, к появлению феномена «неграждан» и, во-вторых, к масштабному поражению в правах нетитульного населения. В результате применения этих теорий на практике правозащитники и государства объективно оказались по разные стороны баррикад: разделительная линия обозначается ответом на вопрос о том, кто важнее – «латыш», «литовец», «эстонец» или «человек»?

ГЛАВА 2. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ КАК РЕПРЕССИИ ПРАВОЗАЩИТНИКОВ. ПРАВОЗАЩИТНИКИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В отношениях «большинства» и «меньшинства» правозащитники обычно занимают сторону «меньшинства». Какие меньшинства в Прибалтике являются наиболее ущемляемыми? А.Лобов в своей работе «Взгляд на Эстонию: политизированность и статистика как инструмент определения приоритетов в борьбе с дискриминацией»¹⁵ предложил математическую модель, при помощи которой определяется «острота» того или иного типа дискриминации в обществе, а также относительная «острота». Согласно этому исследованию, в Эстонии, в частности, этническая дискриминация существенно «острее», нежели гендерная или возрастная. К дискриминируемым этническим меньшинствам во всей Прибалтике являются русские, а в Литве также поляки. При этом следует указать на особый, реактивный характер «русскости» в Прибалтике, когда преследуемыми «русскими» оказываются также армяне, белорусы, евреи, украинцы и др. «иногородцы». Последнее – официальный термин в Эстонии.

Другое агрессивно преследуемое меньшинство – мировоззренческое (некоторые конституции называют их «философскими»), уже – политическое, при этом речь не идёт о классическом противостоянии «коалиции» и «оппозиции».

Данные замечания были приведены с целью показать, под каким углом авторы рассматривают международные документы, касающиеся защиты правозащитников.

2.1. Документальная база ООН в хронологическом порядке

Частично с хронологией документальной базы ООН по вопросу защиты правозащитников можно ознакомиться на странице Верховного комиссара ООН по правам человека¹⁶, однако в бумажном издании есть смысл привести её полностью с тем, чтобы иметь обзор документов, которые ООН принимала по вопросу защиты правозащитников. Документальная база состоит из резолюций ГА ООН, резолюций Совета по правам человека и докладов Специального докладчика о положении правозащитников, а также документов Специального представителя Генерального секретаря по вопросу о правозащитниках.

Так, 29.11.1985 ГА ООН резолюцией 40/34 утвердила «Декларацию основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления

¹⁵ Лобов А. «Взгляд на Эстонию: политизированность и статистика как инструмент определения приоритетов в борьбе с дискриминацией». Доклад на семинаре «Этнические конфликты в странах Балтии в постсоветский период». Рига 2013

http://www.venekool.eu/docs/doklad_AnLo_130921.pdf

¹⁶ <http://www.ohchr.org/EN/Issues/SRHRDefenders/Pages/Resolutions.aspx>

властью»¹⁷, раздел В которой назывался как раз «Жертвы злоупотребления властью».

20.12.1993 приложением к резолюции 48/134 были утверждены Принципы, касающиеся статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека («Парижские принципы»)¹⁸.

09.12.1998 ГА ООН приняла резолюцию 53/144 «Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы» («Декларация о правозащитниках»).

26.04.2000 Комиссия по правам человека в резолюции 2000/61 просила Генерального секретаря назначить Специального представителя по вопросу о правозащитниках. Специальный представитель Хина Джилани была назначена в должность и приступила к работе в августе 2000 года. «Одной из главных причин принятия Декларации о правозащитниках и учреждения поста Специального представителя Генерального секретаря по вопросу о правозащитниках была жестокость и масштабы репрессий против правозащитников»¹⁹.

16.12.2005 резолюцией ГА ООН 60/147 были утверждены «Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права»²⁰.

15.03.2006 резолюцией ГА ООН 60/251 в качестве вспомогательного органа ГА был учреждён Совет по правам человека.

27.03.2008 без голосования была принята резолюция²¹ 7/8 Совета по правам человека «Мандат Специального докладчика по вопросу о положении правозащитников» (в дальнейшем – Специальный докладчик), которой данный мандат был дан на три года.

01.10.2009 была принята резолюция 12/2 Совета по правам человека «Сотрудничество с Организацией Объединённых Наций, её представителями и механизмы в области прав человека» (A/HRC/RES/12/2).

25.03.2010 была принята резолюция 13/13 Совета по правам человека «Защита правозащитников» (A/HRC/RES/13/13).

¹⁷ http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml

¹⁸ http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/paris.shtml

¹⁹ http://www.ohchr.org/Documents/Publications/FactSheet29_ru.pdf, с. 13

²⁰ http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles_right_to_remedy.shtml

²¹ http://ap.ohchr.org/documents/R/HRC/resolutions/A_HRC_RES_7_8.pdf

24.03.2011 была принята резолюция 16/5 Совета по правам человека «Мандат Специального докладчика по вопросу о положении правозащитников» (A/HRC/RES/16/5)²², которой данный мандат был продлён на три года.

25.09.2011 была принята резолюция 18/18 Совета по правам человека «Расширение технического сотрудничества и создание потенциала в области прав человека» (A/HRC/RES/18/18).

19.12.2011 ГА ООН приняла резолюцию 66/164 «Пропаганда Декларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы» (A/RES/66/164).

21.03.2013 была принята резолюция 22/6 Совета по правам человека «Защита правозащитников» (A/HRC/RES/22/6).

27.09.2013 была принята резолюция 24/21 Совета по правам человека «Пространство для деятельности гражданского общества: создание и поддержание благоприятных и безопасных условий де-юре и де-факто» (A/HRC/RES/24/21)²³.

В тот же день Советом по правам человека была принята и резолюция 24/24 «Сотрудничество с Организацией Объединённых Наций, её представителями и механизмами в области прав человека» (A/HRC/RES/24/24).

18.12.2013 ГА ООН приняла резолюцию № 68/181 «Пропаганда Декларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы: защита женщин-правозащитников и лиц, отстаивающих права человека женщин».

23.12.2013 ГА ООН был представлен доклад Специального докладчика (A/HRC/25/55).

28.03.2014 была принята резолюция 16/5 Совета по правам человека «Мандат Специального докладчика по вопросу о положении правозащитников» (A/HRC/RES/25/18)²⁴, которой данный мандат был продлён на три года.

18.11.2015 ГА ООН приняла резолюцию A/C.3/70/L.46/Rev.1 «Признание роли правозащитников и необходимости их защиты».

2.2. Развёртывание логики ООН в деле защиты правозащитников

²² http://ap.ohchr.org/documents/dpage_e.aspx?si=A/HRC/RES/16/5

²³ <http://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain/opendocpdf.pdf?reldoc=y&docid=53bd111e4>

²⁴ http://ap.ohchr.org/documents/dpage_e.aspx?si=A/HRC/RES/25/18

Защита прав человека, в частности, защита прав национальных меньшинств, оказалась делом опасным, как и всякая борьба с несправедливостью. Понимание данного обстоятельства заставило ООН обратить на эту проблему внимание и принять те меры, которые ООН посчитала нужным принять – в своей логике. Логика эта, насколько можно судить, развивалась в трёх направлениях: защита правозащитников от преследования, криминализация преследования и предоставление преследуемым убежища. Все три направления, как уже было указано ранее, будут рассмотрены в настоящем исследовании отдельно.

Определение «правозащитников» (англ. – human rights defenders) даёт в своих «Десяти тезисах о правозащитниках»²⁵ Специальный докладчик Маргарет Секаггия: «Правозащитниками называются лица, которые индивидуально или совместно с другими поощряют и защищают права человека. Именно участие в борьбе за права человека даёт право называться правозащитниками». И добавляет, что «Правозащитники находятся на переднем крае в деле защиты и поощрения прав человека в своих странах. Защита тех, кто отстаивает права человека, усиливает положительный эффект в деле поощрения и защиты прав человека в целом. И наоборот, там, где правозащитники подвергаются нападениям, ухудшается положение с осуществлением прав человека. Поэтому положение правозащитников является одним из важнейших показателей положения в области прав человека».

Понимание того, что самих правозащитников тоже необходимо защищать, приходило к ООН постепенно. Так, утверждённая резолюцией ГА ООН 53/144 от 09.12.1998 г. «Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы» («Декларация о правозащитниках») начала довольно короткую серию резолюций, посвящённых проблеме активной защиты правозащитников. С точки зрения темы исследования значимыми являются следующие статьи декларации:

«Статья 1. Каждый человек имеет право, индивидуально и совместно с другими, поощрять и стремиться защищать и осуществлять права человека и основные свободы на национальном и международном уровнях.

Статья 7. Каждый человек имеет право, индивидуально и совместно с другими, развивать и обсуждать новые идеи и принципы, касающиеся прав человека, и добиваться их признания.

²⁵ <http://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain/opendocpdf.pdf?reldoc=y&docid=48e4b8812>

Статья 12.

1. Каждый человек имеет право, индивидуально и совместно с другими, участвовать в мирной деятельности, направленной против нарушений прав человека и основных свобод.
2. Государство предпринимает все необходимые меры с целью обеспечения защиты с помощью компетентных органов любого человека, индивидуально и совместно с другими, от любого насилия, угроз, возмездия, негативной дискриминации де-факто или де-юре, давления или иного любого произвольного действия, в связи с законным осуществлением его или её прав, упомянутых в настоящей Декларации.
3. В этой связи каждый человек, индивидуально и совместно с другими, имеет право находиться под эффективной защитой национального законодательства в случае принятия ответных мер или выступлений с использованием мирных средств против вменяемых государству деятельности или действий, включая бездействие, результатом которых являются нарушения прав человека и основных свобод, а также против актов насилия, совершаемых группами или отдельными лицами и затрагивающих осуществление прав человека и основных свобод.

Статья 13. Каждый имеет право, индивидуально и совместно с другими, запрашивать, получать и использовать ресурсы специально для целей поощрения и защиты прав человека и основных свобод мирными средствами.

Статья 16. Отдельные лица, неправительственные организации и соответствующие учреждения играют важную роль содействием более глубокому пониманию общественностью вопросов, связанных со всеми правами человека и основными свободами, посредством такой деятельности, как просвещение, профессиональная подготовка и исследования в этих областях в целях дальнейшего укрепления, в частности, взаимопонимания, терпимости, мира и дружественных отношений между государствами и между всеми расовыми и религиозными группами, с учётом различных особенностей, характерных для обществ и общин, в которых они осуществляют свою деятельность».

Как видно, в данной Декларации термин «преследование» не используется вообще, но использованы «любое насилие, угрозы, возмездие, негативная дискриминация де-факто или де-юре, давление или иное любое произвольное действие». Вместе с тем текст Декларации принципиально важен констатацией следующих позиций:

- право на защиту прав человека «на национальном и международном уровнях» является легитимным (ст. 1);
- «новые идеи и принципы, касающиеся прав человека», могут не только «развиваться и обсуждаться», но и признаваться (ст. 7);

- государства являются объективными противниками правозащитников (ч. 3 ст. 12);
- деятельность правозащитников не только может, но и должна быть оплачиваемой, причём источник ресурсов может быть любым, но в первую очередь им должно быть собственное государство (ст. 13). Данное положение подаёт странам Прибалтики сразу два сигнала: начинайте оплачивать труд своих правозащитников и прекратите третировать их за то, что они получают ресурсы из других источников;
- просветительская деятельность в области прав человека, в том числе публицистика, а также профессиональная подготовка правозащитников (семинары, конференции, лагеря, школы), равно как и исследования в области прав человека (в том числе данное исследование) являются легитимными (ст. 16);
- «укрепление взаимопонимания, терпимости, мира и дружественных отношений между государствами», в частности, между странами Прибалтики и Россией, является легитимной целью (ст. 16).

Резолюция 12/2 Совета по правам человека «Сотрудничество с Организацией Объединённых Наций, её представителями и механизмы в области прав человека» была составлена как ответ на преследования в связи с контактами правозащитников с ООН, как ответ на нарушения п. с) ст. 5 Декларации о правозащитниках – «В целях поощрения и защиты прав человека и основных свобод каждый человек имеет право, индивидуально и совместно с другими, на национальном и международном уровнях: (...) поддерживать связь с неправительственными и межправительственными организациями».

В резолюции Совет по правам человека призывает правительства «предотвращать и воздерживаться от всех актов запугивания и расправ над теми, кто:

(а) ищет сотрудничества или уже сотрудничал с Организацией Объединённых Наций, её представителями и механизмами в области человека, или кто давал им свидетельства или передавал информацию» и т.д.

Несмотря на прогрессивный характер принятых документов, преследование правозащитников не прекращалось. Решению данной проблемы должны были помочь создание Совета по правам человека и мандата Специального докладчика. В п. 60 доклада²⁶ A/63/288 она считает, что «необходимо активизировать усилия в направлении улучшения понимания прав и обязанностей, сформулированных в Декларации о правозащитниках. Спустя 10 лет после принятия Генеральной Ассамблеей Декларации этот документ всё ещё недостаточно хорошо знают ни те, кто несёт главную

²⁶ <http://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain/opensslpdf.pdf?reldoc=y&docid=48e4b8812>

ответственность за её осуществление, т.е. правительства, ни те люди, права которых в ней провозглашены, т.е. правозащитники».

Специальный докладчик оказалась услышанной, и на свет появилась резолюция 66/164 «Пропаганда Декларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы», которая является логическим развитием предыдущей резолюции. В её преамбуле ГА уже дважды употребляет термин «преследование»:

«отмечая с глубокой озабоченностью, что во многих странах лица и организации, занимающиеся поощрением и защитой прав человека и основных свобод, из-за участия в этой деятельности часто подвергаются угрозам и преследованиям и оказываются в небезопасном положении, в частности вследствие ограничения свободы ассоциаций, свободы выражения убеждений или права на проведение мирных собраний или же вследствие злоупотребления гражданским или уголовным судопроизводством, (...)

будучи далее серьезно озабочена тем, что правозащитники подвергаются преследованиям за то, что сообщают о случаях нарушений прав человека и собирают соответствующую информацию».

Помимо этого, резолюция употребляет следующие термины и выражения: «угрозы в адрес правозащитников, нападения на них и акты их запугивания», «серьезный характер опасностей, которым подвергаются правозащитники», «деятельность некоторых негосударственных субъектов представляет собой большую угрозу для безопасности правозащитников», «чрезмерное и неизбирательное применение силы, произвольные аресты и задержания, пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания, насильственные исчезновения, нарушения судопроизводства по уголовным и гражданским делам или угрозы совершения таких действий», «нападения на правозащитников и их родственников, угрозы в их адрес и акты запугивания, включая случаи насилия по признаку пола».

Из резолюции, содержание которой гораздо более «боевое», чем это следует из названия, можно вычитать, что:

- законодательство по вопросам национальной безопасности и борьбы с терроризмом может быть неправомерно использовано и реально использовалось против правозащитников или наносило ущерб их деятельности и безопасности. Государства должны «обеспечить, чтобы любые меры по борьбе с терроризмом и обеспечению национальной безопасности соответствовали их обязательствам по международному праву,

в частности международным стандартам в области прав человека, и не наносили ущерба деятельности и безопасности» правозащитников;

- преследование правозащитников во многих случаях остаётся безнаказанным. Государства должны «принять надлежащие меры для решения проблемы безнаказанности за совершаемые государственными и негосударственными субъектами нападения на правозащитников»;

- новые формы коммуникации могут служить важными инструментами для правозащитников;

- необходимы «решительные и эффективные меры по защите правозащитников»;

- государства должны обеспечить правозащитникам возможность «играть свою важную роль в контексте проведения мирных протестов» без какого-либо ущерба для них;

- государства настоятельно призываются «обеспечить перевод Декларации и принять меры для обеспечения её максимально возможного распространения на национальном и местном уровнях».

Следующая резолюция ГА ООН № 68/181 обращает особое внимание на «женщин-правозащитников и лиц, отстаивающих права человека женщин», которые «из-за участия в этой деятельности часто подвергаются угрозам и преследованиям и оказываются в небезопасном положении». (В интересах чистоты исследования отметим, что использованный в резолюциях ГА ООН термин «преследование» в английских версиях представлен не как «persecution», а как «harassment». Что, однако, не является решающим, т.к. русский язык является официальным языком ООН).

Помимо того, что словарь форм преследования в этой резолюции расширен по сравнению с предыдущей, у него есть и откровенно «женский» уклон: «женщины-правозащитники и лица, отстаивающие права человека женщин, подвергаются угрозе и становятся жертвами нарушений и злоупотреблений, включая систематические нарушения и ущемление их основных прав на жизнь, свободу и личную безопасность, психологическую и физическую неприкосновенность, частную жизнь и уважение личной и семейной жизни и свободу мнений и выражения убеждений, ассоциаций и мирных собраний, и, кроме этого, могут подвергаться гендерному насилию, изнасилованию и сексуальному насилию в иных формах и становиться объектами притеснений, оскорблений и нападок на их репутацию в сети Интернет и вне её со стороны государственных субъектов, включая сотрудников правоохранительных органов и служб безопасности, и негосударственных субъектов, например связанных с семьей и общиной, как в публичной, так и в частной сферах».

Первая резолюция Совета по правам человека 13/13 (как видно из приведённой хронологии, таких резолюций было две) «Защита

правозащитников» даёт прямые ответы на вопросы, поставленные в исследовании.

В п. 4 резолюции Совет уже «настоятельно призывает государства публично признать легитимную роль правозащитников и важность их деятельности в качестве важного компонента, обеспечивающего их защиту».

В п. 5 государства призываются «создавать и укреплять механизмы для консультирования и диалога с правозащитниками, в том числе путём создания координационного центра правозащитников в рамках государственной администрации там, где такие центры отсутствуют».

Т.к. резолюции по теме шли «с нарастающим итогом», то есть смысл рассмотреть последнюю по времени резолюцию ГА ООН A/C.3/70/L.46/Rev.1 «Признание роли правозащитников и необходимости их защиты». В её преамбуле отмечается уже «жизненно важное значение деятельности правозащитников». В контексте «преследования» упоминаются «стигматизация», «серьёзный характер рисков», «угрозы», «притеснения», «нападения», «небезопасное положение», «запугивания», «гонения», «принуждения», «произвольные задержания», «аресты», «насильственные исчезновения», «насилия», «создание препятствий для их деятельности», «создание препон и препятствий».

Для Прибалтики в целом принципиальным является развитие в преамбуле положения о том, что идеи не являются поводом для преследования: «не совпадающие с другими мнения, в том числе мнения в отношении государственной и корпоративной политики, касающейся прав человека или влияющей на них, могут выражаться мирно и распространяться свободно в обществе, через Интернет и иным образом». Данное положение важно как в связи с возникающими время от времени попытками криминализовать «отрицание оккупации», так и в связи с тем, что массовая кража гражданства в Латвии и Эстонии в начале 90-х годов до сих пор не признана как массовое нарушение прав человека (право на гражданство - ст. 15 Всеобщей Декларации прав человека).

Также, в связи с развитием социальных сетей, ГА отмечает, что «информационно-коммуникационные технологии являются важными инструментами для поощрения прав человека и представления информации о нарушениях и ущемлении прав человека», и выражает беспокойство тем, что такие технологии все чаще используются для контроля за деятельностью правозащитников и создания препятствий для нее».

Ключевые, по мнению автора, положения резолюции приведены ниже. Так, ГА ООН:

- в п. 1 подчёркивает, что осуществление права на защиту прав человека, «не подвергаясь за это гонениям», является мерилом демократии в обществе;

- в п. 4 «призывает государства признать посредством публичных заявлений, политики или законов важную и законную роль правозащитников», «в том числе посредством безоговорочного и публичного осуждения всех случаев насилия и дискриминации в отношении правозащитников, в том числе женщин-правозащитников»;
- в п. 5, помимо «решительных осуждений насильственных действий против правозащитников и их преследования», ГА ООН распространяет защиту и на «их законных представителей, сподвижников и членов семей»;
- в п. 6 осуждаются «все акты запугивания и гонений со стороны государственных и негосударственных субъектов» за сотрудничество правозащитников «с субрегиональными, региональными и международными органами, в том числе с Организацией Объединенных Наций»;
- в п. 6 ГА ООН «самым настоятельным образом призывает освободить» находящихся в тюрьмах правозащитников;
- в п. 10 все государства призываются «создать и поддерживать безопасные и благоприятные условия для защиты прав человека и, в частности, обеспечивать, чтобы»:
 - «f) информация, включая информацию о грубых нарушениях прав человека, которой располагают государственные органы власти, без необходимости не объявлялась секретной и не скрывалась иным образом от общественности»;
 - «g) положения не препятствовали привлечению к ответственности государственных должностных лиц и чтобы наказания за клевету были ограничены, с тем чтобы обеспечить пропорциональность и возмещение, соразмерное причиненному вреду»;
 - «h) информационно-коммуникационные технологии не использовались таким образом, чтобы это можно было квалифицировать как произвольное или незаконное вмешательство в частную жизнь отдельных лиц или как угрозы в отношении правозащитников»;
- в п. 11 государства призываются «разработать и ввести в действие всеобъемлющие и жизнеспособные государственные стратегии и программы, предусматривающие поддержку и защиту правозащитников на всех этапах их деятельности»;
- в п. 12 подтверждается «полезность и преимущества проведения консультаций и диалога с правозащитниками по вопросам, касающимся государственных стратегий и программ, в том числе для целей защиты»;
- в п. 21 подчёркивается «обязанность коммерческих предприятий уважать права человека, включая основные права правозащитников на жизнь, свободу и безопасность, и осуществление их прав на свободное выражение мнений, мирные собрания и свободу ассоциации и участие в общественных делах (...);
- в п. 22 национальным правозащитным организациям рекомендуется «уделять должное внимание положению правозащитников, в том числе посредством проведения консультаций с соответствующими заинтересованными сторонами по таким вопросам, как законодательство, политика и административные меры, которые затрагивают правозащитников,

и разработать и поддерживать систему документирования нарушений и злоупотреблений в отношении правозащитников;

- в п. 26 государства настоятельно призываются сотрудничать со Специальным докладчиком и оказывать ему содействие в выполнении его мандата».

2.3. Практика Специального докладчика

Мандат Специального докладчика, учреждённый в 2008 году, по определению предусматривал представление докладов. В частности, она посвятила целый тематический доклад Декларации о правозащитниках, представленный Генеральной Ассамблее (A/66/203). В п. 13 доклада A/63/288 указывается, например, что в среднем Специальный докладчик отправляет по 40 сообщений в месяц «о предполагаемых нарушениях прав человека правозащитников».

Т.к. доклады Специального докладчика, срок полномочий которого устанавливался продолжительностью в три года, тоже шли «с нарастающим итогом», в том числе с учётом докладов предыдущих Специальных докладчиков, то в целях экономии есть смысл рассмотреть подробно только один из последних докладов, а именно, доклад (A/HRC/25/55) от 23.12.2013, шестой по счёту для данного Специального докладчика (в п. 34 доклада отмечается, что в общей сложности Специальный докладчик представила Совету и Генеральной Ассамблее 12 тематических докладов).

Так, в п. 29 доклада описан эффект от поездок Специального докладчика: «Эффект от её поездок проявлялся для Специального докладчика многообразно. Например, после её поездки в Колумбию и встречи с Президентом последний издал публичное заявление, в котором признал и поддержал работу правозащитников в стране. После посещения ею Гондураса благодаря её рекомендациям власти начали консультации по проекту закона о разработке механизма защиты правозащитников и журналистов и по проекту создания такого механизма».

Далее представлены наиболее значимые с точки зрения целей исследования позиции этого доклада. Приведение этих позиций прежде всего должно дать представление о том, является ли преследование правозащитников в Прибалтике уникальным явлением или, наоборот, типичным.

«40. За период выполнения своего мандата²⁷ Специальный докладчик направила примерно 130 государствам более 1 500 сообщений, из которых около 1 000 представляли собой призывы к незамедлительным действиям, а приблизительно 500 – письма с утверждениями.

²⁷ 1 мая 2008 года – 15 ноября 2013 года.

41. Разбивка по регионам показывает, что приблизительно 420 сообщений были направлены странам Азиатско-Тихоокеанского региона (28%), приблизительно 400 – странам Латиноамериканского региона (26%), более 250 – в регион Ближнего Востока и Северной Африки (17%), около 230 – странам Европы, Северной Америки и Центральной Азии (15,2%) и приблизительно 200 – странам Африки (13%).

42. В этих сообщениях Специальный докладчик привлекла внимание к положению более чем 4 500 лиц, из которых приблизительно 950 являлись женщинами. Приблизительно 50 из направленных ею сообщений касались случаев репрессий в отношении групп или отдельных лиц за взаимодействие с Организацией Объединенных Наций, её механизмами и представителями в области прав человека, а также с международными правозащитными органами. Всего она получила ответы на половину сообщений, направленных за период нахождения на посту. Однако по существу поднятые в сообщениях вопросы были рассмотрены лишь в 40% ответов. Специальный докладчик сожалеет, что доля ответов, присланных правительствами на эти сообщения, является очень низкой, особенно если принять во внимание серьёзный характер полученных утверждений и экстренность некоторых случаев и ситуаций.

53. Несмотря на эти усилия, Специальный докладчик заметила, что Декларация еще недостаточно известна во многих частях мира. Во время её поездок в страны Специальный докладчик делала на неё ссылки и рекомендовала включить Декларацию во внутреннее законодательство (Армения, Гондурас), повышать уровень осведомленности о Декларации (Тунис, Ирландия), распространять её (Демократическая Республика Конго, Гондурас, Индия, Того), перевести её на местные языки (Армения, Демократическая Республика Конго, Индия, Того), а также ознакомить с Декларацией основных заинтересованных субъектов (Армения, Демократическая Республика Конго, Тунис).

59. В период выполнения своих обязанностей Специальный докладчик заметила, что в некоторых регионах мира пространство для действий гражданского общества и правозащитников заметно уменьшилось. Кроме того, по её наблюдениям, утвердились более изощрённые формы замалчивания их мнений и создания препятствий для их работы, включая применение правовых и административных положений или неправомерное использование судебной системы для криминализации и стигматизации их деятельности. Такая практика не только ставит под угрозу физическую неприкосновенность правозащитников и подрывает их работу, но и создает атмосферу страха и подает запугивающий сигнал обществу в целом.

69. Наряду с этим Специальный докладчик предостерегает от ограничений на финансирование из-за рубежа, которые были установлены в ряде государств. По этой причине ассоциации подвергаются риску быть обвинёнными в государственной измене и вынуждены объявлять себя «иностранными агентами» либо получать предварительное разрешение на привлечение финансовых средств. Специальный докладчик обеспокоена тем, что оправдания этого, в том числе оправдания, выдвигаемые со ссылкой на необходимость борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма, зачастую носят чисто риторический характер и что целью этого является ограничение деятельности правозащитников.

70. Специальный докладчик вновь с беспокойством обращает внимание на факт повсеместного распространения законодательства о диффамации, законов о доступе к информации и законодательства о засекречивании информации и служебной тайны, которые мешают работать правозащитникам.

73. В период выполнения её полномочий одним из вопросов, регулярно вызывавших у Специального докладчика серьёзную озабоченность в связи с нарушениями против правозащитников, был вопрос безнаказанности. Во многих случаях жалобы правозащитников на предполагаемые нарушения их прав не расследуются или безосновательно отклоняются. То, что государства не расследуют нарушения, можно считать безнаказанным посягательством на правозащитников, и это обстоятельство может способствовать формированию условий, в которых новые посягательства на них будут восприниматься как нечто терпимое.

117. За период с 2008 года Генеральный секретарь в своих докладах сообщил о 56 случаях репрессий, при этом 46 случаев касались правозащитников (82%). К 40 из 46 случаев были причастны государства или силы безопасности (87%). В 26 случаях к основным средствам, использовавшимся против правозащитников, относились запугивания, притеснения и угрозы, в том числе угрозы причинения смерти (57%). В 11 случаях правозащитников задерживали (24%), в 7 случаях (15%) их подвергали пыткам, а в 1–2 – правозащитников убили. В 7 случаях правозащитников оклеветали (15%), а в 3 случаях – запрещали совершать поездки (7%). Десять случаев репрессий касались правозащитников, занимавшихся процессом УПО или участвовавших в нём (22%). Кроме того, девять случаев репрессий касались правозащитников, взаимодействовавших с Советом и мандатариями специальных процедур (20%). Специальный докладчик также сообщала о конкретных ситуациях, когда ее информировали об опасениях возможных репрессий в случае поднятия ею вопроса о соответствующих делах перед властями (см., например, A/HRC/22/47/Add.4, пункт 382)».

2.4. Практика Специального представителя Генерального секретаря по вопросу о правозащитниках

Насколько можно судить, Специальный представитель, работавший, согласно мандату, бесплатно, должен был раз в год представлять свой доклад ГА. К теме исследования, однако, ближе подготовленное им издание 29 номера серии «Права человека: изложение фактов» «Правозащитники: защищая право на защиту прав человека»²⁸.

Мандат Специального представителя, судя уже по названию, шире мандата Специального докладчика. «Специальный представитель наделена весьма широким официальным мандатом, для осуществления которого необходимо наметить стратегии, приоритеты и виды деятельности. Первостепенной задачей Специального представительства является «защита» правозащитников. Под защитой понимается защита самих правозащитников и защита их права защищать права человека»²⁹.

Для «защиты правозащитников» мандатом предусмотрено получение информации от правозащитников, в том числе заявлений о нарушениях их прав человека. «При поступлении информации Специальный представитель прежде всего определяет, подпадает ли она под полученный мандат. Во-вторых, предпринимаются все усилия для установления обоснованности жалобы о нарушении прав человека и надёжности источника информации. В-третьих, Специальный представитель вступает в контакт с правительством государства, в котором, как утверждается, имело место нарушение. Контакт обычно осуществляется посредством направления писем с призывами о «незамедлительных действиях» или писем, содержащих «утверждения» об имевших место нарушениях на имя министра иностранных дел соответствующего государства, причём копии отсылаются в дипломатическое представительство государства при Отделении Организации Объединённых Наций в Женеве. В письмах приводится подробная информация о потерпевших, о проблемах в связи с нарушениями прав человека и обжалуемых фактах. Основная цель писем заключается в том, чтобы как можно быстрее информировать государственные власти и дать им возможность расследовать жалобы и пресечь или предупредить какое-либо нарушение прав человека»³⁰.

Данное издание ценно также тем, что в нём приведена форма обращения к Специальному представителю по правозащитникам.

Рассмотрим теперь документы других международных организаций, имеющих отношение к теме преследования правозащитников и их защиты.

²⁸ http://www.ohchr.org/Documents/Publications/FactSheet29_ru.pdf

²⁹ Там же, С. 32

³⁰ Там же, С. 34

2.5. Руководство Европейского союза 2004 года по правозащитникам

К региональным документам следует, несомненно, отнести «Обеспечивая защиту - Руководство Европейского союза по правозащитникам»³¹. Данный документ, однако, производит странное впечатление, т.к. он нацелен на защиту правозащитников... в «третьих странах», между тем как все страны Прибалтики являются членами ЕС. Начинается документ с заявления о том, что «Поддержка правозащитников является уже давно установившимся элементом внешней политики Европейского Союза в области прав человека». По прочтению документа складывается впечатление, что проблем с преследованием правозащитников в ЕС нет вовсе.

2.6. Руководящие принципы по защите правозащитников БДИПЧ ОБСЕ («Норвежские принципы») 2005 года

В последние годы площадка Совещания по человеческому измерению БДИПЧ ОБСЕ в Варшаве стала постоянным местом встречи правозащитников Прибалтики, отсюда особое внимание к документам этой организации. Предисловие Норвежских принципов³² отражает путь ОБСЕ в деле защиты правозащитников. В нём, в частности, упоминается Будапештский документ 1994 года «На пути к подлинному партнёрству в новую эпоху», в котором подчёркнута «необходимость защиты правозащитников. Эта необходимость закреплена в Хельсинкском заключительном акте 1975 года, Документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению ОБСЕ (1990 г.) и других обязательствах ОБСЕ в области человеческого измерения, в каждом из которых признается исключительно важная роль правозащитников и гражданского общества в достижении наших общих целей в рамках ОБСЕ. Невозможно гарантировать соблюдение основных свобод и прав человека в мире, где правозащитники продолжают подвергаться преследованиям за свою работу».

В предисловии указывается также и на конкретные причины, побудившие ОБСЕ к составлению «Норвежских принципов»: «В связи с проведением встречи Совета министров ОБСЕ 2012 г. в Дублине сеть организаций гражданского общества выпустила совместное заявление, в котором выражается серьезная обеспокоенность по поводу безопасности правозащитников в регионе ОБСЕ и содержится призыв к ОБСЕ о разработке руководящих принципов по защите правозащитников. Откликаясь на этот призыв и действуя в соответствии со своим мандатом, БДИПЧ начало работу над проектом по подготовке данных руководящих принципов». Также

³¹ «Ensuring protection – European Union guidelines on human rights defenders”
<https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/GuidelinesDefenders.pdf>

³² <http://www.osce.org/ru/odihr/123728?download=true>

указывается, что «В данном документе не устанавливаются новые нормы и не создаются «особые» права правозащитников; речь идет о защите прав человека тех, кто подвергается риску в связи со своей правозащитной деятельностью. Таким образом, руководящие принципы направлены на то, чтобы содействовать равной защите прав человека всех лиц»³³. Отметим, что Декларация о правозащитниках как раз описывает «особые» права правозащитников. Т.к. Норвежские принципы во многом являются развитием Декларации о правозащитниках, то в дальнейшем будут отмечены как раз отличия двух документов

С точки зрения целей исследования важным является п. 12 Норвежских принципов, который входит в подраздел А «Защита от угроз, нападения и других нарушений» раздела II «Физическая неприкосновенность, свобода, безопасность и достоинство правозащитников»: «Государственные институты и должностные лица должны воздерживаться от любых запугивающих или репрессивных действий, имеющих форму угроз, повреждения или уничтожения имущества, физических нападения, пыток и других видов жестокого обращения, убийства, насильственных исчезновений и других видов причинения физического или психологического ущерба в отношении правозащитников и членов их семей. Помимо этого, государства-участники обязаны защищать правозащитников от подобных действий со стороны негосударственных субъектов и принимать меры для их предотвращения. Государственные власти должны открыто осуждать такие действия и проявлять к ним абсолютную нетерпимость».

Как видно, в названии раздела в том числе упоминается и «достоинство» правозащитников», чему в документах ООН особенно внимания не уделялось.

П. 14 принципов, посвящённый борьбе с безнаказанностью, даёт ценное уточнение: «Расследования должны позволять эффективным образом идентифицировать нарушителей, должны быть действенными и в соответствующих случаях приводить к преследованию виновных. Любые санкции должны быть соразмерными тяжести правонарушения. Дисциплинарные процедуры не являются заменой уголовным обвинениям, так же как преследование по обвинению в «превышении служебных полномочий» не является достаточным в случае нарушения права на жизнь или запрета на применение пыток или других видов жестокого обращения, а также в случае других серьезных нарушений прав человека».

Той же теме посвящены пп. 15 и 16:

³³ Там же, С. 3

«15. Государства должны рассмотреть вопрос о принятии национального законодательства, признающего совершение преступлений в отношении правозащитников по причине их деятельности в качествеотягчающего обстоятельства при вынесении приговора.

16. Государства должны обеспечить применение своего законодательства против преступлений на почве ненависти «по ассоциации» к преступлениям, направленным против правозащитников. Такие преступления должны преследоваться в аналогичном порядке согласно соответствующему законодательству, если они мотивированы нетерпимостью в отношении конкретной социальной группы, к которой правозащитник прямо не принадлежит, но с которой он ассоциируется».

Принципиально новым является содержание п. 21: «Государства должны выделять достаточные средства из своего регулярного бюджета на физическую и психологическую защиту подвергающихся риску правозащитников, неотложную помощь в чрезвычайных обстоятельствах и другие услуги. Помимо этого, они должны активно поддерживать неправительственные организации (НПО), оказывающие такие услуги. Когда это необходимо, государствам-участникам следует добиваться финансирования этой сферы в рамках международного сотрудничества».

П. 23 вводит в оборот понятие «судебной травли»: «Правозащитники не должны подвергаться судебной травле в форме незаконных судебных или административных разбирательств или любого иного злоупотребления административной или судебной властью, а также криминализации, произвольному аресту или задержанию и другим санкциям за действия, связанные с их правозащитной деятельностью».

«28. Необходимо создать действенные механизмы надзора, занимающиеся расследованием возможных неправомерных действий со стороны сотрудников правоохранительных и судебных органов, связанных с судебной травлей преследованием правозащитников».

«29. Сотрудники правоохранительных органов, военнослужащие, государственные должностные лица и другие занятые в государственных учреждениях служащие, которые выступают против нарушений прав человека или участвуют в иной деятельности, направленной на защиту прав человека, должны быть защищены от запугивания и преследования, дисциплинарных и других разбирательств. В частности, судебные и дисциплинарные системы не должны налагать на военнослужащих несоразмерные ограничения, способные фактически лишить их права защищать права человека.

Ограничения, налагаемые на права сотрудников разведывательных служб и других сотрудников сектора безопасности, должны отвечать строгим требованиям необходимости и соразмерности».

Отдельного внимания заслуживает подраздел «Борьба со стигматизацией и маргинализацией»:

«37. Государственные институты и должностные лица должны воздерживаться от участия в кампаниях по дискредитации, созданию негативного образа или стигматизации правозащитников и их деятельности. Сюда входит навешивание негативных ярлыков на правозащитников, дискредитация правозащитной деятельности и самих правозащитников или сознательная клевета на них в той или иной форме.

38. Государства должны принимать активные меры против кампаний по дискредитации и стигматизации правозащитников, в том числе проводимых третьими сторонами. Они должны публично признавать значение работы правозащитников и необходимость их защиты, а также говорить о заслугах конкретных правозащитников, тем самым повышая легитимность и статус правозащитной деятельности в глазах общества.

39. В полной мере уважая право на свободу убеждений и свободу выражения мнения, государства должны пресекать пропаганду ненависти и другие формы нетерпимости в отношении правозащитников, представляющие собой подстрекательство к дискриминации и разжигание вражды или насилия, в том числе в Интернете».

Следующий блок относится к свободе убеждений и СМИ:

«49. Свобода убеждений и свобода выражения мнения осуществляются также в Интернете. Как правило, государства должны поощрять и облегчать равный для всех доступ к Интернету и цифровым информационным технологиям. Все государственные правила, регулирующие коммуникацию в Интернете, должны полностью отвечать строгим требованиям, установленным международными стандартами в отношении ограничения прав на свободу убеждений и на свободу выражения мнения. Несовместимым с этими стандартами является осуществление цензуры онлайн-контента и блокирование или фильтрация веб-сайтов и иностранных новостных, информационных и других Интернет-служб только по той причине, что они критикуют правительство или обсуждают вопросы, вызывающие полемику в обществе.

50. Государства должны обеспечивать, чтобы Интернет-провайдеры и другие частные компании, находящиеся в их юрисдикции, но работающие на международном рынке, не содействовали таким незаконным ограничениям

онлайн-контента на их территории или на территории других государств. Блогеры и пользователи социальных сетей должны быть защищены от последствий размещения ими в Интернете публикаций или комментариев, содержащих критику в адрес их правительства.

51. Условия деятельности СМИ – в том числе печатных СМИ, радио, телевидения и Интернета – должны способствовать участию правозащитников в общественных дискуссиях с целью выработки новых идей, направленных на улучшение защиты прав человека и поиск ответов на новые проблемы, возникающие в данной области. В этой связи государства должны принимать меры по созданию сильных и плюралистических СМИ и по улучшению доступа к ним правозащитников.

53. Государства обязаны воздерживаться от прямой или косвенной цензуры и не должны осуществлять официальный или неофициальный контроль за системой СМИ с целью предотвращения критики в адрес правительства или наказания за такую критику, за разоблачения нарушений прав человека и случаев плохого управления и коррупции, а также за обсуждение вопросов, которые вызывают полемику в обществе и могут ставить под сомнение традиционные ценности или мнение властей. Они должны обеспечить, чтобы ни государственные институты, ни должностные лица, ни частные медиакорпорации или влиятельные деловые круги не препятствовали осуществлению прав на свободу убеждений и на свободу выражения мнения, в том числе права искать, получать и распространять информацию».

Особое внимание уделено свободе собраний и участию в них правозащитников:

«58. При возникновении стихийных собраний власти должны способствовать их проведению, руководствуясь презумпцией в пользу проведения собраний, даже если не было получено предварительного уведомления. Правозащитники, участвующие в собраниях, о которых власти не были уведомлены заранее, не должны подвергаться аресту, содержанию под стражей или штрафам лишь на основании участия в подобных мероприятиях. Штрафы и другие санкции, налагаемые за несоблюдение формальных юридических требований к проведению собраний, должны быть соразмерны тяжести правонарушения; законодательство, предусматривающее несоразмерные наказания, должно быть отменено.

59. При поддержании правопорядка в местах проведения собраний сотрудники правоохранительных органов должны строго воздерживаться от применения силы к правозащитникам, осуществляющим свое право на свободу мирных собраний. Особое внимание при поддержании правопорядка в ходе собраний определенных групп правозащитников, подвергающихся

повышенному риску, следует уделять их конкретным потребностям – с точки зрения, например, оценки риска, состава полицейских подразделений или проведенного обучения и подготовки сотрудников полиции.

Если собрание перестает быть мирным и его участники начинают совершать насильственные действия, полиция обязана применять силу только тогда, когда это строго необходимо, и только в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств. Полицейские должны воздерживаться от несоразмерного и неизбирательного применения силы, при котором не проводится различие между применяющими насилие лицами и мирными демонстрантами, журналистами, освещающими данное событие, а также наблюдателями и случайными прохожими. Любое неправомерное поведение и излишнее применение силы со стороны сотрудников правоохранительных органов должны незамедлительно расследоваться эффективным и независимым образом, и должны приниматься соответствующие меры по преданию виновных суду. Сотрудники правоохранительных органов должны проходить регулярное и достаточное обучение, обеспечивающее соблюдение ими принципов прав человека при обеспечении правопорядка в местах проведения собраний. Государства должны привлекать правозащитников к разработке и внедрению программ такого обучения.

60. Помимо этого, на государства возлагается позитивное обязательство без какой-либо дискриминации защищать правозащитников от любых действий третьих сторон, если эти действия направлены на то, чтобы помешать правозащитникам в осуществлении их права на свободу мирных собраний. Необходима физическая защита организаторов и участников собрания до, во время и после проведения мероприятия, если они сталкиваются с угрозами или нападениями с использованием насилия. Это особенно важно в случае проведения собраний, которые посвящены вопросам, воспринимающимся как вызов традиционным ценностям, или направлены против экстремистских политических взглядов (например, в случае демонстраций против расизма, ксенофобии, нетерпимости или дискриминации)».

Касательно требований, регулирующих деятельность НПО, следует выделить требование из п. 67 – «Любые требования в отношении административной или финансовой отчетности должны быть разумными и предписанными законом. Любые проверки в офисах НПО и проверки их финансовых документов должны быть справедливыми и прозрачными и иметь чёткую правовую основу. Финансовые проверки должны быть конкретно оговорены в законодательстве, и в нём должен быть чётко определен исчерпывающий список оснований для возможных проверок, а также список документов, которые должны быть предоставлены в ходе проверки. Помимо этого, в законодательстве должен быть чётко предусмотрен разумный срок предварительного уведомления о проверке, а также её максимальная продолжительность», а также

«68. При осуществлении надзора за соблюдением разумных требований в данной сфере власти должны уважать независимость НПО и их способность принимать самостоятельные решения. Они не должны вмешиваться во внутренние дела этих организаций, а также в их управление, планирование и деятельность. Следует соблюдать конфиденциальность их внутренних дел и воздерживаться от вмешательства с использованием наблюдения, внедрения агентов и других средств. Контроль и проверки НПО не должны мешать их деятельности, отвлекать правозащитников или останавливать их работу».

Отдельного внимания заслуживает блок, описывающий доступ к финансированию и ресурсам:

«70. Государства должны поддерживать и облегчать усилия НПО по поиску и получению финансирования для правозащитной деятельности, не посягая при этом на их независимость. Им следует, насколько это возможно, выделять финансовые средства на поддержку независимых НПО. Помимо этого, они должны принимать необходимые меры, направленные на поощрение пожертвований на правозащитную деятельность от частных лиц или компаний, в том числе путем предоставления им налоговых льгот за такие пожертвования.

71. Государства также должны, когда это требуется, поддерживать и облегчать усилия НПО по получению других материальных ресурсов, необходимых для осуществления независимой правозащитной деятельности. Они должны воздерживаться от любых произвольных или незаконных действий, лишаящих НПО этих ресурсов, в том числе от конфискации, повреждения или уничтожения оборудования или другой собственности.

72. Все государственные органы и должностные лица также должны полностью уважать независимость НПО и воздерживаться от использования государственного финансирования или других финансовых и нефинансовых рычагов для оказания влияния на работу НПО и на правозащитное движение в целом. Программы государственного финансирования должны быть прозрачными, основанными на принципе справедливости и доступными на равных условиях для всех правозащитников и их НПО».

Особенно актуальным для правозащитников Прибалтики является запрет на осуществление препятствий поездкам за пределы своих стран:

«76. Государства должны признавать значение правозащитной деятельности внутри страны и за её пределами и полностью соблюдать свои обязательства и соответствующие международные стандарты, касающиеся свободы передвижения, – в том числе в тех случаях, когда правозащитники въезжают в какую-либо страну или выезжают из нее, передвигаются внутри своей

собственной страны или стремятся делать это в целях осуществления своей правозащитной деятельности.

78. Запрет на поездки в отношении правозащитников, в результате которого они не могут покинуть страну и который связан исключительно с их правозащитной деятельностью, несовместим с международными стандартами. Другие меры, на практике приводящие к аналогичным последствиям, также несовместимы с этими стандартами. Правозащитники, лишённые права покинуть свою страну, потому что их фамилии внесены в список лиц, которым выезд запрещен, должны иметь право знать о существовании этого списка и право обжаловать его, а также добиваться незамедлительного исключения своей фамилии из данного списка, если нет законного основания для такого запрета.

80. Признавая значение права на свободу передвижения и контактов между людьми в контексте защиты и поощрения прав человека и основных свобод, государства также должны стремиться к созданию условий для приезда представителей НПО из других государств в связи с участием в совещаниях, информационно-просветительской и другой правозащитной деятельности.

84. Правозащитники, пересекающие границы государств, не должны на границе подвергаться проверкам, которые являются несоразмерными или нарушающими права человека. Аналогичным образом, они не должны подвергаться обыскам на границе (включая персональный досмотр), которые являются несоразмерными, не обеспечивают уважение их человеческого достоинства или носят произвольный характер. Помимо этого, при пересечении границ правозащитники не должны сталкиваться с произвольной конфискацией оборудования (в том числе компьютерной техники), личных данных или информационных материалов – публикаций, брошюр и листовок, – необходимых для осуществления их правозащитной деятельности».

Неприкосновенности частной жизни правозащитников посвящены следующие положения:

«85. Государства обязаны воздерживаться от любого незаконного или произвольного нарушения неприкосновенности частной и семейной жизни правозащитников, их жилища или тайны переписки, в том числе электронных сообщений, и защищать их от подобного нарушения со стороны третьих лиц путем принятия законодательных и других мер.

88. Государства должны признавать особую потребность правозащитников в защите от незаконного вмешательства в их частную жизнь из-за характера их деятельности. Государствам также следует признать необходимость защиты

конфиденциальности тех источников, которые используются правозащитниками, и информации о личности людей, обращающихся за помощью, с тем чтобы правозащитники могли эффективно осуществлять свою деятельность. Если правозащитники работают с лицами, подвергающимися высокому риску физических и других нападений, особое значение имеет сохранение необходимой конфиденциальности в отношении личности источников и клиентов правозащитников».

Помимо собственно принципов, издание содержит ещё и богатую пояснительную записку, а также приложение, в котором перечисляются договоры и стандарты, касающиеся защиты правозащитников, общие стандарты прав человека, касающиеся защиты правозащитников, а также международные и региональные механизмы защиты правозащитников.

2.7. Декларация Комитета Министров о действиях Совета Европы по улучшению защиты правозащитников и содействию их деятельности от 06.02.2008

Данная Декларация³⁴ практически ничего не добавляет к «материальной» части, подробно рассмотренной выше, но предлагает к использованию для защиты правозащитников три своих механизма: ЕСПЧ, Комиссара по правам человека Совета Европы и Европейскую комиссию по социальным правам. «Преследование» упоминается в п. IV ст. 2 в контексте того, что государства-члены СЕ призываются «принимать эффективные меры для предупреждения нападений или преследований правозащитников, обеспечивать проведение независимых и эффективных расследований подобных актов и применять к тем, кто за них несет ответственность, административные меры и/или привлекать их к уголовной ответственности».

2.8. Выводы:

- «преследование» в рассмотренных документах не является ни видовым, ни родовым термином, и используется в одном синонимическом ряду с «репрессиями», «угрозами», «нападениями» и пр., при этом какой-то дифференциации этих терминов не проведено;
- как право может быть выражено через обязанность, так и вопросы преследования правозащитников в основном поданы через необходимость их защиты от конкретных угроз;
- правозащитники обладают целым рядом особенных, специфических прав, связанных как с родом их деятельности, так и опасностями, этой деятельности сопутствующими;

³⁴ <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=1354413&Site=DC>

- международное «законодательство» в сфере защиты правозащитников на сегодняшний день полностью имеет декларативный, необязательный к исполнению характер, в связи с чем международные инструменты защиты правозащитников вряд ли могут быть признаны достаточно эффективными.

ГЛАВА 3. ТИПОЛОГИЯ ПРАВОЗАЩИТНИКОВ В ПРИБАЛТИКЕ

3.1. Понятие «правозащитник»

Кто является правозащитником? Кто может быть правозащитником? На кого распространяется «защита правозащитников»? Такими вопросами задавался, в частности, Специальный представитель Генерального секретаря по вопросу о правозащитниках в издании «Правозащитники: защищая право на защиту прав человека»³⁵. И отвечал, что «Конкретного определения того, кто является или может быть правозащитником, не существует».

По его мнению, «правозащитниками могут быть любое лицо или группа лиц, работающих в интересах защиты прав человека, начиная от межправительственных организаций, действующих в крупнейших городах мира, и кончая отдельными лицами, работающими в своих местных общинах. Правозащитниками могут быть лица обоего пола, они могут иметь разный возраст, происходить из любого региона и обладать любым профессиональным или иным опытом. При этом важно отметить, что правозащитников можно встретить не только в НПО и международных организациях, но что они могут также в некоторых случаях быть и государственными должностными лицами, гражданскими служащими или представителями частного сектора.

Правозащитники в наиболее очевидном смысле слова – это люди, чья ежедневная работа конкретно связана с поощрением и защитой прав человека, как, например, у наблюдателей правозащитного движения, работающих в национальных правозащитных организациях, омбудсменов по правам человека или юристов, занимающихся защитой прав человека.

Однако главное, что характеризует человека как правозащитника – это не его должность или название организации, в которой он работает, а правозащитный характер выполняемой работы. Чтобы быть правозащитником, не так уж важно иметь репутацию «активиста правозащитного движения» или работать в организации, имеющей в своём названии слова «права человека».

Из приведённого видно, что никакого «стандарта» в определении «правозащитников» нет, а есть единственный главный критерий. Вторая мысль, вытекающая из приведённого, состоит в том, что бытие «правозащитником» в большинстве случаев ситуативно: «Многие виды профессиональной деятельности не связаны с профессиональной правозащитной работой, а лишь иногда затрагивают права человека. Например, юристы в области торгового права не всегда касаются правозащитных проблем, и их нельзя автоматически называть

³⁵ http://www.ohchr.org/Documents/Publications/FactSheet29_ru.pdf, С. 8

правозащитниками. Тем не менее в некоторых случаях они могут действовать как правозащитники, когда они ведут дела, посредством которых они вносят вклад в поощрение или защиту прав человека. Аналогичным образом, руководители профсоюзов решают многочисленные задачи, многие из которых не имеют отношения к правам человека, но когда они в конкретном плане занимаются поощрением или защитой прав человека работников, их можно назвать правозащитниками»³⁶.

В связи с этим в типологию правозащитников в Прибалтике включены прежде всего те, кто занимаются правами человека (или должны заниматься) на постоянной основе.

Второй вопрос, которым задавался Специальный представитель, это вопрос о том, должны ли правозащитники отвечать какому-либо минимальному профессиональному стандарту? Ответ на этот вопрос не так очевиден, т.к. в Декларации о правозащитниках чётко указывается, что правозащитники имеют не только права, но и обязанности. Специальный представитель выделил три «квалификационных требования»:

- признание универсальности прав человека;
- предмет защиты должен относиться к сфере прав человека. «Это очень важный вопрос, потому что во многих странах государство или даже общество считают, что правозащитники не правы, поскольку они поддерживают только одну сторону спора. На этом основании им говорят, что они не «настоящие» правозащитники. Правозащитники, выступающие в защиту прав политических заключённых или лиц, принадлежащих к вооружённым оппозиционным группам, также зачастую рассматриваются государственными властями как сторонники таких партий или групп просто потому, что они защищают права соответствующих лиц»³⁷;
- действия, предпринимаемые правозащитниками, должны в соответствии с требованиями Декларации о правозащитниках носить мирный характер.

Последнее «квалификационное требование» в наши дни воспринимается как норма, но так было не всегда. Так, например, Декларация независимости США 1776 года среди прочего гласит следующее: «когда длинный ряд злоупотреблений и насилий, неизменно подчиненных одной и той же цели, свидетельствует о коварном замысле вынудить народ смириться с неограниченным деспотизмом, свержение такого правительства и создание новых гарантий безопасности на будущее становится правом и обязанностью народа». Ст. 2 французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года к «естественным и неотъемлемым правам человека» относит «свободу, собственность, безопасность и сопротивление угнетению».

³⁶ Там же, С. 9

³⁷ Там же, С. 13

Так что не всегда правозащитники были безоружными и мирными.

3.2. Типология правозащитников в Прибалтике

3.2.1. Национальные правозащитные учреждения в Прибалтике: теория и практика

Подраздел С раздела IV шестого доклада Специального докладчика называется «Сильные, независимые и эффективные национальные правозащитные учреждения». Понятие «национальное правозащитное учреждение» не раскрывается, но из контекста можно понять, что это публично-правовые правозащитные институты, созданные на основании законов и финансируемые из бюджетов. В Эстонии к таким можно причислить омбудсмена, уполномоченного по равноправию и омбудсмена в Таллине.

В отношении «национальных правозащитных учреждений» Специальный докладчик в п. 77 шестого доклада отмечает следующее: «Рассматривая институциональное устройство государств, Специальный докладчик обращала особое внимание на ключевую роль, которую могут играть в обеспечении безопасных и благоприятных условий для правозащитников национальные правозащитные учреждения (A/HRC/22/47). Такие учреждения, соблюдающие Парижские принципы, являются единственными в своем роде структурами, которые способны направлять действия правительств по соблюдению их правозащитных обязательств и консультировать их, а также обеспечивать надлежащий учет международных принципов и стандартов во внутреннем праве и их интеграцию в государственную политику».

В п. d) раздела «Рекомендации» Специальный докладчик предлагает «предоставить национальным учреждениям широкие и сильные полномочия и обеспечить выделение им достаточных ресурсов для того, чтобы они могли действовать независимо и быть авторитетными и эффективными органами. Следует публично признать и поддерживать важную роль этих учреждений, в частности в обеспечении защиты правозащитников и борьбе с безнаказанностью».

Неопределённость с названием «национальное правозащитное учреждение» происходит от многообразия форм таких учреждений. Более того, окончательная типология «государственных» омбудсменов, как распространённого типа «национального правозащитного учреждения», также ещё не сложилась, но все они суть правозащитники на государственной службе: «Это можно увидеть и по тому, как омбудсмены называются в разных странах: «омбудсмен по правам человека», «бюро по

правам человека», «уполномоченный по правам человека» или «правозащитник»³⁸.

Вместе с тем на примере Эстонии видно, что все правозащитники на государственной или муниципальной службе являются «одиночками», что не совсем соответствует понятию «учреждение». Принципы, касающиеся статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека (Парижские принципы)³⁹ в разделе «Состав и гарантии независимости и плюрализма» в п. 1 прямо говорят о «составе национального учреждения и порядке назначения его членов, путём выборов или иным способом» с целью «обеспечения плюралистического представительства общественных сил (гражданского общества), участвующих в деятельности по поощрению и защите прав человека» «путём использования полномочий, позволяющих установить эффективное сотрудничество с представителями, или посредством участия представителей:

- a) неправительственных организаций, занимающихся вопросами прав человека и борьбы против расовой дискриминации, профсоюзов, соответствующих общественных и профессиональных организаций, например ассоциации юристов, врачей, журналистов и видных ученых;
- b) различных философских и религиозных течений;
- c) университетов и квалифицированных экспертов;
- d) парламента;
- e) правительственных ведомств (в этом случае их представители участвуют в рассмотрении вопросов лишь в качестве консультантов)».

Ничего подобного такому «национальному учреждению» в Эстонии нет. Более того, в Эстонии пост омбудсмена совмещён с постом канцлера юстиции, что уже ненормально, т.к. между этими двумя функциями явно возможен конфликт интересов, когда защита конституции (читай – идеи верховенства в стране эстонцев) входит в противоречие с защитой прав человека (читай – национальных меньшинств). И такие примеры были: так, в 2012 году канцлер юстиции Индрек Тедер возбудил производство по конституционному надзору, сочтя, что даже в частных школах нельзя вести обучение на русском языке, если в их финансировании участвует муниципалитет⁴⁰.

³⁸ Мауерер М. Омбудсмен в старых и новых демократиях. Материалы международной конференции «Омбудсмен в старых и новых демократиях», Инсбрук, 2003

³⁹ http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/paris.shtml

⁴⁰ Канцлер юстиции: Закон о частных школах противоречит праву на эстоноязычное обучение <http://rus.postimees.ee/894254/kancler-justicii-zakon-o-chastnyh-shkolah-protivorechit-pravu-na-jestonojazychnoe-obuchenie>

Пост канцлера юстиции и омбудсмена в Эстонии интересен с точки зрения проблематики признания. Ст. 6 Закона о канцлере юстиции даёт перечень требований к кандидату на эту должность:

- «(1) Канцлер юстиции должен быть дееспособным гражданином Эстонии с высокими нравственными качествами, который свободно владеет государственным языком.
(2) У канцлера юстиции должно быть высшее академическое образование в юриспруденции и он должен быть опытным и признанным юристом»⁴¹.

Опыт показывает, что критерии «высоких нравственных качеств» и «признания» при назначении в должность канцлера юстиции никогда всерьёз парламентом не рассматривались. По всей видимости, назначение в должность и воспринималось парламентом как акт признания. Данное понимание, однако, абсолютно неверно, т.к. омбудсмены традиционно не имеют властных полномочий и могут опираться только на силу своего личного авторитета, который достигается как раз признанием.

Ключевой вопрос: можно ли считать указанных эстонских чиновников правозащитниками? Защищают ли они права человека или занимаются отстаиванием концепта «эстонской Эстонии»? И как поступают, когда необходимость защиты прав человека, в т.ч. национальных меньшинств, входит в конфликт с необходимостью защиты «эстонской Эстонии»? Ответы на эти вопросы очевидны, в связи с чем можно утверждать, что данные чиновники в лучшем случае являются правозащитниками лишь фрагментарно. Не менее показательным их поведение по отношению к правозащитникам, в частности, к проблеме защиты правозащитников и координации правозащитной деятельности. Так, назначенный в 2008 году в должность канцлера юстиции-омбудсмена Индрек Тедер просто отказался встречаться с общественным русским омбудсменом, а по ряду обращений к нему довёл ситуацию до того, что заявители были вынуждены обращаться в суд с тем, чтобы омбудсмен просто рассмотрел их заявления⁴². Это никак не согласуется с задачей «развития связей с неправительственными организациями, занимающимися поощрением и защитой прав человека», указанной в подпункте g) раздела «Методы работы» Парижских принципов.

Ежегодные обзоры деятельности канцлера юстиции (для примера берётся обзор за 2014 год) вообще не включают в себя его деятельности, как омбудсмена (однако включают в себя раздел «Канцлер юстиции как детский омбудсмен»). Нет также раздела «Нарушения прав человека». Раздел «Общее основное право равенства и дискриминация» занимает две страницы и

⁴¹ Õiguskantsleri seadus

<http://www.estlex.ee/tasuta/?id=7&aktid=29704&fd=1&leht=2>

⁴² «Канцлер права ответил «русскому омбудсмену»»

<http://rus.delfi.ee/daily/estonia/kancler-prava-otvetil-russkomu-ombudsmenu?id=21337913>

исчерпывается описанием немногочисленных конкретных случаев и недостатков в законодательстве – о системной дискриминации в Эстонии канцлер юстиции (омбудсмен) не пишет ничего. Также обращает на себя внимание проблема пересечения компетенций не только канцлера юстиции и омбудсмена, но и омбудсмена и уполномоченного по равноправию. Так, например, при описании случая предполагаемой дискриминации по национальности канцлер юстиции (омбудсмен) пишет, что «Заявитель в конечном итоге предпочёл обратиться за получением мнения к уполномоченному по равноправию, в связи с чем канцлер юстиции не начал производства»⁴³.

Как итог, можно констатировать, что «национальные правозащитные учреждения» в Эстонии являются в большей мере симулякрами, нежели правозащитниками. Тем не менее, в п. 9 резолюции A/HRC/RES/13/13 Совета по правам человека ООН Совет «приветствует роль национальных правозащитных учреждений в качестве правозащитников и гарантов защиты прав».

3.2.2. GONGO

Количество их в Эстонии не поддаётся учёту, т.к. в любой момент любое GONGO может объявить себя «правозащитным». Так, например, на ознакомительный день программы EQUAL, посвящённой решению проблемы дискриминации на рынке труда и бюджет которой составлял 350 миллионов эстонских крон, пришло свыше двухсот НПО⁴⁴, причём практически ни об одном из них автор до того дня ничего не слышал.

Если же говорить о специализированных GONGO, то в их числе можно отметить Институт по правам человека и Центр по правам человека. Никаких проблем с финансированием у них нет; так, согласно отчёту за 2014 год, основными спонсорами Института по правам человека были Министерство социальных дел, Фонд Открытой Эстонии, Министерство юстиции, Министерство образования и науки и МИД⁴⁵, а Центр по правам человека финансировался интеграционным фондом MISA, МИД Нидерландов, Министерством социальных дел, МИД, МВД и пр.⁴⁶

О качестве этих «правозащитников» можно судить по одному лишь выступлению председателя совета Института по правам человека Марта Раннута, который заявлял, что в языковой сфере у национальных

⁴³ http://oiguskantsler.ee/sites/default/files/ylevaade_2014.pdf С. 140

⁴⁴ «Võõrastemaja»
<http://rus.delfi.ee/projects/opinion/voorastemaja?id=18437674>

⁴⁵ Годовой отчёт Института по правам человека за 2014 год
http://www.eihr.ee/wp/wp-content/uploads/2012/06/aruanne_80013293_1211368.pdf

⁴⁶ Источники финансирования Центра по правам человека
<http://humanrights.ee/keskus-3/finantsinfo/>

меньшинств в Эстонии есть два права: право изучать эстонский язык и право за свой счёт создавать частные школы⁴⁷.

Отдельно следует указать на «правозащитника» Евгена Цыбуленко, получившего в 2009 году гражданство Эстонии «за особые заслуги» и его Центр по правам человека⁴⁸. Он отличается откровенно экстремистскими высказываниями и заявлениями – достаточно сказать, что блог, который он ведёт, называется «Записки эстонского бандеровца»⁴⁹. Попытки привлечь его к уголовной ответственности за экстремистские заявления успехом не увенчались.

Если подводить промежуточный итог, то «национальные правозащитные учреждения» (среди которых нет ни одного, соответствующего Парижским принципам) и GONGO не являются правозащитниками прежде всего потому, что не соответствуют главному требованию, предъявляемому к правозащитникам – они не признают универсальности прав человека. И это не их личная позиция, это – государственная политика. В качестве примера можно привести эстонский Закон о ратификации Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, в котором эстонский парламент признал за национальные меньшинства исключительно граждан Эстонии, которые не только проживают на территории Эстонии, но и «имеют давнюю, прочную и постоянную связь с Эстонией». При этом ст. 1 Рамочной конвенции прямо указывает на то, что «Защита национальных меньшинств и прав и свобод лиц, принадлежащих к этим меньшинствам, является неотъемлемой частью международной защиты прав человека и как таковая входит в сферу международного сотрудничества». На данном примере чётко видно, что «права человека» были «редуцированы» до «прав граждан», что означает прямой отказ от признания универсальности прав человека.

3.2.3. Правозащитные организации и правозащитники в Прибалтике

Старейшим НПО в Эстонии, реально занимающимся правами человека, является Центр информации по правам человека под руководством Алексея Семёнова. Этот центр долгое время был «кузницей кадров», сейчас, однако, в нем работает всего четыре человека – директор, исполнительный директор и два юриста⁵⁰. Также следует отметить НПО Русская школа Эстонии и правозащитный центр Китеж.

В Литве действуют Независимый центр прав человека и ассоциация «Центр исследований и защиты основных прав».

⁴⁷ Середенко С.Н. «О праве получать образование на родном языке на примере заблуждений профессора Раннута»

http://old.slavia.ee/index.php?option=com_content&view=article&id=6944%3A2010-12-29-10-34-25&catid=175

⁴⁸ https://www.etis.ee/Portal/Persons/Display/65c93b0e-763f-449e-ae40-7a2a05f1948d?tabId=CV_ENG

⁴⁹ <http://prof-eug.livejournal.com/>

⁵⁰ <http://www.lichr.ee/home/главная/о-нас/сотрудники/>

В Латвии следует указать Латвийский комитет по правам человека (руководитель – Владимир Бузаев) и Конгресс неграждан (председатель правления – Елизавета Кривцова).

Среди квазиинститутов, о которых речь пойдет ниже, следует выделить общественную должность русского омбудсмена⁵¹ в Эстонии и общественного омбудсмена в Латвии. В Эстонии эту должность с 2004 по 2014 годы исполнял автор (С.Середенко), поэтому может рассуждать на личном опыте. Подобного рода должность потребовала тройного признания – со стороны государства, со стороны общины и со стороны СМИ. Ведь «решающими для типологии омбудсмена являются не только правовые основы его деятельности, но и признание народом, соответствующим парламентом и контрольными органами»⁵². Данная формулировка относится, разумеется, к «настоящим» омбудсменам, поскольку «омбудсмен – это независимый от исполнительной власти государственный контрольный орган управления, учреждённый законодательным органом»⁵³.

Идея создания «негосударственного» омбудсмена выросла из понимания того, что «государственные» омбудсмены в Прибалтике – симулякры.

В случае общественного омбудсмена признание по факту представляло собой лоскутное одеяло: так, на одной неделе в начале 2014 года автор получил два письма – в одном из них его, как русского омбудсмена, просил о встрече сотрудник посольства США в Таллине, в другом, ответе на запрос в ОПЭ, руководитель бюро Андрес Кахар пенял за «самозванство»: «Отвечаю Вам как частному лицу, т.к. такой официальной институции, как «Русский омбудсмен», Вам в Эстонии не присваивали»⁵⁴. Как итог, можно утверждать, что полностью вопрос признания за 10 лет существования проекта решить не удалось.

3.2.4. Журналисты

В п. 54 доклада А/63/288 Специального докладчика отмечается, что «До сведения Специального докладчика уже доведено большое число случаев преследования журналистов, освещающих вопросы прав человека. Специальный докладчик, как и Специальный представитель, считает их правозащитниками и последовательно выступает в их защиту».

В шестом докладе Специального докладчика (А/НRC/25/55) в п. 91 приводится, что «Специального докладчика тревожит то, что в отношении

⁵¹ http://slavia.ee/index.php?option=com_content&view=categories&id=313&Itemid=566

⁵² Мауерер М. Омбудсмен в старых и новых демократиях. Материалы международной конференции «Омбудсмен в старых и новых демократиях», Инсбрук, 2003

⁵³ Там же.

⁵⁴ Ответ на запрос в ОПЭ от 08.01.2014 (по электронной почте)

журналистов и сотрудников средств массовой информации предпринимаются целенаправленные действия по причине того, что они сообщают о нарушениях прав человека, либо вследствие того, что они были свидетелями таких нарушений. (...) Во многих странах для ограничения деятельности журналистов и сотрудников средств массовой информации используется правовая база. Специальный докладчик обеспокоен тем, что ограничения, устанавливаемые на свободу средств массовой информации и печати, а также безнаказанность могут способствовать формированию атмосферы запугивания, стигматизации, насилия и самоцензуры».

Специальный докладчик прямо причисляет журналистов, пишущих о правах человека, к правозащитникам. К сожалению, в Эстонии в изданиях «мейнстрима» таких практически не осталось. На правозащитные темы пишут сами правозащитники, а «настоящие» журналисты уже давно освоили самоцензуру – и это в лучшем случае. В худшем же они занимаются преследованием правозащитников. «Кто есть кто» чётко видно при изучении ежегодников ОПЭ.

Ярким примером самоцензуры в 2015 году стал один из декабрьских выпусков программы ЭТВ+ (начавший свою работу в начале осени телеканал «для русских»): «Здравствуй! Это программа «На острие» и я, Олеся Лагашина (главный редактор русской версии эстонского издания Postimees). Сегодня мы будем с вами говорить для разнообразия не о политике, а о журналистике, точнее, о русской журналистике в Эстонии. О чем *должны* писать местные русские СМИ, и о чем они совсем *не должны* писать?»⁵⁵.

3.2.5. Политики

Особенность Прибалтики с точки зрения исследования заключается, среди прочего, в том, что для части политиков, в первую очередь принадлежащих к национальным меньшинствам, правозащитная деятельность теснейшим образом переплетена с политической. Если же обратиться к истории, то такое переплетение следует рассматривать не как аномалию, а как норму: так, ст. 2 французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года определяла, что «Цель всякого политического союза есть охрана естественных и неотъемлемых прав человека»⁵⁶.

В Латвии наглядными примерами такого переплетения могут служить названия партий ЗаПЧЕЛ – «За Права Человека в Единой Латвии» и ЗАРЯ – «ЗА Русский Язык». Члены последней постоянно подвергаются уголовным преследованиям.

В Эстонии такой была Конституционная партия, одной из понятных задач которой было заставить эстонцев соблюдать хотя бы собственную

⁵⁵ <http://rus.postimees.ee/3423559/pavel-ivanov-pishuwij-o-diskriminacii-zhurnalist-dolzhen-chuvstvovat-otvetstvennost>

⁵⁶ Декларация прав человека и гражданина.

конституцию, особенно положения, касающиеся прав национальных меньшинств. В ежегодниках ОПЭ отдельно отмечалось, что половина состава правозащитников из ЦИПЧ входила в КонстП. Предшествовавшая КонстП ОНПЭ была партией с «радикальной идеологией» и «одной из главных организаций, занимающихся необоснованным очернительством международной репутации Эстонии»⁵⁷, т.е., переводя с языка спецслужб на нормальный, тоже вносила свой вклад в защиту прав человека. Также в ежегодниках ОПЭ часто упоминаются русскоязычные политики из ЦП.

Непризнание, однако, сопутствовало и политикам-правозащитникам – это «ничего не значащие и маргинальные русскоязычные псевдополитики, которые стараются (...) привлечь к себе внимание и вытянуть деньги из Москвы»⁵⁸, «политиканы».

В Литве в ежегодниках ДГБ упоминаются Социалистический народный фронт и его лидер Альгирдас Паляцкис, а также указывается, что «Партия «Русский альянс» несколько лет сотрудничает с Избирательной акцией поляков Литвы»⁵⁹. Долговременный союз двух, по сути, этнических партий прямо указывает на то, что проблемы национальных меньшинств в Литве имеют системный характер, и эти две партии совместными усилиями пытаются их решить. Понятно, что с точки зрения ДГБ деятельность их соответствует «целям политики (российских – авт.) соотечественников».

Из депутатов Европарламента следует указать Татьяну Жданок и Андрея Мамыкина (Латвия), Яну Тоом (Эстония) и Вальдемара Томашевского (Литва).

Участие правозащитников в выборах и во власти объяснимо – в условиях отсутствия признания власть даёт и признание, и дополнительное влияние, и ресурсы. Но вот насколько политическая деятельность совместима с правозащитной? Насколько политиков можно считать правозащитниками и насколько на них распространяется «защита правозащитников»? Если за ответом обратиться к изданиям спецслужб, приведённым в данном исследовании, то видно, что требования аполитичности к правозащитникам не предъявляется. И причина этого проста – опять-таки отсутствие признания правозащитников, как таковых. Нельзя предъявлять требования тому, кого не признаёшь, и в этом смысле спецслужбы довольно последовательны. Другое дело, что эта последовательность привела спецслужбы к определённой деформации логики, а именно к тому, что спецслужбы оценивают деятельность правозащитников политическими мерками и, прежде всего, популярностью их акций и голосами на выборах, а не общественной значимостью поднимаемых ими проблем. Примеров тому много. Так, «осенью 2010 г. было создано НКО «Русская Школа Эстонии», которое не

⁵⁷ Там же, С. 11

⁵⁸ Ежегодник Охранной полиции 2006, С.10

⁵⁹ Ежегодник Департамента государственной безопасности 2014.

смогло найти широкой поддержки в русской общине»⁶⁰; устроители референдума по русскому языку в Латвии хотели добиться «популярности, известности в обществе и политических дивидендов»⁶¹ и т.п.

Понятно, что в общем случае политиков в целом нельзя приравнивать к правозащитникам, т.к. ультраправые политики, например, пропагандируют идеи, откровенно враждебные правам человека. Тут, по всей видимости, следует просто обратиться к определению «правозащитников» и считать политиков правозащитниками тогда, когда они «индивидуально или совместно с другими поощряют и защищают права человека». Другое дело, что в Прибалтике, особенно в Эстонии и Латвии, нарушения прав человека настолько масштабны и многочисленны, что зачастую разница между политиками из числа национальных меньшинств и правозащитниками практически неразличима.

3.2.6. Квазиполитики и российские соотечественники

Масштабная кража гражданства в Латвии и Эстонии обусловила также свой способ поведения национальных меньшинств, пошедших путём создания общественных должностей и институтов, которые тоже можно отнести к региональным особенностям Прибалтики. Это были и есть свои параллельные или «смешанные» институты. Так, в Эстонии, например, «Не представленные в законодательном органе республики национальные меньшинства, преимущественно русскоязычные, сформировали в 1993 году Представительную Ассамблею. В ассамблею входили представители многочисленных общественных, культурных, профсоюзных организаций русскоязычного населения. Представительная Ассамблея не имела властных полномочий, не располагала ресурсами, но выступала как дискуссионная площадка и сторона диалога с эстонскими политиками»⁶². К «смешанным» институтам следует отнести Круглый стол национальных меньшинств при Президенте Республики: «Этот совещательный неофициальный общественный институт позволял прямо обмениваться мнениями между национальными меньшинствами, эстонскими политиками и представителями миссии ОБСЕ. Удручало лишь то, что эффективность работы Круглого стола во многом зависела от субъективного отношения президента к тому или иному обсуждаемому вопросу. Однако в последние годы этот орган утратил свою роль, и при президенте Т.Х.Ильвесе он не собирался ни разу»⁶³.

В Латвии таким квазипарламентом стал Парламент непредставленных, выборы 30путатов которого прошли в 2013 году среди граждан и неграждан

⁶⁰ Ежегодник Охранной полиции 2011, С.10

⁶¹ Публичный отчет Полиции безопасности 2011, С. 5

⁶² Никифоров И. В. Современная европейская этнократия. Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии. М. 2009, С. 133.

⁶³ Там же, С. 134.

Латвии. Массовым движением стал также Конгресс неграждан, который возглавило избранное правление. Обе эти организации провозгласили своими целями представительство интересов русской общины и защиты права ее членов на гражданство, родной язык, на обучение в школах на родном языке. Для защиты членов русской общины Парламент непредставленных учредил пост общественного омбудсмана. На этот пост была избрана Елена Бачинская – по аналогии с тем, как НПО Русская Школа Эстонии утвердила в «должности» русского омбудсмана.

Указанные латвийские организации регулярно обращаются в международные организации и правительства других стран с целью защиты прав членов русской общины, в том числе решения проблемы массового безгражданства. Кроме того, они организуют мирные массовые акции протеста. Ряд их обращений принесли результаты. Так, например, ООН приняла на основании обращения Конгресса неграждан программу ликвидации массового безгражданства в мире. Власти Латвии на диалог с Конгрессом неграждан и Парламентом непредставленных не идут и категорически не хотят устанавливать с ними контакты, предпочитая натравливать на них правоохранительные органы страны.

Потребность защиты прав русского национального меньшинства политическими методами, особенно прав неграждан, потребовала от последних применения политических методов действий, то есть превратила в квазиполитиков. В Латвии, например, в 2011-2012 гг. не партии, претендовавшие на роль выразителей интересов русской общины («Центр согласия» и «ЗАПЧЕЛ»), а русские правозащитники проводили референдум о предоставлении русскому языку статуса второго государственного. Правозащитники также проводили в конце 2014 г. массовые мобилизации на протесты против перевода русских школ на латышский язык обучения.

Квазиполитика обрела некоторую стройность при становлении системы координационных советов российских соотечественников (КСРС), о которых в изданиях спецслужб пишется очень много. При этом КСРС имеют непосредственное отношение к правозащитной деятельности в Прибалтике, т.к., согласно сложившейся практике, ФЗС согласовывает с ними заявки на гранты и субсидии, поступающие от правозащитников. При этом собственно правозащитной деятельностью КСРС не занимаются. КСРС действительно пытаются контролировать политический климат среди российских соотечественников: так, результаты очередного круглого стола, проведенного КСРС Эстонии, описаны следующим образом: «Если кратко, то речь идёт об изменении парадигмы отношений России с эстонским государством с правозащитно-конфронтационной на доброжелательно-прагматическую. Изменение парадигмы связано со стремлением сделать жизнь российских соотечественников в Эстонии во всех отношениях более комфортной. Разумеется, правозащитная составляющая останется, но акцент

будет теперь перенесён на всяческое улучшение межгосударственных отношений»⁶⁴.

Как видно, здесь правозащитная деятельность оценена как нежелательная конфронтация между Эстонией и Россией, поэтому, по всей видимости, ставить знак равенства между «российскими соотечественниками» и «правозащитниками» в общем случае нельзя.

3.2.7. Антифашисты

На последних стоит остановиться особо, т.к. может возникнуть вопрос о том, справедливо ли зачислять антифашистов в «правозащитники» и распространять на них соответствующую защиту. Данный вопрос актуален как в связи с повсеместной тривиализацией фашизма (одновременно с его глорификацией в Прибалтике), так и в связи с общим многообразием в Европе группировок, называющих себя «антифашистскими». Как композитное явление, фашизм, по определению Р.Гриффина, представляет собой «революционный палингенетический ультра национализм»⁶⁵. Соответственно, антифашисты в Прибалтике выступают за законность (против «поющих революций» в Прибалтике в начале 90-х), непрерывность истории (против «палингенезиса», выражающегося прежде всего в «переписывании истории» - отсюда такой высокий интерес спецслужб именно к историкам) и за соблюдение прав национальных меньшинств, которые являются неотъемлемой частью корпуса прав человека (против «ультранационализма»). С учётом того, какое большое внимание ГА ООН уделяет опасности глорификации и возрождения нацизма, антифашистов, безусловно, следует рассматривать как правозащитников.

Рассматривая антифашистов Прибалтики, как систему, следует отметить очень высокий уровень её однородности – в Прибалтике нет вопроса о том, к какой из антифашистских группировок следует отнести конкретного антифашиста. Вместе с тем антифашизм в Прибалтике носит во многом ритуальный характер, и наиболее яркими мероприятиями антифашистов являются ежегодные контракции 16 марта в Риге (против «марша легионеров») и в конце июля в Синимяэ (Эстония), где проходит «слёт ветеранов Ваффен-СС). Эти мероприятия традиционно сопровождаются многочисленными нарушениями прав человека.

К числу антифашистов следует отнести также тех волонтеров, которые занимаются организацией сбора и доставки гуманитарной помощи в Донбасс, поскольку их деятельность имеет как гуманитарный, так и антифашистский характер (в Эстонии этим занимается НПО «Добросвет», в Латвии – «Новороссия»). Спецслужбы очень чётко уловили этот нюанс и не замедлили

⁶⁴ Петров М.В. Круглый стол российских соотечественников: «Поворот «Все вдруг!»». <http://ruspol.net/?p=191&news=1030>

⁶⁵ Griffin R. The Nature of Fascism, London. Pinter

с репрессиями, в частности, с арестом счетов и возбуждением уголовных дел против латвийских активистов.

К антифашистам следует отнести и добровольцев, отправившихся непосредственно на Донбасс – как противостоять с оружием в руках украинским нацистам, так и оказывать молодым республикам другую помощь, в том числе медицинскую (врач Сергей Матасов). Больше всего репрессий досталось первым (Вячеслав Высоцкий (Латвия), Владимир Поляков (Эстония)). При этом, взяв в руки оружие, человек становится комбатантом. В п. 120 шестого отчёта Специальный докладчик подчёркивает, что правозащитники «несут ответственность за профессиональное выполнение своей работы мирными средствами при надлежащем уважении международных принципов и стандартов в области прав человека», из чего можно сделать вывод, что правозащитник остаётся таковым до тех пор, пока выполняет свою работу мирными, невоенными средствами.

«Кадровое переплетение» среди правозащитников Прибалтики настолько сильное, что из-за антифашистов могут пострадать, например, правозащитники, занимающиеся правами молодёжи. Так, например, летом 2007 г. государственного финансирования, несмотря на подписанный договор, было лишено молодёжное НПО СИИН, член правления которого, Марк Сирек, был арестован как подозреваемый в организациях массовых беспорядков «бронзовой ночи» (впоследствии оправдан).

3.2.8. Историки, представители гуманитарных наук

В поле зрения всех спецслужб Прибалтики попали российские историки Александр Дюков и Владимир Симиндей из российского Фонда «Историческая память». Их научная деятельность прямо направлена против крайне интенсивного «переписывания истории» в Прибалтике в контексте их же антифашистской деятельности и деятельности по защите прав человека (особенно в связи с конфликтом на Украине).

То же можно сказать и о правозащитниках, занимающихся исследованиями и научной деятельностью в социальной сфере («псевдоучёные»), а также журналистикой и антифашистской деятельностью. Так, А.Гапоненко попал в отчет ПБЛ за то, что подготовил и издал книгу «Этнические конфликты в странах Балтии», а также снял фильм о возрождении неонацизма в Латвии «16 марта».

3.2.9. Пацифисты и противники НАТО

Несмотря на то, что для появления мощного антивоенного движения в Прибалтике есть все основания, пацифистские акции продолжают оставаться единичными. Самая яркая – проникновение А.Попко и А.Куркина на

территорию военной базы в Адажи (Латвия) и вывешивание там георгиевского флага. Сначала против них было возбуждено уголовное дело по статье «терроризм», но затем процесс был переведён в административный. Оба пацифиста просидели полгода в тюрьме и теперь находятся под подпиской о невыезде из Латвии. Следует указать также на группу в Facebook «Матери Прибалтики против НАТО».

3.2.10. Защитники прав национальных меньшинств

Это самая многочисленная группа, что совершенно объяснимо, т.к. концепты построения «эстонской Эстонии», «латышской Латвии» и «литовской Литвы» объективно оборачиваются репрессиями национальных меньшинств. Т.к. репрессии эти многообразны и многочисленны, то среди защитников прав национальных меньшинств сложилась своего рода специализация. Так, в Эстонии, например, защитой русских школ занимается НПО Русская Школа Эстонии, русскую культурную автономию (конституционное право национальных меньшинств в Эстонии) безуспешно пыталось создать одноимённое НПО, Палата национальных меньшинств пытается отстаивать интересы и права национальных меньшинств в целом т.д.

3.2.11. Другие

Приведённая выше типология правозащитников в Прибалтике является, разумеется, неполной, так как само понятие «правозащитник», как было показано выше, во многом ситуативно. С тем, чтобы показать возможную палитру, сошлемся на п. 90 шестого доклада Специального докладчика (A/HRC/25/55), в котором она «привлекала внимание к положению отдельных групп правозащитников, которые подвергаются особому риску нарушений, включая судей и адвокатов; журналистов и сотрудников средств массовой информации; профсоюзных активистов; защитников прав молодежи и учащихся, лиц, работающих по тематике сексуальной ориентации и гендерной идентичности, а также правозащитников, занимающихся проблемами окружающей среды и земель».

ГЛАВА 4. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ

В исследованных выше документах, касающихся преследования и защиты правозащитников, отдельно выделяется мысль о том, что преследование правозащитников не должно оставаться безнаказанным. При этом подчёркивается, что реальное наказание не должно подменяться дисциплинарными взысканиями и должно соответствовать тяжести проступка. Однако в длинном синонимическом ряду понятий, которыми оперируют международные документы, относящиеся к теме преследования и защиты правозащитников, «преследование» является только «одним из» и особо никак не выделяется. При этом часть этих понятий, безусловно, являются преступлениями (убийства, похищения людей, угрозы и т.п.), а часть – нет (репрессии, стигматизация, маргинализация и т.п.). Обвинения в преследовании звучат в СМИ постоянно, но вот является ли преследование преступлением?

Ответ на этот вопрос не так однозначен, как хотелось бы. Связано это прежде всего с тем, что криминализация преследования началась по историческим меркам совсем недавно, и процесс этот ещё далеко не закончен. Так, в 1950 году ООН были представлены «Принципы международного права, признанные статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала»⁶⁶, среди которых принцип VI формулировал группу «международно-правовых преступлений», состоящую из трёх подгрупп – преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности. Последние определялись так: «Убийства, истребление, порабощение, высылка и другие бесчеловечные акты, совершаемые в отношении гражданского населения, или преследование по политическим, расовым или религиозным мотивам, если такие действия совершаются или такие преследования имеют место при выполнении какого-либо преступления против мира или какого-либо военного преступления, или в связи с таковыми».

На сегодняшний день «преследование» устойчиво входит в альтернативный состав «преступления против человечности» как на международном, так и на национальном уровне. Ниже рассматриваются соответственно «международное» определение, данное в РС, а также национальные определения, данные в уголовных законах стран Прибалтики.

4.1. «Международное» определение

Определение «преследования» дается в ст. 7 РС «Преступления против человечности», при этом определение двухсоставное: в п. 1 дается каталог

⁶⁶ http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles.shtml

деяний, образующих группу преступлений против человечности, а в п. 2 – само определение:

«Для целей настоящего Статута «преступление против человечности» означает любое из следующих деяний, когда они совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц, и если такое нападение совершается сознательно:

Пункт 1

h) преследование любой идентифицируемой группы или общности по политическим, расовым, национальным, этническим, культурным, религиозным, гендерным (...) или другим мотивам, которые повсеместно признаны недопустимыми согласно международному праву, в связи с любыми деяниями, указанными в данном пункте, или любыми преступлениями, подпадающими под юрисдикцию Суда;

Пункт 2

Для целей пункта 1:

g) «преследование» означает умышленное и серьезное лишение основных прав вопреки международному праву по признаку принадлежности к той или иной группе или иной общности»⁶⁷.

Для представления общей картины коротко укажем, что в «группу» преступлений против человечества, согласно ст. 7 РС, входят а) убийство, b) истребление, c) порабощение, d) депортации или насильственное перемещение населения, e) заключение в тюрьму или другое жестокое лишение физической свободы, f) пытки, g) изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность или стерилизация, h) преследование, i) насильственное исчезновение людей, j) апартеид и k) другие.

В соответствии с данным определением обвинению следует доказывать в МУС следующие обстоятельства:

- «1. Исполнитель серьезно ограничил, в нарушение норм международного права, свободу одного или нескольких лиц с точки зрения осуществления основополагающих прав.
2. Исполнитель выбрал в качестве объекта для преследований такое лицо или лиц в силу особенностей группы или общности или выбрал в качестве объекта для преследований группу или общность как таковую.
3. Такой выбор был продиктован политическими, расовыми, национальными, этническими, культурными, религиозными, гендерными, как это определено

⁶⁷ Римский статут Международного уголовного суда
http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute%28r%29.pdf

в пункте 3 статьи 7 Статута, или другими мотивами, которые повсеместно признаны недопустимыми согласно международному праву.

4. Деяние было совершено в связи с любым актом, указанным в пункте 1 статьи 7 Статута, или любым преступлением, подпадающим под юрисдикцию Суда.

5. Деяние было совершено в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население.

6. Исполнитель знал, что деяние является частью широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население, или имел умысел сделать его частью такого нападения»⁶⁸.

«Прецедентное право специальных международных трибуналов даёт этому составу преступления развернутую и детальную характеристику. Из неё можно заключить, что в соответствии с нормами обычного международного права под преступлением против человечности в виде преследования следует понимать любые негуманные действия, имеющие серьезные последствия для жертв и совершенные по дискриминационным основаниям.

Дискриминационное основание – это элемент, выделяющий преследование из других составов как преступлений против человечности, так и военных преступлений, и сближающий его с преступлением геноцида. Следует отметить, что массовая дискриминация и последующее уничтожение евреев нацистами было квалифицировано Нюрнбергским трибуналом именно как преследование (отдельного состава преступления геноцида в международном праве того времени ещё не существовало). Таким образом, преследование – это особенно тяжкое международное преступление.

Объективная сторона преступления преследования может выражаться в самых разных противоправных деяниях, а также включать в себя действия, предусмотренные другими составами преступлений против человечности и военных преступлений, если доказано, что такие действия совершались по дискриминационным мотивам и в контексте широкомасштабного или/и систематического нападения на гражданское население. МТБЮ, ссылаясь на сообщение 48-й сессии Комиссии международного права ООН, подчёркивает, что преследование может принять много форм, и по своей сути является «опровержением прав человека и основных свобод, на которые каждый имеет право без различия» и которые по самой своей природе включают право на жизнь человека и уважение к его физическому и умственному благосостоянию.

В деле Купрешкича и др. Судебная палата МТБЮ даёт следующую характеристику этому преступлению: «Преследование – одно из самых порочных из всех преступлений против человечности. Его корни питает

⁶⁸ http://www.un.org/ru/documents/rules/icc_elements.pdf

отрицание принципа равенства людей. Преследование основано на дискриминации. На мнении, что людей, которые по этническим, расовым или религиозным признакам отличаются от людей из доминирующей группы, нужно рассматривать как низших по сравнению с последними. В преступлении преследования это дискриминационное намерение проявляется в чрезвычайно грубом и систематическом растаптывании фундаментальных прав лиц, относящихся к группе жертв. Преследованию не хватает только одного шага до геноцида – самого отвратительного преступления против человечности. В геноциде преступное намерение достигает его крайних пределов через преследование цели физического уничтожения группы или членов группы. В преступлении геноцида преступное намерение состоит в том, чтобы уничтожить группу <...>. В преступлении преследования преступное намерение состоит в том, чтобы вместо этого, предвзято относясь к группе или ее членам, путем насилия чрезвычайно грубо и систематически нарушать их фундаментальные человеческие права».

Судебная палата приходит к выводу, что преступление преследования включает следующие элементы:

- (a) элементы, требуемые для всех преступлений против человечности согласно Уставу;
- (b) явное и грубое попрание фундаментальных прав, достигающее того же уровня серьезности, что и другие действия, запрещенные статьей 5 (Устава МТБЮ);
- (c) дискриминационные основания»⁶⁹.

4.2. Эстония

Ст. 89 «Преступление против человечности» входит в раздел 2 «Виновные деяния против человечности» главы 8 «Виновные деяния против человечности и международной безопасности» эстонского Кодекса о наказаниях (КоНЭ). «Виновные деяния» - родовой термин в эстонском пенитенциарном праве, объединяющий преступления и административные правонарушения. Определения собственно преследования данная статья не содержит, и определяет следующее:

«(1) Систематическое или массовое лишение прав человека и свобод или ограничение их (людей – авт.) прав и свобод, совершенное под руководством или подстрекательстве государства, организации или группы, а также убийство, пытки, изнасилование гражданских жителей, причинение ущерба их здоровью, их принудительное переселение, высылка, принуждение к

⁶⁹ <http://mup-info.com/mup/book/crimes-against-humanity#13.9>

проституции, необоснованное лишение свободы или иное недостойное обращение – наказывается тюремным заключением сроком от восьми до двадцати лет или пожизненным тюремным заключением.

(2) Совершение того же деяния юридическим лицом – наказывается денежным наказанием»⁷⁰.

Ст. 88 «Наказание за перечисленные в данной главе преступления» содержит важное общее уточнение:

«(1) Наряду с непосредственным исполнителем за совершение указанного в настоящей главе преступления наказывается и представитель государственной власти или воинский начальник, который отдал распоряжение о совершении преступления или с чьего согласия преступление было совершено или который не предотвратил совершение преступления, хотя это и было в его власти, или который, будучи осведомлен о совершении преступления подчиненными ему лицами, не представил уведомления о преступлении.

(2) Совершение указанного в настоящей главе преступления на основании распоряжения представителя государственной власти или воинского начальника не исключает наказания исполнителя преступления».

4.3. Латвия

Ст. 71² Уголовного закона Латвийской Республики⁷¹ (УЗЛ):

«Для лица, которое совершает преступление против человечности, то есть, для деятельности, которая осуществляется в рамках обширного или систематического наступления на гражданское население и которая выражена как убийство, истребление, порабощение, депортация или принудительное перемещение, незаконное лишение или ограничение свободы, пытки, изнасилование, вовлечение лица в сексуальное рабство, принуждение к занятию проституцией, принудительное оплодотворение или стерилизация, или сексуальное насилие аналогичной степени тяжести, апартеид, преследование какой-либо группы людей или объединения на основе политической, расовой, национальной, этнической, культурной, религиозной или половой принадлежности или по другим причинам, которые признаются как недопустимые в международном праве, относящиеся к любой деятельности, указанной в данном разделе, или геноциду, или военному преступлению или другой деятельности, предусмотренной в обязательном для Латвийской Республики акте международного права, которая причиняет серьезные физические или психические страдания, в наказание применяется пожизненное лишение свободы или лишение свободы на срок от трех и до двадцати лет».

⁷⁰ Karistusseadustik <http://www.estlex.ee/tasuta/?id=7&aktid=42660&fd=1&leht=1>

⁷¹ http://www.vvc.gov.lv/export/sites/default/docs/LRTA/Likumi/The_Criminal_Law.doc

4.4. Литва

«Преступления против человечности и военные преступления» образуют не статью, а целую главу XV Уголовного кодекса Литвы (УКЛ). «Преследование» входит в состав ст. 100 «Запрещённое международным правом обращение с людьми»⁷²:

«Тот, кто умышленно, выполняя или поддерживая политику государства либо организации, в большом масштабе либо систематически совершал нападения на гражданских лиц, убивал их либо причинял тяжкий вред их здоровью, создавал такие условия жизни, которые определили гибель людей, торговал людьми, депортировал граждан, истязал, насиловал, втянул в сексуальное рабство, вынуждал заниматься проституцией, принудительно оплодотворял либо стерилизовал, преследовал какую-либо группу людей либо сообщество по политическим, расовым, национальным, этническим, культурным, религиозным, половым либо иным мотивам, запрещаемым международным правом, задерживал, арестовывал людей либо лишал их свободы иным способом, когда такой способ лишения свободы не признаётся, либо не сообщал о судьбе или о месте их нахождения, осуществлял политику апартеида, наказывался лишением свободы на срок от пяти до двадцати лет либо пожизненным лишением свободы».

4.5. Анализ составов

Анализ приведённых составов призван ответить на вопрос о том, является ли «преследование» самостоятельным преступлением и является ли привлечение к уголовной ответственности виновных в организации и осуществлении преследования правозащитников в странах Прибалтики принципиально возможным.

Здесь сразу же следует оговориться, что в отношении преступления против человечности в литературе есть несколько серьёзных разночтений.

Первое – параллельное и иногда конфликтное существование «преступления против человечности» и «преступления против человечества».

Второе разночтение имеет непосредственное отношение к теме исследования: в одних актах «преступление против человечности» считается самостоятельным преступлением, в других – группой преступлений. Соответственно, во втором случае речь идет о «преступлениях против человечества» во множественном числе, по аналогии с «военными преступлениями».

⁷² Lietuvos Respublikos baudžiamasis kodeksas
<http://www.infolex.lt/ta/66150>

Анализируя состав «преступлений против человечности» согласно РС, сложно прийти к какому-то определённом пониманию. На первый взгляд состав представляется альтернативным, т.е. наличие состава связывается с совершением любого из действий, перечисленных в диспозиции данной нормы. Об альтернативности состава говорит как приведённый каталог деяний, так и прямое указание на «любое из следующих деяний» в начале статьи. Однако более пристальное изучение заставляет прийти к выводу, что предложенные альтернативы не равны между собой, и в особом положении оказывается как раз «преследование». «Преследование», как оно определено, наказуемо «в связи с любыми деяниями, указанными в данном пункте, или любыми преступлениями, подпадающими под юрисдикцию Суда». То есть, преступление образует не «преследование», а, например, «преследование в связи с пытками». Нет «пыткок» - нет «преследования в связи с пытками». Выходит, что «преследование» не является реальной альтернативой, притом, что заявляется законодателем таковой.

Если попробовать поискать популярную аналогию, то можно предложить следующую: врач не будет лечить пациенту насморк, если у пациента при этом не сломана нога, или нет заражения ВИЧ, или лейкемии... В таком случае возникает обоснованный вопрос об общественной опасности «преследования» - ведь понятно, что из всего каталога преступных деяний, входящих в состав «преступления против человечности» согласно РС, «преследование» - самое незначительное, и его превенция могла бы помочь избежать пыток, убийств, изнасилований и др. Однако факт остаётся фактом: «преследование», согласно РС, наказуемо исключительно «в связи с...».

Особое положение «преследования» в ряду альтернатив «преступления против человечности» этим не ограничивается. Например, в части мотивов преступления МТБЮ установил следующее: «Согласно прецедентному праву МТБЮ не только дискриминационные, но и любые другие мотивы преступника, как правило, несущественны для квалификации преступления против человечности и не относятся к числу обязательных элементов субъективной стороны этого класса преступлений. Преступление против человечности может быть совершено и по личным мотивам, разумеется, за исключением преступления преследования»⁷³.

Конструкция «в связи с...» заставляет изучить «преследование» также как возможноеотягчающее обстоятельство «деяний, указанных в данном пункте, или любых преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда». Однако требование «широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц, и если такое нападение совершается сознательно» уже

⁷³ http://mup-info.com/mup/book/definition-of-crimes#_ftnref80

является отягчающим обстоятельством, делающим состав квалифицированным. «Преследование» же, рассматриваемое как дополнительное отягчающее обстоятельство, делает состав особо квалифицированным.

Данное предположение опровергается, однако, комментарием на официальном сайте ООН: «В соответствии со Статутом, преступления против человечности включают в себя такие преступления, как истребление гражданского населения, обращение в рабство, пытки, изнасилование, принудительная беременность, преследование по политическим, расовым, национальным, этническим, религиозным или гендерным мотивам и насильственное исчезновение людей, но лишь в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население.

Требование о «широкомасштабном или систематическом нападении» в случае преступлений против человечности является очень важным, поскольку оно устанавливает более высокий порог и особые масштабы и/или размах для того, чтобы то или иное преступление подпадало под юрисдикцию Суда. Это отличает их от произвольных актов насилия, таких, как изнасилования, убийства или даже пытки, которые порой могут осуществляться даже военнослужащими в форме, но которые в действительности не могут квалифицироваться как преступления против человечности»⁷⁴.

О самом термине «нападение» сообщается следующее: «Действия обвиняемого должны совершаться в контексте нападения, направленного против любого гражданского населения. Термины «нападение» и «вооруженный конфликт» означают разные, независимые понятия, хотя нападение на гражданское население и может быть частью вооруженного конфликта. Термин «нападение» в контексте преступлений против человечности может быть определён как линия поведения, включающая совершение насильственных действий. Поэтому понятие «нападение» не означает только военные нападения. Им охватываются не только средства и методы ведения войны, но также и любые ситуации жестокого обращения (например, убийства, пытки, изнасилования, высылка и т.п.) с гражданским населением, лицами, не принимающими непосредственного участия в военных действиях, в том числе с лицами, находящимися в местах содержания под стражей. Характер этих насильственных действий (их интенсивность, сила тяжести, природа) в процессе осуществления нападения может меняться. (...)

Нападения на гражданское население не обязательно должны быть одновременно и широкомасштабными, и систематическими: деяние может

⁷⁴ <http://www.un.org/ru/law/icc/qa.shtml#qa2>

составлять преступление против человечности, если удовлетворено хотя бы одно из этих условий. (...)

Под термином «широкомасштабное (широко распространенное) нападение» понимается, что нападение имеет крупные масштабы, т.е. направлено против значительного числа жертв. Крупный масштаб может достигаться как совокупным эффектом ряда бесчеловечных действий, так и экстраординарным по своей величине отдельным бесчеловечным актом. Какой-либо объективный количественный порог в международном и национальном прецедентном праве не определён, и суды должны оценивать масштаб нападения на разовом основании.

Термин «систематическое нападение» подразумевает, что насильственные действия имеют организованную природу, а вероятность их случайного возникновения неправдоподобна. Образцом систематических нападений является неслучайное, раз за разом, повторение сходного преступного поведения»⁷⁵.

Из данных комментариев можно сделать два вывода. Во-первых, национальные определения «преступлений против человечности» могут и должны быть «ниже рангом», редуцированы, т.к. требование «широкомасштабного или систематического нападения» определяет «более высокий порог и особые масштабы и/или размах для того, чтобы то или иное преступление подпадало под юрисдикцию Суда» - единственного постоянно действующего Международного уголовного суда, созданного как раз для производства по делам о самых страшных и масштабных преступлениях. Уникальности МУС соответствует уникальность определения. Во-вторых, «преследование» рассматривается всё-таки как самостоятельное преступление.

Данное в КоНЭ определение полностью следует представленной выше логике редуцирования: нет требования «широкомасштабного или систематического нападения», нет требования обязательной связи «преследования» с другими преступлениями. Вместо «нападения» - «лишение или ограничение прав человека». Имея альтернативный состав, эстонская норма, тем не менее, говорит об одном «преступлении против человечности», а группой преступлений считает всё содержание главы. «Преследование» в рассматриваемой статье прямо не указано, но есть «систематическое или массовое лишение прав человека и свобод или ограничение их (людей – авт.) прав и свобод», которое можно и нужно понимать как «преследование» - достаточно сравнить его с определением «преследования» из РС: ««преследование» означает умышленное и серьёзное

⁷⁵ <http://mup-info.com/mup/book/definition-of-crimes#12.2.2>

лишение основных прав вопреки международному праву по признаку принадлежности к той или иной группе или иной общности».

Также в КоНЭ есть расширение – «или иное недостойное обращение». Можно ли «преследование» понимать под ним - непонятно.

Закон о ратификации Римского статута Международного уголовного суда⁷⁶ вступил в Эстонии в силу 01.06.2002 г.

Определение, данное в УЗЛ, не соответствует принципу правовой определенности и ясности. Оно то ли меняет формальный состав на материальный, т.к. в объективную сторону этого состава в качестве обязательного признака вошли преступные последствия - «серьёзные физические или психические страдания», то ли состав остаётся формальным, а «страдания» относятся только к «другой деятельности, предусмотренной в обязательном для Латвийской Республики акте международного права». Состав дан без расширения «и др.».

По сравнению с составом, данным в РС, состав в УЗЛ не редуцирован, т.к. оставлено требование «в рамках обширного или систематического наступления на гражданское население».

«Преследование» есть, но привязка «в связи с...» изменена и расширена на «и относящееся к любой деятельности, указанной в данном разделе, или геноциду, или военному преступлению или другой деятельности, предусмотренной в обязательном для Латвийской Республики акте международного права». Что это за акты и что это за деятельность – вопрос, открытый для толкования.

Закон «О Римском статуте Международного уголовного суда от 17 июля 1998 года»⁷⁷ вступил в Латвии в силу 1. сентября 2002 г.

Литовское определение тоже оставляет странное впечатление. «Рамки обширного или систематического нападения» представляют собой не общее требование, а самостоятельную альтернативу: «Тот, кто умышленно, выполняя или поддерживая политику государства либо организации, в большом масштабе либо систематически совершал нападения на гражданских лиц, убивал их либо причинял тяжкий вред их здоровью, создавал такие условия жизни, которые определили гибель людей, торговал людьми, депортировал граждан, истязал, насиловал...», т.е. одиночное изнасилование, например, тоже может быть приравнено к преступлению против человечности.

«Преследование» тоже входит в состав, причём без связки «в связи с...», но содержание «преследования» никак не раскрывается.

⁷⁶ Rahvusvahelise Kriminaalkohtu Rooma statuudi ratifitseerimise seadus
<https://www.riigiteataja.ee/akt/27547>

⁷⁷ <http://likumi.lv/ta/id/67604-par-starptautiskas-kriminaltiesas-statutu-speka-stanos>

Закон Литовской Республики о ратификации Римского статута Международного уголовного суда⁷⁸ вступил в силу 21. мая 2003 г.

При всей разнице в подходах и формулировках обращает на себя внимание существенная разница в минимальных санкциях: в Эстонии это восемь лет тюремного заключения, в Латвии – три, и в Литве – пять.

Первичный сравнительный анализ приведенных определений позволяет сделать следующие выводы:

- установление личности преступника (классическое уголовное право ориентировано на преследование исключительно физических лиц, Эстония тут редкое исключение) в совершении преступления «преследования», как систематического деяния, исключительно затруднено. Связано это с тем, что ситуация, когда одно лицо совершает преступление «преследования» «под руководством или подстрекательстве государства, организации или группы», практически невозможна. Очевидно, что преступление «преследования» характеризует множественность преступников, действия которых носят системный характер. В Эстонии, например, преследование на границе (дискриминационные досмотры) совершают пограничники и таможенники разных смен, нарушение тайны переписки по электронной почте и передачу содержания корреспонденции СМИ осуществляет Охранная полиция (ОПЭ), лишение свободы собраний осуществляется работниками муниципалитетов и полиции и т.д. Аналогичное явление – участие множества государственных служащих различных ведомств в совершении преступления преследования инакомыслящих наблюдается и в Латвии. При этом выделение «системы» в преследовании, установление единого умысла среди указанных и др. категорий служащих представляется проблематичным, т.к. в реальности они могут быть даже не знакомы друг с другом;

- преступление «преследования» в общем случае характеризует также множественность потерпевших, поскольку РС прямо говорит о «группе или общности». КоНЭ в вопросе множественности потерпевших не так строг, поскольку говорит о «систематическом или массовом» нарушении прав, т.е. допускает в принципе систематическое нарушение прав одного человека;

- каталог признаков преследуемых групп или общностей является принципиально открытым: РС говорит о «любой идентифицируемой группе или общности», а КоНЭ вообще никак не настаивает на связи между потерпевшими. Тем не менее, обнаружение «признака принадлежности к той или иной группе или иной общности» является задачей обвинения;

⁷⁸<https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/TAR.4596ED60AAE2>

- согласно КоНЭ «преследование» состоит именно в лишении или ограничении основных прав и свобод, а РС говорит об «умышленном и серьезном лишении основных прав вопреки международному праву». Из данного обстоятельства следует очень важный вывод: всякое нарушение прав, «подозреваемое» в «преследовании», должно контролироваться на предмет наличия данного права в международном каталоге прав человека. И наоборот: каталог прав человека может быть методической основой для исследования состояния с «преследованием» в той или иной стране;
- мотив преследования не может быть произвольным, а должен соответствовать подпункту h) пункта 1 ст. 7 РС.

ГЛАВА 5. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ СТАТУСА БЕЖЕНЦА

Определение сущности «преследования» может быть проведено и с «обратной» стороны: если уголовное право сосредоточено на преступнике («преследователе») и совершённом им акте преследования, как преступлении, то международное право и национальное законодательство о беженцах сосредоточены на жертве преследования – «беженце». При этом перед чиновниками, решающими вопрос о предоставлении статуса беженца, стоит та же проблема - выявить факт преследования соискателя статуса. Данный подход представляется очень перспективным потому, что, в отличие от разобранного выше проблемного разнообразия определений «преследования» в уголовном праве и отсутствия значимой судебной практики, в деле определения «преследования» в указанной сфере накоплен богатейший практический и судебный опыт.

Как и МУС, Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ) является институтом ООН. П. II) ч. А ст. 6 Устава УВКБ ООН прямо определяет, что «Компетенция Верховного комиссара распространяется... на всех тех лиц, которые... в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства или политических убеждений, находятся вне страны своей гражданской принадлежности и не могут пользоваться защитой правительства этой страны...».

Определение «беженца» тут взято из ст. 1 Конвенции о статусе беженцев 1951 года⁷⁹. Указанная конвенция устанавливает в ст. 33 запрет «высылать или возвращать беженцев на границу страны, где их жизни или свободе угрожает опасность вследствие их расы, религии, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений». Официальное издание «Определение статуса беженцев», подготовленное Отделом международной защиты УВКБ ООН, устанавливает, что «Обоснованные опасения заявителя должны касаться именно преследования. Конвенция 1951 г. не определяет понятие «преследование». Из статьи 33 Конвенции 1951 г. следует, что угроза жизни и свободе, а также серьезные нарушения прав человека являются преследованием»⁸⁰.

Обратим внимание на то, что если в случае жизни и свободы речь идет только об угрозе, то в отношении прав человека речь идет о завершённых правонарушениях. В целом же видна огромная разница в подходах к пониманию преследования со стороны преследователя (преступника) и

⁷⁹ http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml
http://unhcr.ru/fileadmin/files/docs/Documents/General_documents_and_manuals_UNHCR/training_aids/определение_статуса_беженцев.pdf

беженца (потерпевшего). Для установления факта преследования или угрозы преследования в производстве о предоставлении статуса беженца совершенно не требуются «массовые или систематические нападения», связь с убийствами, изнасилованиями и далее по альтернативам состава «преследования» согласно РС. Не нужны даже преследуемые группы – случаи преследования разбираются, как правило, индивидуально.

Что же общего у этих подходов? Мотивы преследователя. Их исследование составляет суть производства по делам беженцев, причём, в отличие от приведённых национальных каталогов мотивов, данных в определениях соответствующих преступлений, производство по делам беженцев сосредоточено исключительно на пяти мотивах, указанных в конвенции.

В соответствующей судебной практике США⁸¹, например, речь идёт о конструкции «пять защищенных характеристик и связь преследований с ними». «Доказывая, что он является беженцем на основании преследований, пережитых им в прошлом, проситель политического убежища в США должен доказать, что преследователь был мотивирован навредить ему в связи с его расой, религией, национальностью, принадлежностью к определенной социальной группе, или его политическими убеждениями. Некоторые суды США оценивают мотивацию преследователя как часть исследования вопроса, перенёс ли данный проситель политического убежища преследование. Для того чтобы сделать основу для принимаемого решения как можно более чёткой, офицеры по убежищу должны отделять анализ мотивации от оценки того, является ли вред преследованием. Кроме того, проситель политического убежища в США должен доказать, что лицо, нанесшее ущерб этому просителю убежища (преследователь), является либо правительственным агентом, либо субъектом, который правительство не может или не хочет контролировать».

Накопленный опыт тут, как видно из названия конструкции, касается установления причинно-следственных связей между предполагаемым фактом преследования (или угрозы его) и защищёнными характеристиками. Если в уголовном праве, согласно дефинициям, исследуется преследование групп, то в производстве по делам беженцев рассмотрение ходатайств потерпевших в основном индивидуальное.

Вся показанная выше разница в подходах к «преследованию» подводит к выводу о том, что апелляции к «преследованию» вне рамок уголовного производства и производства по делам беженцев находятся в зоне неопределённости и являются, прежде всего, политическим инструментом⁸².

⁸¹ «Определение преследования».

<http://www.medianaglobus.com/immigration-usa/asylum/definition-persecution.html>

⁸² Подробнее см. Еремина Н., Середенко С. Двойная жизнь международных преступлений: постановка проблемы и терминология // Международное право. 2015 № 2

Как с неопределённостью, видимо, следует смириться и с определением объективной степени общественной опасности преследования, ибо в первом случае преследование предстаёт чрезвычайно опасным общественным явлением, а во втором – нет. Косвенным доказательством последнего является тот факт, что УКВБ не уполномочено уставом «передавать» МУС ситуации по преследованию, хотя последний и может обращаться к «органам ООН».

ГЛАВА 6. ОТНОШЕНИЕ ПРИБАЛТИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ К ПРАВОЗАЩИТНИКАМ

Исследование преследования правозащитников в Прибалтике сосредоточено на проверке высказанного выше предположения о том, что группы риска преследования могут быть получены в результате контент-анализа ежегодников соответствующих спецслужб.

Преследования инакомыслящих в Прибалтике начались ещё до «восстановления самостоятельности» этих стран в 1991 году, в связи с чем теоретически исследование можно было бы начать с 1989 года, когда идеи «самостоятельности» были впервые озвучены публично. Однако преследуемых тогда групп (в Эстонии это Интердвижение, Объединенный Совет трудовых коллективов и др.) сейчас уже нет, и исследование поэтому может иметь только научный характер. Научно-практический смысл может иметь исследование только тех групп, члены которых сохраняют признаки общности.

В связи с указанными соображениями, за точку отсчёта в Эстонии предлагается принять события «бронзовой ночи» - самого насильственного и массового нарушения прав человека в стране, и предшествующего этому периода. «Бронзовая ночь» - масштабная правительственная провокация, высшей точкой которой стал насильственный разгон полицией 26 и 27 апреля 2007 года демонстрантов, вышедших на защиту памятника советским солдатам, погибшим в Таллине в 1944 году (известного как «Бронзовый солдат», отсюда «бронзовые ночи»). Т.к. подготовка к этой провокации включала в себя принятие соответствующих законов и решений правительства, а также подготовку общественного мнения, то нами рассматривается временной отрезок с 2005 по 2015 год.

В Латвии исследованию подвергается отрезок с 2011 по 2015 гг. В 2011 г. – началась массовое движение за предоставление русскому языку статуса второго государственного. Именно в ответ на эти массовые действия, полиция развернула административное и уголовное преследование активистов, выступавших за предоставление русским равных с титульным этносом прав. В Литве – с 2012 года, т.к. сама практика издания соответствующих ежегодников со стороны ДГБ началась именно тогда.

6.1. Контент-анализ содержания ежегодников Охранной полиции Эстонии

6.1.1. Отчёт ОПЭ за 2005 год

Уже знакомство с предисловием первого же из исследуемых ежегодников ОПЭ за 2005 год содержит как признаки преследуемых групп, так и указание

на старшую систему – группы описываются исключительно как проводники «агрессивной деятельности России в направлении Эстонии». При этом ОПЭ отказывает данным группам в собственных интересах – «Цель такой деятельности по оказанию влияния очевидна – Российская Федерация нуждается в *своих людях* в процессе принятия решений, как в крупнейших местных самоуправлениях, так и в Рийгикогу»⁸³.

В разделе «Контрразведка» указано на «создание при Европарламенте Европейского Русского Альянса (ЕРА), сценарий которого был составлен в Петербурге, и о котором в качестве крупного достижения было доложено прямо директору ФСБ»⁸⁴. Соответственно, группой риска являются члены ЕРА из Эстонии.

«Лидеры русской общины» поставляют российской разведке информацию личного характера о тех или иных персонах, которых потом российская разведка «обрабатывает»⁸⁵.

«Представители здешних русских партий» вели беседы с резидентом СВР, в ходе которых последний «дал рекомендацию идти на местные выборы сообща»⁸⁶.

В разделе «Защита конституционного строя» упоминаются «здешние организации соотечественников и русские партии»⁸⁷ как инструменты влияния на внутривнутриполитическую ситуацию в Эстонии. Российское посольство «прямо ставит перед ними различные задачи и отдает приказы», а также «прямо или косвенно руководит важнейшими организациями соотечественников, таких как Союз объединений российских соотечественников Эстонии (СОРСЭ) вместе с низовыми организациями и Центром информации по правам человека (ЦИПЧ)»⁸⁸.

Наличие системной иерархии и регионального подхода видно из следующего наблюдения: «Деятельность российского МИД (в связи с Прибалтикой – авт.) в 2005 г. характеризовала и общая пропаганда против Эстонии, Латвии и Литвы и «защита прав» русскоязычного населения»⁸⁹.

Отмечены «русские эксперты, представители государственных и общественных структур, а также журналисты стран СНГ и Балтии»,

⁸³ Ежегодник Охранной полиции 2005, С.1

<https://www.kapo.ee/cms-data/text/38/44/files/aastaraamat-2005-est.pdf>

⁸⁴ Там же, С. 6

⁸⁵ Там же, С. 7

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же, С. 11

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

принявшие участие в конференции «Смена элит и выборы в странах СНГ и Балтии», которая состоялась в Дипакадемии МИД РФ⁹⁰.

Российское Информационное агентство (ИА) «Regnum» – «контролируемая спецслужбами структура»⁹¹, в связи с чем в группу риска попадают авторы данного ИА из Эстонии.

Бывший (и будущий – авт.) главный редактор ИА «Regnum» М.Колеров, занимавший в то время пост начальника Управления по развитию межрегиональных и культурных связей с зарубежьем Администрации Президента РФ, планировал «посетить Эстонию для участия в предвыборном мероприятии созданного на базе Объединённой народной партии Эстонии (ОНПЭ) избирательного списка Гражданская инициатива»⁹².

Также Колеров выступил с критикой Эстонии на организованной Фондом «Еврорегион Ливония» в С-Петербурге конференции «Балтийский транзит и экономическая безопасность».

«В 2005 г. продолжило свою антиэстонскую деятельность некоммерческое объединение с пропагандистским названием «Общественный союз против неонацизма и межнациональной розни» (или просто «Антифашистский Комитет»)»⁹³. В связи с этим упоминаются «идеологи» объединения А. Заренков и мэр города Маарду Г. Быстров, а также лекторы А. Мери и У. Лахт. «Финансистом» предприятия назван «корреспондент ИА «Regnum» Д. Кондрашов» - бывший житель Эстонии, к тому времени уже вынужденный покинуть страну из-за преследований. При этом ОПЭ сама устанавливает связи между элементами (выстраивает систему, что является нормальной практикой спецслужб) на страницах ежегодника, указывая, что Д. Кондрашов не только работает в ИА «Regnum», но и был советником ОНПЭ, а также идеологом и учредителем молодежного объединения Фронт, «которое к настоящему времени уже прекратило деятельность». К мероприятиям комитета был привлечен руководитель Маардуской первичной организации Союза ветеранских организаций В. Зайцев.

Указано на тесные связи «Антифашистского Комитета» с ОНПЭ⁹⁴. В связи с «пропагандистской акцией» комитета по доставке в Эстонию вечно огня с Пискаревского кладбища в С-Петербурге (с гордостью сообщается, что «т.к. факел был затушен на границе, А. Заренков зажёл его зажигалкой») упоминается политик из Центристской партии (ЦП) В. Вельман⁹⁵.

⁹⁰ Там же

⁹¹ Там же, С. 12

⁹² Там же.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же, С. 13

⁹⁵ Там же, С. 14

Для «расширения и укрепления своего влияния в Европе» Россия создала два паневропейских объединения – Федерацию русских партий ЕС и Европейский Русский Альянс⁹⁶. Обе инициативы увязываются с лидером русскоязычной латвийской партии «За права человека в единой Латвии» (ЗаПЧЕЛ) и «одним из спикеров радикальной латвийской Национал-большевистской партии (НБП)» Т. Жданок, которая провела соответствующую конференцию. От Эстонии в ней принял участие заместитель председателя Русской партии Эстонии (РПЭ) Г. Афанасьев, «в отношении которого в 2005 г. Латвийская Республика установила запрет на въезд»⁹⁷. Это характерная особенность ежегодников: упоминание лица в контексте той или иной угрозы ЭР зачастую соседствует с оценкой, которую можно воспринимать как ту или иную форму преследования. Так, в отношении А. Мери было сказано, что тот обвиняется в депортации эстонцев.

На наличие старшей системы в виде «кооператива» спецслужб Эстонии, Латвии и Литвы указывает, в частности, тот факт, что подраздел «Экстремизм» начинается с того, что в Латвии зарегистрированы НБП и «её союзник АКМ (Авангард красной молодежи)».

Д. Линтер упоминается как бывший член РПЭ, осуществляющий «согласованную деятельность» с активистом ЗаПЧЕЛ Ю. Соколовским. Раздел «Защита конституционного строя» заканчивается подразделом «Праворадикальные движения в Эстонии», в котором не приводится ни одного имени, а под фотографией нет уничижительной подписи, как это было в «русском» разделе, типа «представитель общины отчитывается перед хозяином».

В разделе «Об осуждении преступлений коммунизма» ежегодник констатирует, что «На сегодняшний день Охранная полиция вот уже более десяти лет расследует военные преступления и преступления против человечности»⁹⁸, из чего следует, что расследование «преследования» также входит в компетенцию ОПЭ. Очевидно, что ОПЭ в отношении расследования собственных преступлений не сможет быть объективной.

В историческом разделе «Охрана государственной тайны 1920 – 1940» есть подпись к фотографии, прямо указывающая на преемственность ОПЭ Политической полиции довоенной ЭР: «Типичная картотечная карточка, как их заполняли в 1920-1930-е годы в Охранной полиции (политической полиции)»⁹⁹.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же, С. 32

⁹⁹ Там же, С. 35

Изучение одного только ежегодника за 2005 год позволяет сделать промежуточный вывод о том, что попадание в группу риска преследования может произойти не только в случае «личного» упоминания в ежегоднике, но и в случае участия в упомянутом в нем мероприятии, членстве в упомянутой организации или публикации изображения без указания имени.

6.1.2. Отчёт ОПЭ за 2006 год

Предисловие ежегодника за 2006 год начинается с констатации того, что «наш ежегодник обрёл популярность среди читательской аудитории, чему мы можем только радоваться»¹⁰⁰.

Раздел «Защита конституционного строя» начинается с уничижительного описания групп риска преследования: это «ничего не значащие и маргинальные русскоязычные псевдополитики, которые стараются (...) привлечь к себе внимание и вытянуть деньги из Москвы»¹⁰¹. При этом «популярное издание» предлагает такую извращенную логику: ««Политики, борющиеся за права» здешних русскоязычных людей ни сами, ни большинство русского населения не желают перебираться в Россию. По той причине, что, живя в обществе Эстонии, русские в действительности не ощущают тех проблем, которые пытаются рисовать читателям-зрителям-слушателям российские СМИ». Типичная и постоянная ошибка эстонцев – «отзеркаливание» своего мировоззрения на русских; эстонцам не приходит в голову, что от проблем нужно не бежать, а с ними можно и нужно бороться.

Подраздел «Информационная война против Эстонии» упоминает ЦИПЧ, «научные исследования» которого финансируются МИД РФ через Фонд «Еврорегион Ливония». Помимо того, что «объективные учёные» не имеют «специального образования», «половина из них» являются членами Конституционной партии (КонстП), – бывшей ОНПЭ – «партии с радикальной идеологией», «которая была одной из главных организаций, занимающихся необоснованным очернительством международной репутации Эстонии»¹⁰².

В связи с изданием «псевдонаучных книг» «Преступления нацистов и их приспешников в странах Прибалтики (Эстония) 1941-1944. Документы и доказательства» и «Эстония: кровавый след нацизма 1941-1944» вновь упоминаются М. Колеров и ИА «Regnum». «Единственной целью книг было создание «научной основы» для государственного аппарата и общественности России с целью обвинения стран Балтии в нацизме»¹⁰³.

¹⁰⁰ Ежегодник Охранной полиции 2006, С.4

¹⁰¹ Там же, С. 10

¹⁰² Там же, С. 11

¹⁰³ Там же

На Конгрессе российских соотечественников в С-Петербурге «под взмахи дирижерской палочки российских чиновников звучали обвинения против Эстонии. Особенно ярким было критикующее правительство Эстонии выступление экстремиста из Конституционной партии Андрея Заренкова, который просто зачитал написанный для него чиновником Росзарубежцентра текст»¹⁰⁴.

В группе риска могут оказаться и бизнесмены, помогающие финансировать культурные мероприятия. Так, после того, как посол РФ в ЭР К. Провалов письменно обратился к местным бизнесменам с просьбой помочь финансово в проведении концерта «Виват, Россия!», ОПЭ сочла, что «Получивший такую «просьбу» мог прочесть между строк скрытую угрозу своим связанным с Россией бизнес-проектам»¹⁰⁵.

«Узкие группы по интересам» из числа российских соотечественников используют получаемые из России деньги в личных целях – «в основном на покупку автомобилей и недвижимости». В качестве примера приводится связанное с КонстП НКО Историческое общество «Монумент» и бывший офицер КГБ В. Илляшевич.

Впервые упоминается о конфликте вокруг «Бронзового солдата» (БС) и «Ночном дозоре» (НД), который КонстП «сразу попыталась использовать в своих интересах»¹⁰⁶.

В 2006 г. ОПЭ «неоднократно разоблачала попытки верноподданных (российскому – авт.) государству ультранационалистических молодежных организаций («Наши», «Молодая гвардия» и др.) импортировать в Эстонию как свою идеологию, так и свои приёмы работы»¹⁰⁷.

Борьба против перевода русских школ на эстонский язык обучения отражена без указания имён и организаций, но дан обобщённый портрет «необразованных, не владеющих языком «активистов», которые не уважают ни эстонский язык, ни эстонскую культуру, и которые своей деятельностью пытаются добиться такой же необразованности среди современной русской молодёжи»¹⁰⁸.

В разделе «Борьба с экстремизмом» опять упоминается А. Заренков как «лидер доселе единственного левоекстремистского объединения

¹⁰⁴ Там же, С. 13

¹⁰⁵ Там же

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же, С. 14

¹⁰⁸ Там же.

«Антифашистский Комитет»¹⁰⁹. Активность Заренкова в конфликте вокруг БС «преследовала только одну цель – попасть на выборах 2007 г. в парламент. Так ведёт себя не политик, а политикан»¹¹⁰. В описании правого экстремизма в Эстонии упомянуто только одно имя – того же А. Заренкова. Потому как именно его деятельность спровоцировала активность безымянных скинхедов.

6.1.3. Отчёт ОПЭ за 2007 год

2007 год – пик противостояния антифашистов и власти в Эстонии. «Популярное издание» так оценивает свою влияние: «Обратная связь с обществом и СМИ подтвердила, что исходящую из Охранной полиции устную и письменную информацию по вопросам безопасности по-прежнему считают достоверной, профессиональной и авторитетной»¹¹¹.

КонстП удостоилась упоминания в разделе «Контрразведка» как «марионеточная партия» СВР.

О «бронзовой ночи» в ежегоднике написано много, но в итоге упоминаются лишь «четверо обвиняемых»¹¹² плюс публикуется их фотография.

Журналисты «Комсомольской правды» Г. Сапожникова и РТР Е. Зорина обвиняются не столько в клевете на Эстонию, сколько в конструировании событий «для картинки». Г. Сапожникова также «титировала себя скрытым членом «Ночного Дозора»»¹¹³. Еще она отметилась атаками на Эстонию «на профинансированной российским посольством международной конференции «Русское информационное поле Прибалтики»»¹¹⁴.

Российские «Наши» должны были целенаправленно проникать в Эстонию на «вахты памяти». «До поездки в Эстонию русскую молодежь инструктировали о том, как вести себя в Эстонии, чтобы не разоблачить себя до акции, и как вести себя после задержания»¹¹⁵.

На региональной конференции российских соотечественников стран Прибалтики «каждый шестой участник был с российским дипломатическим или служебным паспортом»¹¹⁶.

А. Заренков показал себя неблагодарным по отношению к «кормильцу» М. Колерову. «Остается только удивляться, с каким тупым упорством Москва

¹⁰⁹ Там же, С. 16

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Ежегодник Охранной полиции 2007, С. 7

¹¹² Там же, С. 15.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же, С. 16

¹¹⁶ Там же

пытается вывести на позиции «главных русских» необразованных, лицемерных, амбициозных и жадных деятелей, которые всей своей деятельностью дискредитируют и раскалывают здешнюю русскую общину»¹¹⁷.

Российская пропаганда по-прежнему использует «научные исследования» ЦИПЧ. А с 2007 г. в деятельности ЦИПЧ наметилось новое направление – «реклама защитников «бронзового солдата»»¹¹⁸.

А. Заренков и В. Афанасьев пытались провести концерт «Рок против фашизма», но им это не удалось из-за боязни провала. Целью концерта было «науськать местную русскую молодежь против реформы образования»¹¹⁹.

В 2007 году вышел первый номер журнала российских соотечественников «Балтийский мир». Его издатель – НКО «Integratsioonimeedia», членами правления которого являются А. Заренков и В. Ильченко, а главным редактором – бывший корреспондент ИА «Regnum» в Эстонии и родственник А. Заренкова Д. Кондрашов, «который, по данным ОПЭ, связан с российскими спецслужбами»¹²⁰. В числе авторов первого номера упоминается А. Гапоненко из Латвии, а также М. Петров из «Русского института».

В экстремистские молодёжные организации из России попали «Наши», «Россия молодая», «Местные», «Молодая гвардия», «Первый рубеж». В летнем лагере «Наших» побывало 6 человек из Эстонии, среди которых упоминается М. Сирык – подсудимый по делу «бронзовой ночи».

В подразделе «Правый экстремизм» впервые лично упоминается... финн Р. Тейнонен, и делается вывод о том, что «Как левый экстремизм импортируется в Эстонию с Востока (Россия), так правый экстремизм приходит с Запада (в основном из Швеции, Финляндии и ФРГ)»¹²¹.

О неудачной попытке А. Широкова, его брата О. Широкова и Л. Кромонава установить памятник красноармейцам в Кирепи подробно рассказывается в разделе «Преступления без срока давности и информационная война»¹²².

В подразделе «Пропагандистские игры с судебным заседанием» рассказывается о судебном процессе над А. Мери по обвинению в геноциде¹²³.

¹¹⁷ Там же, С. 17

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Там же, С. 21

¹²² Там же, С. 38.

6.1.4. Отчёт ОПЭ за 2008 год

Во вступительном слове новый гендиректор ОПЭ Р. Аэг раскрывает своё представление о том, что есть «защита конституционного строя»: «При защите конституционного порядка приоритетом департамента было и остаётся пресечение угроз от русских радикальных националистов и деятельности России, направленной на разжигание вражды между проживающими здесь национальностями»¹²⁴. К этому представлению можно добавить описание «типичной» контрразведывательной деятельности в разделе «Контрразведка», где дано развернутое понимание: «защита конституционного строя (борьба с политическим экстремизмом)»¹²⁵. Также цитируется закон, согласно которому задачей ОПЭ является «обеспечение конституционного порядка в государстве невоенными предупредительными средствами»¹²⁶.

Львиная доля этого конкретного ежегодника посвящена поимке российского шпиона Х. Симма.

Раздел «Защита конституционного строя» начинается с очередного обобщённого портрета «российского соотечественника»: «если исследовать содержание этого понятия, то выясняется, что этим эвфемизмом обозначается т.н. пятая колонна или, иными словами, так описываются простодушные люди, зараженные великодержавной идеологией, которые, не осознавая точного содержания своей деятельности, дают себя использовать, и являются по сути манипулируемыми объектами, а не адекватно воспринимающими мир личностями»¹²⁷.

В связи с реакцией на грузино-осетинский конфликт упоминаются региональная конференция российских соотечественников в Риге и секретарь Координационного совета российских соотечественников Эстонии (КСРСЭ) А. Красноглазов. Он же вместе с А. Заренковым указаны как получатели средств из Фонда «Русский мир», а «бывший офицер КГБ» В. Илляшевич – как представитель Фонда.

Описывая цели и задачи «Россотрудничества», ОПЭ рассматривает его как новую организацию российской разведки: «Русских деятелей культуры, интеллигенцию, ученых, а также связанных с Институтом Пушкина лиц и политиков будет возможно (по большей части так, что они не будут знать об

¹²³ Там же, С. 42

¹²⁴ Ежегодник Охранной полиции 2008, С. 5

¹²⁵ Там же, С. 8

¹²⁶ Там же, С. 9

¹²⁷ Там же, С. 24.

этом) использовать для сбора и распространения различной информации в важных для России целях»¹²⁸.

В преддверии выборов в Европарламент в 2009 г. говорится об А. Семёнове, как о новом российском кандидате. При этом Россия «в корыстных целях предаст долго и самоотверженно пропагандировавшего кремлевские идеи в Эстонии Д. Кленского и ведущего политика КонстП Г. Быстрова»¹²⁹.

НД смог в годовщину «бронзовой ночи» собрать на митинг лишь дюжину участников. НД описан, как «всевозможными приемами добивающееся раскола эстонского общества маргинальное общество с горсткой последователей»¹³⁰.

В качестве провокаторов также указан «Союз северо-западников нового поколения» во главе с А. Котовым. У него вообще всего два последователя.

Е. Зорина и Г. Сапожникова опять упомянуты как журналисты, «которым мнимая дискриминация по национальному признаку дает хлеб и работу»¹³¹. Сапожникова отмечилась и как основатель НКО «Импрессум», «называющий себя международным медиаклубом», «главной задачей которого является превращение ключевых тем российской пропаганды в привлекательные для эстонских СМИ»¹³².

В. Илляшевич был привлечен к издательству книги А. Дюкова из Фонда «Историческая память» «Миф о геноциде: репрессии советской власти в Эстонии (1940-1953)».

Во время «российско-грузинского вооруженного конфликта» «активизировался» Д. Кленский.

Характерно, что антифашисты упорно подается ОПЭ как «левые экстремисты».

6.1.5. Отчёт ОПЭ за 2009 год

Во вступительном слове гендиректор ОПЭ Р. Аэг приводит очередное своё понимание задач ОПЭ: «Задачей Департамента Охранной полиции является обеспечение безопасности Эстонии невоенными средствами. По моему мнению, это означает создание и поддержание такой среды, в которой не может возникнуть даже сомнения в, например, сохранении территориальной

¹²⁸ Там же, С. 26

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же, С. 27

¹³¹ Там же, С. 28

¹³² Там же.

целостности Эстонии, а также обеспечены условия для существования на все времена эстонского языка и культуры – так, как мы об этом договорились в конституции»¹³³. И добавляет, что «Наиболее эффективно безопасность можно обеспечить лишь тогда, когда в эту работу вовлечено всё общество».

Раздел «Защита конституционного строя» впервые начинается не с левых, а с правых экстремистов. Как обычно, в Эстонии правые радикалы не называются, но признаётся их наличие в политической системе страны: «Деятельность ультранационалистов и праворадикальных кругов Эстонии в 2009 году характеризовала неспособность к сотрудничеству и взаимные конфликты между ведущими фигурами. Результаты, полученные на выборах в Европейский Парламент и местных самоуправлений, оказались скромными. Малая поддержка эстонскими избирателями ультранационалистов и праворадикальных активистов подтверждает, что в Эстонии у их бессодержательных и популистских идей нет значительной поддержки, даже в экономически сложное время»¹³⁴.

Зато традиционное место «левых экстремистов» прямо заняли «экстремисты, поддерживаемые из России»¹³⁵. При этом констатируется, что «В действительности русскоязычное население Эстонии не отождествляет себя с экстремистами».

НД, по мнению ОПЭ, после «бронзовой ночи» потерял свои цели и выступает со странными идеями, «типа собственной валюты русской общины Эстонии, отдельных профсоюзов для русскоязычных работников и т.п.»¹³⁶.

«Молодое слово» указывается как первичная организация НД.

«Особенно настойчиво местных экстремистов привлекал к своей деятельности лидер Антифашистского комитета Финляндии Йохан Бекман, у которого поддержка в Финляндии отсутствует»¹³⁷.

«Среди поддерживаемых из России экстремистов тон по-прежнему задаёт российская молодежная ультранационалистическая организация «Наши» и её комиссар из Эстонии Марк Сирыйк»¹³⁸. Вместе с Сирыйком упоминается К. Голоскоков.

¹³³ Ежегодник Охранной полиции 2009, С. 5

¹³⁴ Там же, С. 8

¹³⁵ Там же, С. 9

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же, С. 10

¹³⁸ Там же, С. 11

Российскую политику в отношении соотечественников в ежегоднике отчего-то решили охарактеризовать англоязычным акронимом:

Coordination

Consolidation

Communication

Protection,

Что в итоге составляет «СССР». «Целью политики является превращение с помощью контролируемого Россией информационного поля так называемых соотечественников в однородную манипулируемую массу, существенно расширяя, таким образом, внешнеполитический арсенал государства»¹³⁹.

В качестве примера вмешательства России во внутренние дела Эстонии приводится направляемая посольством РФ деятельность КСРСЭ по составлению единого списка на выборах в Европарламент. Указывается, что возглавить его должен был руководитель ЦИПЧ и активный член КСРСЭ А. Семёнов. Называется даже сумма, которую предполагалось вложить в избирательную кампанию – «свыше десяти миллионов крон».

«В контексте Эстонии важно, что руководитель сотрудничающего с ФСБ фонда «ОКА» Татьяна Полоскова является ментором фактического лидера координационного совета проживающих в Эстонии соотечественников Андрея Заренкова, которая ещё во время работы в Росзарубежцентре пыталась воздействовать на местные процессы в преддверии выборов в Рийгикогу в 2007 году»¹⁴⁰.

«Ярким примером игры в народную демократию» названа поездка эстонской делегации на Всемирный конгресс соотечественников, «где от имени соотечественников выступал учившийся на эстрадного режиссера Андрей Заренков»¹⁴¹.

В разделе «Деятельность России по информационному воздействию на Эстонию» указывается, во-первых, на прекращение деятельности двух русскоязычных газет – «Молодёжь Эстонии» и «Вести Дня», «а многие другие работают на грани окупаемости или с убытками»¹⁴². Во-вторых, указывается, что «Из пропагандистских денег России уже сейчас получает свою долю заполняемый (содержанием – авт.) членами Ночного Дозора портал baltija.eu»¹⁴³.

Отдельного подраздела удостоилась деятельность клуба «Импрессум» и конкретно Г. Сапожниковой и И. Тетерина. «Постоянной публикой на этих

¹³⁹ Там же, С. 12

¹⁴⁰ Там же, С. 13

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же, С. 16

¹⁴³ Там же.

встречах являются как нынешние, так и бывшие работники русскоязычных СМИ, члены Ночного Дозора, местные активисты российской политики соотечественников и связанные с ними лица»¹⁴⁴.

6.1.6. Отчёт ОПЭ за 2010 год

Раздел «Защита конституционного строя» представлен тремя подразделами: безымянные эстонские правые экстремисты, не добившиеся успеха на парламентских выборах 2010 года, безымянные левые активисты и «Российская т.н. соотечественная политика и русский экстремизм в Эстонии»¹⁴⁵.

Отмечается борьба ИА «Regnum» с МИД РФ. Антиэстонский меморандум М. Колерова, даже с привлечением «бренда» НД, оказался безуспешным. «Кратковременный интерес» вызвала попытка «российского политолога и «эксперта по проблемам Латвии»» Д. Ермолаева и главного редактора «Балтийского мира» Д. Кондрашова «начать собирать в Эстонии подписи в поддержку меморандума»¹⁴⁶.

Упоминается «атака» ИА «Regnum» «при помощи» НД против сотрудника посольства РФ в Таллине В. Тучнина. Заявление против В. Тучнина со стороны члена НД М. Ревы было написано «под руководством Д. Ермолаева, Д. Кондрашова и А. Заренкова»¹⁴⁷.

А. Заренков пытался сорвать проведение очередной конференции российских соотечественников Эстонии.

В связи с пересыханием источников финансирования собравшаяся вокруг ИА «Regnum» компания «ястребов» переключила свое внимание на «Мир без нацизма» (МБН).

Раздел «Деятельность по информационному воздействию России на Эстонию» объявляет, что «Прибывающие в Эстонию журналисты (российских – авт.) государственных каналов занимаются не журналистской работой, а организацией постановок по спущенным сверху сценариям»¹⁴⁸.

Т.к. «бронзового солдата» уже нельзя использовать как раздражитель, российские СМИ ищут новый повод для конфликта. Таковым стали «17 лет проводившиеся в Синимяе, Вирумаа памятные мероприятия в честь бывших фронтовиков Второй мировой войны – так, как их проводят везде в мире»¹⁴⁹.

¹⁴⁴ Там же, С. 19

¹⁴⁵ Ежегодник Охранной полиции 2010, С. 8

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Там же, С. 9

¹⁴⁸ Там же, С. 10

¹⁴⁹ Там же, С. 11

Но в этом году там было много российских журналистов, которые приехали осветить «провокационное протестное выступление» НД. С финансированием этого выступления были связаны член Совета Федерации РФ Б. Шпигель, Д. Кондрашов и А. Заренков.

Отмечается также пропагандистский документальный фильм 5-го канала, в публичном обсуждении которого приняли участие «бывший дипломат, руководитель исследовательских программ Фонда «Историческая память» В. Симиндей и Д. Кондрашов».

При освещении событий из Эстонии российские журналисты в общем случае обращаются за информацией к «экстремистским организациям русскоязычного населения»¹⁵⁰, например, к НД. «Помимо экстремистов в Эстонии находятся и другие лица, которые всячески помогают российским телеканалам в их пропагандистской работе. Одним из главных таких сотрудников является действующий в Таллине бизнесмен Олег Беседин, который, по его словам, представляет в Эстонии телеканалы ОРТ, РТР, Звезда, Рен-ТВ и 5 канал Петербурга»¹⁵¹.

В конце раздела даётся прямое наставление: «Департамент Охранной полиции рекомендует не только государственным учреждениям, но и представителям коммерческих и некоммерческих объединений быть осторожными в отношении российских медиаканалов, контролируемых государством, и их местных сотрудников»¹⁵².

В раздел «Информационное воздействие» в качестве подраздела вошел МБН. «Из Эстонии в состав правления «Мира без нацизма» вошли пропагандирующие русский великодержавный шовинизм ультранационалисты Максим Рева и Андрей Заренков»¹⁵³.

Фонды «Историческая память» и «Янтарный мост» упоминаются вне связи с деятелями из Эстонии.

6.1.7. Отчёт ОПЭ за 2011 год

Вступительное слово гендиректора ОПЭ содержит и вопрос, который неминуемо должен быть задан при проведении данного исследования, и ответ на него. С точки зрения ОПЭ, разумеется.

Вопрос сформулирован так: «Спрашивают, почему мы упоминаем в ежегоднике то или иное имя, и не входит ли это в противоречие с презумпцией невиновности. Отвечаю – нет, не входит, и объясняю, почему.

¹⁵⁰ Там же, С. 12

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Там же, С. 13

2011 год поставил как перед руководителями государства, так и перед общественностью вопрос о «серой зоне», находящейся между запрещённым законом и этически акцептированным поведением. Департамент Охранной полиции не является и не пытается быть судьей в вопросе о том, что является этически приемлемым, а что – нет. Закон, однако, обязывает Департамент Охранной полиции собирать информацию о фактах, которые входят в опасное соприкосновение с безопасностью государства. Мы собираем эти данные не для себя, а для информирования тех, кто принимает важные государственные решения. Для того чтобы эти решения были всесторонне взвешены и служили народу Эстонии, а не интересам какого-то иностранного государства или антиэстонской группы.

Никогда не бывает лишним напомнить, что верховную власть в Эстонии по конституции осуществляет не Рийгикогу или Правительство Республики, а народ. Решения народа зависят от того, что народ знает. (...) Закон и позволяет, и требует от учреждений безопасности информирования общественности, если это требуется для предотвращения угроз безопасности или преступлений. Опять-таки опираясь на конституцию, это всячески обоснованно.

Таким образом, мы описываем в ежегоднике те факты и процессы, которые, по нашему мнению, являются важными с точки зрения государственной безопасности. Мы делаем это настолько открыто, насколько это возможно при специфике нашей работы. Далеко не все описанные в этой книге действия определяются законом как виновные деяния (родовое понятие в эстонском праве, включающее в себя преступления и административные правонарушения – авт.), в связи с чем никто не вправе относиться к совершившим их лицам, как к правонарушителям, исключительно в связи с указанием их имени»¹⁵⁴.

Раздел «Защита конституционного строя» содержит в себе уточнение самого понятия: защита «необходима для того, чтобы государственная власть Эстонии осуществлялась на основе установленных конституцией принципов на всей территории Эстонии»¹⁵⁵.

В отличие от предыдущих лет, подраздел «Экстремизм» не разделен формально на «левый» и «правый». Возможно, что связано это с вооружённым походом К. Драмбяна в Министерство обороны, в результате которого Драмбян был убит. Эстонские СМИ немедленно описали Драмбяна как «эстонского Брейвика», забыв указать на тот факт, что Брейвик, убивший десятки человек, сам остался жив, а никого не убивший Драмбян был застрелен. ОПЭ тоже связала Драмбяна с норвежской трагедией, и посвятила ему весь раздел, наполнив его своим пониманием «эволюции» Драмбяна в экстремиста. Вот лишь часть этих рассуждений: «Анализируя идеологию

¹⁵⁴ Ежегодник Охранной полиции 2011, С. 5

¹⁵⁵ Там же, С. 7

Карэна Драмбяна и разделяющих его мировоззрение экстремистов, не получается отнести её ни к классическому правому, ни к левому экстремизму. Здесь мы имеем дело с исходящим из политики русификации СССР радикальным шовинизмом, который содержит в себе элементы, как правого, так и левого экстремизма. Хотя последние для прикрытия шовинизма ограничиваются подчеркиванием «антифашистской» риторики»¹⁵⁶.

Подраздел «Так называемая соотечественная политика России» начинается с развернутого описания этой политики. Для начала ОПЭ приводит собственное понимание «соотечественников»: «Когда в Эстонии говорят о соотечественниках, то имеют в виду тех, кто живет в Эстонии – иногда граждан, иногда всех жителей. Ограничение понятия соотечественников национальностью, языком, происхождением или убеждениями представляется в лучшем случае странным, а в худшем – антиконституционным. Российское представление о «соотечественниках» как о жителях других государств, которые могут даже не являться гражданами России, но которые по историческим причинам могут обладать в отношении России особым правовым статусом, существенно отличается от нашего понимания. Главной целью такого отношения является не сохранение культурных связей или призыв к возвращению на родину, а манипуляции определёнными группами людей с целью влияния на суверенные решения государства их нахождения и отвлечения внимания от собственных (российских – авт.) проблем»¹⁵⁷.

Авторская ремарка: эстонская политика в отношении собственных соотечественников, выражавшаяся в проведении ESTO-päevad – дней эстонцев со всего мира, опиралась исключительно на этнический признак и к 2011 году полностью исчерпала себя, в связи с чем ОПЭ может безболезненно проводить свой «сравнительный анализ».

Как о продолжении «соотечественной» политики России говорится о создании Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом (ФЗС), учредителями которого выступили МИД и Россотрудничество. В задачи ФЗС входит «мониторинг соблюдения прав «соотечественников»». В опубликованном в 2011 г. первом рапорте МИД РФ о состоянии прав человека не удалось избежать тенденциозности – в нём «обращено внимание исключительно на США и страны ЕС, причем из последних отдельно отражены претензии России в отношении государств Балтии. Это снова показывает, что Россия относит Эстонию, Латвию и Литву к области своих особых интересов»¹⁵⁸.

¹⁵⁶ Там же, С. 8

¹⁵⁷ Там же, С. 9

¹⁵⁸ Там же.

Партнером ФЗС видится всемирная система координационных советов соотечественников.

Отдельно указано на инициативу придать русскому языку статус официального языка ЕС.

В отношении ежегодной конференции российских соотечественников Эстонии сказано, что «посольство РФ было непосредственно связано с организацией конференции, формированием повестки дня и подбором выступающих или, иными словами, с формированием общей тональности конференции»¹⁵⁹.

Отмечая планы МИД РФ, сказано, что в 2012-2014 годах большая роль отводится российским GONGO.

Подраздел «Использование русскоязычных гимназий» указывает на то, что перевод русских гимназий на эстонский язык обучения «вызвал недовольство определённой части учителей и родителей. Для выражения своей позиции осенью 2010 г. было создано НКО «Русская Школа Эстонии», которое не смогло найти широкой поддержки в русской общине»¹⁶⁰.

Далее в тексте следует пробел, который объясняется тем, что эта часть текста была убрана из ежегодника согласно решению Таллинского окружного суда. Данное решение – результат тяжбы Я. Тоом с ОПЭ по поводу заявления ежегодника о том, что она, будучи вице-мэром Таллина, совместно с ЦИПЧ оказывала давление на школы с тем, чтобы те подавали ходатайства о сохранении русского языка обучения. В отношении данного заявления суд обязал ОПЭ удалить его и опубликовать пресс-сообщение следующего содержания: «Речь идет о неуместной оценке, публикация которой со стороны Охранной полиции была противоправной»¹⁶¹. По дате судебного решения, вынесенного 11.04.2014, видно, что установление противоправности данного заявления ОПЭ заняло у суда больше двух лет.

М. Стальнухину ОПЭ приписывает те же действия – под его «давлением» ходатайства представили пять нарвских гимназий. Упоминается и третий политик из ЦП – М. Кылварт, сменивший Я. Тоом на посту таллинского вице-мэра. Последний пошёл дальше Я. Тоом, «прибавив к своей публичной деятельности скрытое противодействие. Целью М. Кылварта было консолидировать русскоязычную молодежь и показать их

¹⁵⁹ Там же, С. 10

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Решение Таллинского окружного суда № 3-12-960 от 11.04.2014

https://www.riigiteataja.ee/kohtuteave/maa_ringkonna_kohtulahendid/menetlus.html?kohtuasjaNumber=3-12-960/199

противостояние»¹⁶². Его идея раздавать белые ленточки, как символ противостояния реформе, провалилась. Ленточки помогали раздавать члены НД.

«Взяв осенью 2011 г. НКО «Русская Школа Эстонии» под свой контроль, М. Кылварт организовал от его имени кампанию по сбору подписей в поддержку русскоязычных школ. Хотя от кампании ожидали такого же успеха, как в Латвии, когда в ноябре 2011 г. в поддержку русского языка было собрано свыше 180 000 подписей, результат оказался в десятки раз скромнее»¹⁶³.

Авторская ремарка: из текста следует, что кампания по сбору подписей провалилась. На самом деле в ходе этой кампании было собрано рекордное для Эстонии количество подписей – свыше 35 000. Чтобы упрятать этот результат, ОПЭ решила сравнить его с латвийским, с которым он в принципе не сравним.

Также М. Кылварт организовал несколько выступлений с «экстремистской группировкой» НД и имел «публичные и скрытые» контакты с российским дипломатом Ю. Цветковым. Прилагаются фотографии, явно сделанные в ходе наружного наблюдения.

В подразделе «деятельность России по информационному влиянию» много внимания уделяется рапорту МИД РФ о соблюдении прав человека. Рядом с текстом размещены фотографии выступающих с телеэкрана М. Ревы и С. Чаулина (НД), В. Полещука (ЦИПЧ), А. Заренкова и др.

Опять отмечается деятельность клуба «Импрессум», прошедшего встречу с российским журналистом М. Шевченко.

В подразделе «GONGO как средство влияния» упоминается МБН и в связи с ним А. Заренков, М. Рева и Д. Линтер. «Прежнюю деятельность всей троицы мы описывали в ежегодниках ОПЭ, начиная с 2005 года. Широкую известность эти лица получили в связи с массовыми беспорядками на улицах Таллина в 2007 г. при помощи российских СМИ, контролируемых государством»¹⁶⁴. Дается список членов правления МБН.

А. Заренков «подогнал» Антифашистский Комитет им. А. Мери под формат МБН, переименовав его в «Эстонию без нацизма».

Отмечается, что МБН был зарегистрирован в Страсбурге. «Этот шаг был обоснован тем, что так сложнее будет препятствовать деятельности филиалов

¹⁶² Ежегодник Охранной полиции 2011, С. 10

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же, С. 13

МБН в государствах их нахождения. Остается только удивляться, зачем вообще кому-то препятствовать деятельности организации, декларирующей такие гуманные цели»¹⁶⁵.

Из Эстонии к МБН присоединилось 14 организаций, в том числе НД, Антифашистский комитет им. А. Мери, «Молодое слово», «Вместе», русскоязычный портал baltija.eu, русскоязычный канал TVN (в оригинале ошибочно написано «NTV» - авт.). ОПЭ внимательно отслеживает группы риска: «Кажущееся на первый взгляд большим количество организаций таковым на самом деле не является, т.к. по большей части это одни и те же люди»¹⁶⁶.

«Группы» возникают и при описании проведенного МБН семинара, на котором «были утверждены группы из проживающих в странах Балтии, Украине и Молдове русских активистов, которые, опираясь в основном на СМИ, начнут собирать информацию о проявлениях неонацизма, фальсификации истории, а также реабилитации или героизации предполагаемых пособников нацистов»¹⁶⁷.

Подраздел «Деятельность по влиянию в СМИ» раскрывает цели России в этом направлении – это «Отвлечение внимания от внутренних проблем путём создания образа врага, в качестве которого используется и Эстония. (...) Основными пропагандистскими темами были обвинения в поощрении нацизма, дискриминации русскоязычного населения и создание образа провального или бессмысленного маленького государства»¹⁶⁸.

В осуществлении этой деятельности важная роль признается за телеканалом «RT, ранее известным как RussiaToday». Особо отмечен сюжет об очередном сборище «фронтовиков» в Синимяе «Эстония держит антифашистов подальше от сбора ветеранов СС». Целевой аудиторией RT является «международная общественность, которая не знает хорошо местных реалий и поэтому легко манипулируема»¹⁶⁹.

6.1.8. Отчёт ОПЭ за 2012 год

Во вступительном слове гендиректор ОПЭ уточняет задачи ОПЭ - это «не только передача избранным носителям власти тайно собранной информации и применение скрытых методов, но и диалог с нашим конституционным сувереном, которым является народ»¹⁷⁰. При этом «публикация данных

¹⁶⁵ Там же, С. 14

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Там же, С. 15

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Ежегодник Охранной полиции 2012, С. 4

исходит из целесообразности и является пропорциональным средством предупреждения возможных угроз через информирование общественности»¹⁷¹. Тут прямо говорится о том, что упоминание чьего-либо имени в ежегоднике ОПЭ преследует цель доведения до общественности исходящей от этого человека угрозы, при этом ОПЭ надеется, что «наши ежегодники помогут всем читателям выносить сознательные и всесторонне взвешенные решения и, что главное – решать самим»¹⁷².

В разделе «Защита конституционного строя» даётся разделение угроз на прямые и косвенные, при этом утверждается, что в 2012 г. прямых угроз безопасности конституционному строю Эстонии не было. «В обязанности ОПЭ входит обнаружение и анализ систематической деятельности, которая включает в себя не только правонарушения, направленные против интересов безопасности Эстонии»¹⁷³.

Косвенная угроза по-прежнему исходит от амбиций России влиять на процесс принятия решений в суверенных странах. С некоторых пор в России это начали называть «мягкой силой».

В подразделе «Экстремизм» утверждается, что «По сравнению с остальным миром правый экстремизм у нас является, очевидно, маргинальным, и круг его активных сторонников ограничивается сотней людей»¹⁷⁴.

В пятилетнюю годовщину «бронзовой ночи» ОПЭ докладывает об успехах: «Застрельщики тех экстремистских акций уже не в состоянии привлечь внимание общественности, не говоря уже о том, чтобы вывести на улицы десятки или сотни людей. Те, кого на эмоциональном уровне глубоко задевало возвеличивание преступных тоталитарных режимов, к сегодняшнему дню вновь обрели веру в отношении конституционного порядка Эстонии. Другие, для кого важно почтить память павших в войне, могут делать это согласно европейским обычаям и никого не оскорбляя»¹⁷⁵.

Подраздел «Так называемая соотечественная политика России и антиинтеграционная деятельность» (в оригинале использован новый термин – «lõimumisvastane tegevus», буквально «деятельность против переплетения» - авт.) содержит ценное признание в том, что русская община Эстонии является предметом конфликта между ЭР и РФ: «Отношение России к русскоязычной диаспоре как к лояльным «соотечественникам» и стремление Эстонского государства интегрировать русскоязычных жителей в общество Эстонии являются конкурирующими между собой концепциями, и это ясно понимают идеологи российской соотечественной политики. Критическим

¹⁷¹ Там же, С. 5

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Там же, С. 6

¹⁷⁴ Там же, С. 7

¹⁷⁵ Там же.

условием для успеха этой политики является сегрегация русскоязычного населения в странах его проживания. В этом свете исходящие из МИД РФ и по другим государственным каналам обвинения в отношении интеграционного процесса в Эстонии или отдельных его частей не могут быть искренними и восприниматься всерьёз. На самом деле у авторов этих обвинений вызывают озабоченность успехи Эстонии в интеграции национальных меньшинств – достаточное владение государственным языком, продолжение обучения в вузах Эстонии, работа на государственной службе, участие в обороне государства, растущая общественная активность в областях, связанных не с Россией, а с развитием Эстонии как части Европы»¹⁷⁶.

Группа риска остается той же: «Круг местных ключевых персон и содержание их работы за год не изменились. Учителей и учеников из русских школ, а также их родителей, или реальную целевую группу (борьбы за русские школы – авт.) к этой деятельности в значимой мере привлечь не удалось»¹⁷⁷. Несмотря на это, для мобилизации местного русскоязычного населения как средства политического давления «Дипломаты посольства РФ в Таллине встречаются с этой целью с местными противниками гимназического образования на государственном языке и предлагают им сотрудничество с ФЗС»¹⁷⁸.

Отмечается, что ФЗС уже одобрил выделение субсидии ЦИПЧ под руководством А. Семёнова.

«Знаковым является решение ФЗС выделить деньги жителю Эстонии Артуру Груздеву с тем, чтобы он мог, исходя из обвинительного приговора Вирусского уездного суда, компенсировать материальный ущерб, который он причинил своим преступлением, организовав массовые беспорядки в Йыхви в 2007 г.»¹⁷⁹.

Из ФЗС финансировалась поездка активистов МБН на конференцию ОБСЕ. Подраздел о «мягкой силе» посвящен извращённой трактовке Россией этого термина.

В подразделе «Влияние через СМИ» говорится о визите в клуб «Импрессум» главного редактора Русского Репортера В. Лейбина – издания, «до сих пор обладавшего репутацией свободной прессы»¹⁸⁰.

6.1.9. Отчёт ОПЭ за 2013 год

¹⁷⁶ Там же, С. 8

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Там же, С. 9

¹⁸⁰ Там же, С. 11

Новый гендиректор ОПЭ А. Синисалу в своем вступительном слове сделал сразу несколько важных заявлений. Во-первых, мир уже осознал «опасность, исходящую от режима В. Путина, и националистическую сущность» этого режима. Во-вторых, «В странах Европы неизвестны факты систематического насилия против русских. В демократических странах, в которых русские поселились, сегодня они могут чувствовать себя свободнее и безопаснее, чем в России». В-третьих, «Важно помочь людям замечать, спрятанные за невинными понятиями и мягкой силой, враждебное влияние и пропаганду. Подчёркиваем ещё раз, что, т.к. режим В. Путина пытается называть наших эстонских людей российскими соотечественниками и настраивать их против Эстонского государства, то это может угрожать конституционному строю»¹⁸¹.

Во введении к разделу «Защита конституционного строя» сказано, что в 2013 году Эстонию не беспокоили ни экстремизм, ни сепаратизм, ни прямая или косвенная агрессия. В подразделе «Экстремизм» утверждается, что российские шовинисты не находят себе значительной поддержки ни в Эстонии, ни в мире в целом.

В группу риска преследования, как можно понять из ежегодника, входит уже не более сотни человек из числа «проектных экстремистов». «Эти деятели повторяются в различных ситуациях, в качестве спикеров различных организаций, но в целом их число вместе с немногими последователями не больше, чем сто человек. Для самых активных экстремизм стал источником заработка и, скорее, даже жизненным стилем. Так, например, самые активные русские шовинисты получают поддержку из государственных российских фондов и агентств»¹⁸².

В подразделе о «мягкой силе и соотечественной политике» говорится об изменениях в структуре КРСЭ и разделении деятельности на секторы. Задачей руководителя экономического сектора является «нахождение российских и местных бизнесменов, готовых финансировать организации или проекты, продвигающие российскую соотечественную политику в Эстонии»¹⁸³.

«При проведении в жизнь российской соотечественной политики для одних деньги являются средством, для других – целью. Российская соотечественная политика финансируется из нескольких непрозрачных источников», после чего идёт уже известный каталог фондов.

¹⁸¹ Ежегодник Охранной полиции 2013, С. 3

¹⁸² Там же, С. 6

¹⁸³ Там же, С. 7

«Непрозрачности финансирования российской соотечественной политики сопутствует коррупция. В заинтересованных лицах, которые хотели бы отпилить кусочек от госбюджета России, недостатка нет. На жаргоне российских чиновников это так и называется – *распил*. Количество денег всегда ограничено, а желающих получить легкие деньги из фондов – много. Поэтому для получения денег из фонда следует найти себе лоббиста из числа московских чиновников. «В благодарность» лоббисты получают свою часть выделенных фондом денег. Эту процедуру обозначает слово *откат*. Поэтому российские чиновники смотрят зачастую сквозь пальцы на то, как часть денег, выделенных на проведение какого-то мероприятия, издание журнала или какую-нибудь иную деятельность, просто оседает в кармане ходатая. Такой способ добычи денег является источником заработка для многих активистов соотечественной политики, т.к. суммы распределяемых субсидий доходят до сотен тысяч евро»¹⁸⁴.

На расположенной рядом с текстом фотографии «антифашисты» М. Рева, А. Корнилов и Е. Шерemet-Аникеева пытаются сорвать конференцию российских оппозиционеров «Кризис демократии в России».

ФЗС пошел по пути создания сети «центров защиты соотечественников»; один из таких центров создан при ЦИПЧ, которым руководит А. Семёнов.

ФЗС финансировал поездку делегации в ОБСЕ. «Там эти активисты занимались всесторонним очернительством Эстонии, применяя уже ранее указанные основные обвинения»¹⁸⁵.

Отмечаются Д. Кондрашов, «титированный» директором Балтийского исследовательского центра Международного института новейших государств, С. Середенко, М. Рева и Л. Семенова. «По мнению С. Середенко вся теория советской оккупации предназначена лишь для внутреннего употребления. Это яркий пример влияния в интересах России, осуществляемого под вывеской якобы независимых НКО»¹⁸⁶.

Также отмечается финансирование ФЗС проведенной ЦИПЧ школы в Нарве, целью которой была вербовка молодежи в соотечественники. На фотографии рядом – О. Беседин и Н. Печатнов у российского посольства в Таллине.

Новый подраздел – «Клубная деятельность по-российски: медиаклуб Импрессум, Формат-А3, Клуб Сковорода, Изборский клуб».

В связи с «Импрессумом» опять упомянуты И. Тетерин и Г. Сапожникова, также говорится о том, что Импрессум стал первым российским пропагандистским клубом.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Там же, С. 8

¹⁸⁶ Там же.

Подраздел «Историческая пропаганда» в качестве примера таковой приводит фильм М. Ревы (режиссёр-оператор О. Беседин, редактор Н. Печатнов, консультант – петербургский историк Т. Потапенко), в котором автор «пытается, опираясь на архивные и современные материалы, провести идиотскую мысль о том, что Эстония, Латвия и Литва проводили в своих государствах этнический геноцид. Для этого он безосновательно сопоставляет реалии проживающих ныне в Эстонии русских и евреев в нацистской Германии»¹⁸⁷.

Отдельного подраздела удостоилась деятельность МБН, который «пытается использовать доброе имя и репутацию таких известных международных организаций, как ОБСЕ, ООН, Совет Европы и др». Упоминается участие в конференции МБН Я. Тоом. Рассказывается также о «десанте» МБН в ОБСЕ, где «его первичные организации «Латвия без нацизма» и «Эстония без нацизма» провели 30. сентября дополнительное мероприятие «Массовое безгражданство в Эстонии и Латвии как результат этнической дискриминации»¹⁸⁸.

Также упоминается о скандале с прошлыми уголовными наказаниями лидера МБН Б. Шпигеля.

Подраздел «Молодежный лагерь Союз – детей сизмальства под красное знамя» рассказывает о том, что «лозунг о дружбе народов не в состоянии прикрыть реальную сущность мероприятия, которая является агрессивной, утверждающей глобальное военное превосходство и непримиримость к другим». В работе лагеря приняла участие группа детей из эстонского Маарду.

Раздел «Контрразведка» содержит особенности спецслужб России и их интересы в Эстонии.

Своеобразным контрапунктом к «необоснованным обвинениям в нацизме» является постоянный, но несколько видоизменяющийся раздел о преступлениях без срока давности. В нём, как правило, рассказывается о зверствах НКВД. В данном номере раздел посвящён торжественному перезахоронению «лесных братьев»¹⁸⁹.

6.1.10. Отчёт ОПЭ за 2014 год

Во вступительном слове гендиректор ОПЭ констатирует, что «в истории нашей службы и государства наступили сложные времена». «Ответом РФ на

¹⁸⁷ Там же, С. 11

¹⁸⁸ Там же, С. 12

¹⁸⁹ Там же, С. 39

независимость Украины стали, как известно, аннексия Крыма, создание и руководство вооруженным сепаратизмом. Второй раз после II мировой войны посредством вооруженной силы нарушается территориальная целостность суверенного государства. Сначала это было в 2008 г. в Грузии – и тогда это была Россия, напавшая на соседа»¹⁹⁰.

Отмечается, что немногочисленные боевики из Эстонии воюют в Сирии как на стороне джихадистов, так и против них.

Со скорбью сообщается о «похищении» офицера ОПЭ Э. Кохвера со стороны ФСБ, которым Россия «нарушила международное право – как то, что содержится в договорах, так и то, что установлено международными обычаями».

Авторская ремарка: у эстонцев, что неоднократно подчёркивалось автором в других работах, «международное право» в политическом и даже правовом дискурсе очень часто выступает в качестве самостоятельной «нормы права» - без привязки к каким-либо конкретным договорам и их статьям.

Во вступительном слове также сделаны ценные прибавления к пониманию сути работы ОПЭ: «Извещая об угрозах безопасности, роль ежегодника ОПЭ состоит в предупреждении возможных угроз. Мы используем для этого все средства, которые доверили нам народ и демократическая государственная власть. Здесь мы имеем в виду не только материальные, но и правовые средства. В число последних входит, например, право скрытно собирать информацию или делиться с общественностью своей информацией и выводами. Использование этих разрешенных средств является обязанностью Охранной полиции, если это необходимо для предотвращения угроз безопасности. Само же разрешение и запрет правовых средств являются компетенцией и ответственностью не учреждения безопасности, а законодателя, а в некоторых случаях – судебной власти»¹⁹¹.

Из слов гендиректора следует, что до сих пор негативное влияние России было недооцененным: «Мы преодолели недооценку российской деятельности по воздействию. В то же время важно не скатиться в другую крайность. Страх не может управлять нашими решениями. Для того, чтобы избежать роковых решений, важно замечать опасности и действовать мудро»¹⁹².

В традиционном разделе «Защита конституционного строя» большое внимание уделено агрессивности России, а «экстремизм» разделен на

¹⁹⁰ Ежегодник Охранной полиции 2014, С. 3

¹⁹¹ Там же, С. 4

¹⁹² Там же.

«экстремизм вообще» (экстремисты тянутся к России, как левые, так и правые), и «экстремизм в Эстонии».

Последний – «без широкой поддержки». «Великорусские шовинисты маргинальны в Эстонии»¹⁹³. «В связи с событиями на Украине весной 2014 г. активизировались некоторые лица, связанные с экстремистской группировкой НД, но их попытки вовлечь русскоязычную общину в акции поддержки деятельности России на Украине провалились. В случае с этими экстремистами, прячущимися за вывеской антифашизма, мы имеем дело с подручными Кремля, которые, по сути, занимаются разжиганием вражды»¹⁹⁴. Члены совета МБН побывали наблюдателями на крымском референдуме. «Тех же экстремистов регулярно используют в качестве спикеров и «экспертов» для трансляции обвинений в адрес Балтийских стран»¹⁹⁵. Ни одного имени не приводится.

Подраздел «Российское понимание «мягкой силы»» заканчивается следующим образом: «Несмотря на годами длящиеся российские попытки влияния на Эстонию и наглую ложь контролируемых государством СМИ России, подавляющее большинство нашего русскоязычного населения всё-таки способно хорошо отличать вражескую пропаганду от реального положения дел в Эстонии. У нас отсутствуют сепаратистские явления, которые, проводя параллели с украинскими событиями, приезжали к нам искать многочисленные иностранные журналисты. Время от времени появляются, правда, только для того, чтобы взбудоражить людей, отдельные публикации в Интернете об идее автономии в Ида-Вирумаа, но у них нет ни реального содержания, ни поддержки»¹⁹⁶.

Новый гендиректор решил, видимо, отказаться от употребления термина «соотечественники» даже в кавычках, поэтому соответствующий подраздел называется теперь «Использование зарубежных русских».

«Для того чтобы российские обвинения продолжали звучать, здешним рупорам кремлевского нарратива предоставляется слово в русскоязычной прессе, их зовут за счет устроителей на проходящие в России мероприятия, финансируют участие в мероприятиях международных организаций (ОБСЕ, ООН и др.). Также они используются как спикеры российской деятельности по влиянию, и нарабатывается их авторитет как «экспертов» в соответствующей области – пусть даже некоторые из них снискали себе большую известность как воры или коррупционеры». У них же «за деньги заказываются рапорты о тяжелой жизни русских в странах их проживания,

¹⁹³ Там же, С. 7

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ Там же, С. 8

чтобы, ссылаясь на них, Россия позже могла оправдывать свою деятельность»¹⁹⁷.

Финансированием этой деятельности занимается ФЗС. На деньги ФЗС свой 20-летний юбилей отпраздновал и ЦИПЧ, провёл конференции в Москве и Таллине и издал сборник на правозащитную тематику. Рядом расположена коллективная фотография с праздника.

Среди медиапроектов «мягкой силы» России упоминаются RT и Спутник. Отдельный подраздел посвящен portalу baltnews.ee, которым руководит член КСРСЭ и шеф «пропагандистского портала» baltija.eu А. Корнилов. Он же на фотографии встречается на вокзале «посла недоброй воли» В. Лепехина.

В подразделе «Импрессум» опять упоминаются Г. Сапожникова и И. Тетерин. «На мероприятиях Импрессума не происходит свободного обмена мнениями, а преимущественно распространяются основные тезисы российской пропаганды. Гости должны регистрироваться заранее, вопросы следует представлять письменно, и устроители выбирают из них наиболее удобные»¹⁹⁸.

В подразделе «Историческая пропаганда» впервые упоминается конкретная акция преследования. Описывая обычную уже суету вокруг традиционного июльского сборища «фронтовиков» в Синимяе, ежегодник указывает, что больше внимания в СМИ было уделено «провалившейся попытке журналистов принадлежащего МО РФ телеканала «Звезда» подать событие в подходящем России свете. 25 июля 2014 журналисты в аэропорту предъявили допрашивавшим их чиновникам Департамента полиции и погранохраны поддельные пресс-карты украинского телеканала. Визы представивших ложные данные журналистов «Звезды» были аннулированы и на следующий день они были высланы обратно в Москву»¹⁹⁹.

6.1.11. Выводы

Исследование структуры, содержания и языка ежегодников ОПЭ позволяет сделать следующие выводы:

- при сравнении содержания ежегодников ОПЭ с представленным в настоящем исследовании каталогом прав правозащитников видно, что ОПЭ нарушает практически все из них, и прежде всего право на признание. Право на финансирование из эстонских источников вообще не упоминается, а финансирование из российских источников рассматривается не иначе, как угроза эстонскому режиму. Право на коммуникации с международными

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ Там же, С. 10

¹⁹⁹ Там же, С. 11

организациями рассматривается исключительно как попытки очернить Эстонию и т.п.;

- русская община Эстонии систематически рассматривается как угроза «конституционному строю Эстонии», помимо этого внутри общины ОПЭ постоянно выявляются «антиэстонские группы влияния» (Eesti-vastased mõjugrupid)²⁰⁰. Сама община, наличие которой ОПЭ признаётся, состоит, по мнению ОПЭ, из четырех пересекающихся частей: некоего большинства, которое «не следует за русскими экстремистами», другого большинства, «оболваненного российской пропагандой», собственно «русских экстремистов», количеством «менее сотни», и корыстного меньшинства «профессиональных» российских соотечественников, причём никакой разграничительной линии как между двумя первыми, так и между двумя последними не проводится. Вообще, пытаясь подходить к исследованию «русского вопроса» в Эстонии с позиций системного анализа, ОПЭ никак не в состоянии выстроить собственно систему. Согласно системному подходу, действия системы и её элементов, направленные на достижение цели с применением определённых средств, есть не что иное, как осуществление функций системы и её элементов. При этом функции последних производны от функции системы, они направлены на достижение системных целей²⁰¹. Отказывая русской общине Эстонии в собственных целях (хоть и признавая её наличие), выдавая правозащитников за «русских экстремистов» и «агентов Кремля», с целями самого Кремля ОПЭ определиться никак не может: выдавая за цели Кремля «очернительство» Эстонии, ОПЭ тем самым поднимает в собственных глазах саму Эстонию, уравнивая в возможностях Таллин и Москву, т.к. из этой логики следует, что ничего, кроме как «очернять» Эстонию, Россия предпринять не может и не хочет. Цель такой деятельности российских властей тоже была указана – отвлечение внимания населения от внутренних проблем;

- степень преследования, которой в данной работе не было уделено должного внимания, прямо зависит от того, в какую из указанных частей русской общины ОПЭ относит того или иного человека. При этом из ежегодников ОПЭ чётко видно, что реальной её задачей является выявление и расформирование групп, которые, пользуясь термином Э. Тоффлера, могут быть охарактеризованы как «решающие меньшинства»²⁰²;

- практически смакуя саму идею коррупции среди «профессиональных русских», ОПЭ, однако, категорически дистанцируется от её расследования с целью привлечения виновных к ответственности. Что указывает на системную проблему: предполагаемые преступления совершаются на территории Эстонии и жителями Эстонии, но направлены они против РФ.

²⁰⁰ Ежегодник Охранной полиции 2011, С. 5

²⁰¹ Дмитриев А.В. Конфликтология. Издание 3-е, переработанное. М. 2009 С. 82

²⁰² Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М., 2003.

Классическая проблема действия уголовного закона в пространстве могла бы быть решена путём сотрудничества органов правопорядка ЭР и РФ, но коррупция среди «профессиональных русских» явно отвечает интересам ОПЭ, т.к. позволяет (заслуженно) очернять соотечественную политику, иметь рычаг воздействия на самих «профессиональных русских» (информации по коррупции у ОПЭ наверняка предостаточно благодаря «мониторингу»), вербуя среди них свою агентуру, и просто не мешать бюджетным средствам РФ идти не на дело, а растекаться по карманам. При этом с «эстонской» коррупцией ОПЭ борется и отражает это в своих изданиях;

- само представление о «конституционном строе Эстонии» со стороны ОПЭ укладывается всего в три компонента: территориальная целостность, эстонский язык и культура, и нормальная работа государственных органов. Это корреспондирует, например, с пониманием «конституционного строя» со стороны Языковой Инспекции²⁰³, на официальном сайте которой вся конституция ЭР укладывается в одну ст. 6 – «Государственным языком Эстонии является эстонский язык». В связи с этим бессмысленно искать в ежегодниках ОПЭ ссылки на нарушение каких-либо конкретных статей конституции, создающих «угрозу конституционному строю»;

- методы работы ОПЭ описаны как «обеспечение безопасности Эстонии невоенными средствами». По сути это означает карт-бланш на применение любых средств;

- в структуре ежегодников с точки зрения задач исследования отсутствуют две серьёзные составляющие: описание собственно применённых «невоенных средств» и типично полицейских «продуктов», как-то возбуждённых уголовных дел и следующих за ними обвинительных приговоров в отношении правозащитников (в отличие от шпионов и коррупционеров, например). Хотя и утверждается, что в обязанности ОПЭ входит «обнаружение и анализ систематической деятельности, которая включает в себя не только правонарушения, направленные против интересов безопасности Эстонии», почти ни одного собственно «правонарушения» ежегодники не описывают. «Работа» ОПЭ с точки зрения интересов исследования описывается исключительно через «вход» и «выход»: КонстП привлекла внимание ОПЭ – КонстП «не получила даже 1% голосов», определённая группа привлекла внимание ОПЭ – та же группа «не в состоянии устроиться в жизни», а потом и вовсе прекращает существование, и т.п.

- прослушивание «русских экстремистов» является настолько «нормальным» для ОПЭ, что об этом можно писать в ежегоднике чуть ли не открыто,

²⁰³ <http://www.keeleinsp.ee/>

например: «Между собой признавались откровенно, что МБН – новое «золотое дно» для финансирования соотечественников»²⁰⁴. Столь же «нормальным» является наружное наблюдение, о чем свидетельствуют соответствующие фотографии;

- язык ежегодников ОПЭ в отношении русской общины может быть охарактеризован как умышленно унижающий достоинство русских людей. При этом ОПЭ фарисейски заявляет, что «Департамент Охранной полиции не является и не пытается быть судьей в вопросе о том, что является этически приемлемым, а что – нет». В ежегодниках ОПЭ почти полностью отсутствуют какие-либо выкладки, подтверждающие предлагаемые оценки: совершенно непонятно, например, почему та или иная группа русских людей именуется «экстремистами», «шовинистами», почему берутся в кавычки «научные исследования» тех или иных русских учёных, почему правозащитники «псевдоэксперты» и т.п. Применение указанных ярлыков чётко сигнализирует о применении в отношении правозащитников стигматизации, упоминавшейся как в Декларации о правозащитниках, так и в других рассмотренных выше документах. До недавнего времени о существовании этого явления в Прибалтике в правозащитном дискурсе говорилось мало, вместе с тем нельзя не признать действенность практики стигматизации со стороны спецслужб в отношении правозащитников. Автор термина, Г.Беккер считал, что существовавшие до него объяснения девиантного поведения не учитывают политического аспекта, и представляют девианта, как «больного». Он полагал, что девиация на деле обусловлена способностью влиятельных групп общества (в нашем случае – ОПЭ) навязывать другим определенные стандарты поведения. С человеком могут обращаться так, словно он или она нарушили правило (даже если это и не соответствует действительности), только потому, что другие люди утверждают, что это правило нарушено²⁰⁵;

- в ежегодниках довольно много внимания уделяется Латвии, точнее, «русскому экстремизму» в Латвии (гораздо меньше внимания Литве). Отсутствие у ежегодников латвийских читателей позволяет публиковать заведомо ложную информацию (Т. Жданок, например, не была «спикером НБП»);

- анализ ежегодников ОПЭ за десять лет позволяет вскрыть ложь, которую на «коротком» временном отрезке вскрыть было бы сложнее. Так, например, заявление ОПЭ о том, что ИА «Regnum» – «контролируемая спецслужбами структура», не находит себе подтверждения в заявлении о том, что «Regnum» устроило «информационную атаку» на сотрудника посольства РФ в Таллине В. Тучнина. Трудно представить себе, чтобы «контролируемая спецслужбами

²⁰⁴ Ежегодник Охранной полиции 2008, С. 9

²⁰⁵ [Смелзер Н. Социология: пер. с англ. — М.: Феникс](#)

структура» начала публичные разборки с посольством РФ, которое само, по неоднократным утверждениям ОПЭ, является опорной базой российских спецслужб в Эстонии;

- своеобразное эстонское представление о разведывательной деятельности («Разведкой считается сбор и анализ секретной или труднодоступной информации, в широком значении и просто сбор скрытой информации»²⁰⁶) ставит, в частности, вопрос о том, где в обществе должна проходить граница секретности. Так, после того, как все материалы по «бронзовой ночи» были засекречены, усилия любого правозащитника по установлению истины могут быть расценены как «разведка». Данное обстоятельство объясняет, в частности, почему имена русских жителей Эстонии периодически возникают в разделе «Контрразведка»;

- один из приёмов устрашения, применяемый в ежегодниках – публикация фотографий без указания имен, но с характерными подписями, типа «на докладе у хозяина» - обычно это фотографии русских активистов рядом с сотрудниками посольства РФ. Другой прием – расширение группы риска путем использования оборота «и связанные с ним лица»;

- общий обвинительный и уничижительный уклон в адрес России и российских соотечественников в Эстонии может быть представлен в виде своеобразного зеркала, в котором отражаются как эстонские пороки, так и эстонский образ мышления. Эстонцы как бы переносят свои представления и фобии на Россию, а потом успешно их разоблачают. Например, в нескольких местах российская «соотечественная политика» называется «националистической», хотя она таковой совершенно не является. Задачей этой политики ОПЭ видится «сохранение» русской национальности – калька с эстонского «сохранения эстонской национальности на века», закреплённого в конституции ЭР. Антифашисты упорно именуются «ультранационалистами», в отношении «соотечественников» употребляется термин *välisvenelased* («внешние русские») – калька с эстонского *väliseestlased*, означающего исключительно зарубежных эстонцев и т.д.;

- ОПЭ не просто не признаёт собственных правозащитников в русской общине, а принципиально отказывает ей в их наличии. Отчасти это связано с тем, что в эстонском языке вообще нет такого понятия. Также ОПЭ нарочито не следует самоидентификации групп риска, в результате чего ОПЭ могут составляться мнимые группы, в реальности таковыми не являющимися;

- нарочитая неопределённость ежегодников в отношении правого экстремизма в Эстонии, изобретение «русского экстремизма» (при отказе

²⁰⁶ Ежегодник Охранной полиции 2008, С. 8

считать его «левым») не позволяет определить, что же в Эстонии, по мнению ОПЭ, является политической нормой. Действительно, политические режимы в странах Прибалтики очень своеобразны (крайне далёкие от демократии)²⁰⁷ и ещё ждут своих исследователей;

- практически полное отсутствие диалога между двумя основными общинами в Эстонии обуславливает особенную разновидность эстонского популизма: спикером русской общины выступает эстонская власть и, в частности, ОПЭ. Например, «В демократических странах, в которых русские поселились, сегодня они могут чувствовать себя свободнее и безопаснее, чем в России». Это заявление «от имени» русских делается эстонцам (на русский язык ежегодники ОПЭ не переводятся) и призвано, во-первых, успокоить их (русским тут хорошо), во-вторых, почувствовать себя в очередной раз хозяевами (приютили поселившихся русских) и, в-третьих, настроить против тех русских, которые говорят о том, что тут совсем не так хорошо, как это утверждает ОПЭ;

- в целом следует констатировать высокую степень эффективности действий ОПЭ по уничтожению русского инакомыслия в Эстонии. Очень мало кто из «фигурантов» ежегодников ОПЭ надолго «задерживается» в нём – активисты либо покидают Эстонию, не выдержав преследования, либо просто отходят от активных действий в интересах сохранения семьи и работы, либо вербуются ОПЭ. Для правозащитников, продолжающих борьбу с дискриминацией, «русский экстремизм» действительно становится «образом жизни».

- так же эффективно ОПЭ закрывает глаза на правый экстремизм в Эстонии – в «тени» ежегодников выросли две новые партии, несравненно более правые, чем и так ультраправые старожилы эстонской политики. За все годы Эстонию покинул только один правый экстремист – Т. Мадиссон, автор книги с говорящим названием «Моя борьба»²⁰⁸, причём причиной его отъезда не было преследование. В ежегодниках он не упоминается;

- многочисленные причины, разобранные выше, делают практически невозможной борьбу с преследованием инакомыслящих методами уголовного преследования. Данное заключение важно не только само по себе, но и потому, что только в рамках уголовного производства можно и необходимо вскрыть систему преследования. Одиочные судебные тяжбы, типа тяжбы Я. Тоом за удаление порочащих её «сведений» из ежегодника,

²⁰⁷ См., например, С.Середенко. Отличительные черты прибалтийских режимов. Материалы конференции «Страны с проблемной демократией во главе ЕС в 2015 и 2018 гг. Угрозы глобальной безопасности». С. 57

²⁰⁸ <http://vapsid.weebly.com/tiit-madisson.html#.VfBaLH2ddq0>

воспринимаются как судами, так и эстонскими СМИ исключительно как одиночные проявления, неизбежные сбои в системе демократии.

6.2. Контент-анализ содержания ежегодников Полиции безопасности Латвии

Если в случае Эстонии временной отрезок исследования был взят с 2005 по 2014 годы, то в случае Латвии - это 2011-2014 годы. Оснований для такого «сокращённого» подхода два. Первое: есть уже «основа» в виде представления о содержании ежегодников ОПЭ (ниже будет показано, что эстонские спецслужбы играют в прибалтийском «кооперативе» по преследованию правозащитников «первую скрипку»). Второе: значимые, с точки зрения целей исследования события начались в Латвии в 2010 г., когда латвийским национал-радикальным объединением VL-TB/LNNK был инициирован референдум за запрет обучения детей в государственных школах на русском языке. Почти 43% всех детей в республике лишалось, по этой инициативе, возможности обучаться в школе на родном для них языке. На 9 июня 2011 г. инициаторам удалось собрать 120,1 тыс. подписей за проведение референдума.

В ответ на это был инициирован референдум за предоставление русскому языку в республике статуса второго государственного. Этот референдум организовало общество «Родной язык», учрежденное В. Линдерманом, Е. Осиповым, Е. Сватковым и А. Гапоненко. На первом этапе проведения референдума инициаторы собрали более 10.000 подписей, необходимых по закону для начала референдума. На втором этапе было собрано 187,3 тыс. подписей избирателей, что позволяло перейти собственно к проведению референдума. На этом общественно-политическом фоне и разворачивалась активность ПБЛ, отражённая в отчете за 2011 г.

Мысль о том, что латвийские русские имеют право на сохранение родного языка и культуры, ПБЛ полностью отмечает. В данном вопросе политическая полиция не самостоятельна – она исходит из официальной доктрины латвийского государства в отношении нетитульного населения. Эта доктрина была сформулирована и реализовывалась правящей элитой Латвийской республики сразу после распада СССР, но была зафиксирована только недавно. 19 июня 2014 г., в качестве ответа этнократической элиты на массовое выступление русских за сохранение своего родного языка в ходе проведения референдума в 2011-2012 гг., была принята преамбула к Конституции.

В преамбуле официальная доктрина отношения к нетитульным этносам формулируется следующим образом: «Латвийское государство, провозглашенное 18 ноября 1918 года, создано путем объединения исторических латышских земель на основании непреложной воли латышской нации и её неотъемлемого права на самоопределение, чтобы гарантировать

существование и развитие латышской нации, её языка и культуры на протяжении веков, обеспечить свободу всего народа и каждого человека Латвии и способствовать благосостоянию. (...) Идентичность Латвии в культурном пространстве Европы с давних времен формируется латышскими и ливскими традициями, латышской жизненной мудростью, общечеловеческими и христианскими ценностями. Верность Латвии, латышский язык как единственный государственный, свобода, равенство, солидарность, справедливость, честность, трудовая нравственность и семья составляют основу сплочённого общества»²⁰⁹.

Как видно, в преамбуле подчёркивается, что идентичность страны (правильно говорить идентичность жителей страны - автор) определяется только латышскими и ливскими (ныне вымершим этносом – авт.) традициями, жизненной мудростью, общечеловеческими и христианскими ценностями, но никак не ценностями 44% нетитульного населения республики. Только латышский язык, но не родной для 43% населения республики русский язык, составляет основу сплоченности латвийского общества²¹⁰.

Исходя из официальной доктрины отношения к нетитульным этносам, ПБЛ и определяет, что персоны и институты, поддерживающие русский язык и культуру, представляют угрозу для латвийской государственности.

6.2.1. Отчёт ПБЛ за 2011 год

В отчете ПБЛ за 2011 г., в первом разделе «Контрразведка» определяется, что «В сфере контрразведки Полиция безопасности проводит оперативные и контрразведывательные операции, для того, чтобы своевременно идентифицировать процессы, а также находящихся в Латвии и за границей персоны, группы, организации и институты, которые своей деятельностью и активностью угрожают национальной безопасности, а также национальным внутри- и внешнеполитическим интересам»²¹¹.

Раздел «Контрразведка» начинается с подраздела «Защита конституционного строя». В рамках этого подраздела параграф 1.1. называется «Политика соотечественников России, как угроза безопасности Латвии». В этом параграфе за отчётный год называются две главные угрозы государственной безопасности Латвии. Во-первых, создание в республике нескольких стабильных русских молодежных организаций - Европейский альянс русскоязычной молодежи, LatRusMol и Двинский Народно-патриотический союз молодежи. Эти организации выступали за «укрепление пространства

²⁰⁹ Конституция Латвийской Республики. <http://www.satv.tiesa.gov.lv/?lang=3&mid=8>

²¹⁰ http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/tautassk_11/tautassk_11__tsk2011/TSG11-071.px/table/tableViewLayout1/?rxid=0d2129df-a586-4da8-a929-35c124728892

²¹¹ Публичный отчет Полиции безопасности за 2011 г., С. 4.

русского языка и культуры, а также в защиту прав русскоязычного населения». Во-вторых, укрепление позиций русского языка не только на уровне отдельных государств, но и на европейском уровне. В качестве иллюстрации этих двух угроз приводятся факты открытия «Русских центров» в Балтийской международной академии и Даугавпилском университете, а также проведение Дней русской культуры в республике²¹².

Главный аргумент ПБЛ против распространения русского языка и культуры в Латвии заключался в том, что это соответствует внешнеполитическим интересам РФ, что её влиянию подвергаются не только российские соотечественники, но и латыши²¹³.

Параграф 1.2. первого раздела отчёта ПБЛ носит название «Проведение обществом «Родной язык» кампании по сбору подписей за русский язык, как второй государственный».

Авторы отчёта не упоминают, что инициатива проведения сбора подписей активистами общества «Русский язык» за повышение статуса русского языка была, как уже указывалось, ответом на инициативу латышских национал-радикальных партий по проведению референдума, предусматривающего принудительный перевод русских школ с государственным финансированием исключительно на латышский язык обучения. Они утверждают, что активисты боролись на референдуме не за «идеалы», а хотели добиться «популярности, известности в обществе и политических дивидендов»²¹⁴.

Отметим, что три главных учредителя общества «Родной язык» и одновременно руководителя кампании по проведению референдума В.Линдерман, Е.Осипов и А.Гапоненко имели (и сохраняют до сих пор) статус неграждан, который не даёт им активных и пассивных избирательных прав. Поэтому получить «политические дивиденды» от инициированного ими референдума они не могли, а известны за свою правозащитную деятельность были и ранее.

В отчёте даётся подробный анализ кампании по проведению референдума. Отреферируем подробно эту часть отчёта, поскольку материал хорошо характеризует массовость и организованность движения против языковой дискриминации в Латвии, активисты которого стали преследоваться Полицией безопасности.

Кампания за проведение референдума по предоставлению русскому языку статуса второго государственного ПБЛ характеризовалась следующим образом²¹⁵:

- Хорошо организованная и скоординированная

²¹² Там же, С. 4.

²¹³ Там же, С. 5.

²¹⁴ Публичный отчет Полиции безопасности за 2011 г., с. 5

²¹⁵ Там же, С. 6,7.

В связи с этим называются фамилии руководителей акции - А.Гапоненко, Б.Зельцермана и её исполнителей – В.Линдермана, Е.Осипова, Ю.Зайцева, отмечается, что комитеты поддержки акции были созданы по всей республике, особенно сильны они были в регионе Латгалия.

Политическую поддержку акции оказывала партия «Центр согласия»

- Дисциплинированная

Все участники акции исполняли установленные для них задания.

- Массовая

В акции были задействованы значительные ресурсы и вовлечена значительная часть общества. Отмечается роль мэра Риги Н.Ушакова, депутатов сейма Я.Урбановича, Н.Кабанова, экс-депутата В.Кравцова.

- Информационно самодостаточная

Русскоязычные республиканские и региональные издания, радио и телевизионные каналы, интернет порталы вели агитацию и рекламировали акцию. У акции была широкая общественная поддержка.

- Идеологизированная

Поддержка референдума определённой частью жителей явилась выражением ими недовольства существующей реальностью, произошедшими после получения независимости социально-политическими и экономическими переменами.

- Политизированная

Часть жителей участвовала в референдуме с целью выразить свою неудовлетворённость тем, что партию «Центр согласия» не включили в состав правящей коалиции.

- Практически ориентированная

Часть жителей рассчитывала, что в случае придания русскому языку статуса второго государственного им будет легче жить, и не нужно будет учить латышский язык.

- Персонифицированная

У тех, кто собирал подписи за проведение референдума, была в этом личная заинтересованность.

В отчёте ПБЛ отмечается, что в результате деятельности общества «Родной язык» в обществе усилились этнические, социальные и политические противоречия, что «русскоязычные» СМИ поддержали референдум и способствовали его успеху. Высказывается опасение, что после референдума изменится содержание политических компаний во время выборов в самоуправление и в Сейм. «Русскоязычный» избиратель будет требовать предоставления негражданам права голосовать на муниципальных выборах,

автоматического присвоения им латвийского гражданства, повышения статуса русского языка²¹⁶.

Приведённые ПБЛ оценки говорят о том, что деятельность активистов общества «Родной язык» имела поддержку широких слоев русского населения республики, которое получило в ходе проведения референдума возможность легальным образом выразить недовольство политикой, проводившейся правящей элитой всё время после получения Латвией независимости. Не приводится фактов нарушения организаторами референдума законов, связанных с выявлением волеизъявления граждан. Не приводится фактов участия России в проведении референдума.

Отсюда можно сделать вывод, что возникла угроза не национальной безопасности Латвии, а нахождению у власти всего лишь одной из группировок правящей элиты – национал-радикальной по своей направленности.

Далее ПБЛ в своем отчете, в качестве угрозы национальной безопасности республики, выделяет тот факт, что инициаторы референдума А.Гапоненко и Б.Зельцерман начали подготовку новой русской элиты, которая должна прийти на смену нынешней элите²¹⁷. Речь идёт об учебном курсе по программе «Лидер гражданского общества», который предусматривал обучение молодёжи основам философии, политической экономии, политологии, социологии, права. Вели курс ведущие вузовские профессора, преподававшие на постоянной основе в других латвийских вузах.

Выходило, что, в соответствии с установками ПБЛ, русским было запрещено давать своим детям хорошее образование и готовить их к политической деятельности. Косвенно проявлялась установка всей правящей элиты на то, что нетитульные жители страны подлежат маргинализации.

Параграф 1.3. первого раздела отчёта ПБЛ называется «Исследование деятельности экстремистских и радикально ориентированных организаций и персон».

В качестве значимых были выделены только левые экстремистские организации. Отмечалось, что эти организации ориентируются на русскоязычные слои населения и концентрируются на вопросах защиты их прав по ряду актуальных проблем. Целевой группой этих организаций являются малообеспеченные слои населения, организации поднимают актуальные социально-экономические проблемы. Однако в последнее время они поднимают и политические вопросы, и находят поддержку в образованных и социально успешных слоях населения²¹⁸.

²¹⁶ Там же, С. 7.

²¹⁷ Там же, С. 7.

²¹⁸ Там же, С. 8.

Левые организации в отчёте не называются, но называются их лидеры - В.Линдерман и Е.Осипов. Примеров левого политического экстремизма в отчёте нет и не понятно, в чем заключается экстремизм и радикализм В.Линдермана и Е.Осипова. Из контекста отчёта выходит, что весь их экстремизм и радикализм заключается в том, что они защищали интересы «русскоязычного» населения и малообеспеченных социальных слоев.

Правые экстремистские организации в Латвии названы. Это Общество Густава Целминыша (неонацистская организация – авт.) и Антиглобалисты. Определено, что эти организации ориентируются на латышей, но организационно слабы и влиянием не пользуются. К правым отнесено и движение скинхедов. Указывается, что оно очень популярно в латышской молодежной среде, но опасности для Латвии не представляет²¹⁹.

Однако двумя строчками ниже упоминается, что скинхеды организовали осквернение еврейского кладбища, хранили дома оружие и взрывчатку. То есть, называется конкретная экстремистская деятельность, но не объясняется, почему она не является угрозой национальной безопасности страны. Из контекста отчёта вытекает, что причиной этого является то, что скинхеды - это латышское по своему составу движение. Ведь русские молодёжные организации, которые провозглашали своей целью только конституционно допустимыми способами защиту родного языка и культуры, рассматривались политической полицией как угроза конституционному строю страны.

В поле зрения ПБЛ почему-то не попали другие правые экстремистские организации, например, Латвийский национальный фронт и общество «Latvietis», тогда как они провозглашали своей целью построение этнически чистого общества, депортацию нетитульных жителей, физическое устранение «коллорабационистов»²²⁰²²¹. Складывается впечатление, что причиной этого было то, что эти организации по своему этническому составу были латышскими.

В целом мы можем говорить о том, что ПБЛ в отчете за 2011 г. были названы активисты русского движения сопротивления политике этнической дискриминации, которых определили как угрозу национальной безопасности страны. Часть из этих активистов была зачислена в экстремисты, но причину такого рода решения политическая полиция не назвала.

6.2.2. Отчёт ПБЛ за 2012 год

Ремарка автора. В 2012 г. в Латвии проходил третий этап референдума за предоставление русскому языку статуса второго государственного и 18

²¹⁹ Там же, С.9.

²²⁰ <http://latvietis.lv/index.cgi?action=11&id=765>

²²¹ <http://tautastribunals.eu/?p=14>

февраля 2012 г. прошёл собственно референдум. На этом референдуме за повышение статуса русского языка проголосовало 373,4 тыс. человек, или почти 25% всех граждан Латвии²²². Еще 319 тыс. человек, или 15% населения, имело в республике статус неграждан, а потому голосовать на референдуме не имели права²²³. Поскольку практически все неграждане живут на русской языковой и культурной основе, то их голоса следовало бы приплюсовать к голосам тех, кто высказался на референдуме за предоставление русскому языку статуса второго государственного. Выходило, что в сумме 40 % населения продемонстрировали свое недовольство существующим режимом этнической дискриминации, конкретно её языковой форме.

В 2012 г. проходил также сбор подписей за проведение референдума о предоставлении желающим того негражданам с 2014 года гражданства Латвии в безусловном порядке. Было собрано 12 686 подписей граждан и подана заявка в ЦИК Латвии на проведение второго этапа референдума. Однако ЦИК Латвии заблокировал эту заявку, хотя по действующему законодательству не имел на то по закону права²²⁴.

И в первом, и во втором случае налицо была массовая демонстрация русским населением недовольства своим положением в предусмотренных законом формах. Однако эти демонстрации недовольства были полностью проигнорированы правящей элитой. Она пошла по пути усложнения правил проведения референдумов и потребовала от репрессивных органов усилить давление на активистов движения сопротивления режиму этнической дискриминации. Именно в этих условиях действовали правоохранные органы республики, ПБЛ в том числе.

Рассмотрим теперь собственно содержание отчёта ПБЛ за 2012 г. Первый раздел отчёта получил название «Контрразведка и защита конституционного строя», а подраздел 1.1. - «Политика соотечественников, реализуемая Российской Федерацией в Латвии». В этом разделе указывалось на то, что РФ в своей внешней политике в отчётном периоде основное внимание уделяла вопросам защиты прав соотечественников и укреплению статуса русского языка. Пояснялось, что именно благодаря усилиям РФ состоялся референдум за русский язык, сбор подписей за проведение референдума об автоматическом предоставлении негражданам гражданства, появилась инициатива выборов Парламента непредставленных, актуализировалась идея автономии Латгалии, равно как делались попытки очернить образ Латвии на

²²² <http://www.tn2012.cvkl.lv/>

²²³ <http://www.pmlp.gov.lv/lv/sakums/statistika/iedzivotaju-registrs/arhivs.html>

²²⁴ [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B8_%D0%BA_%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%83_%D0%BE_%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5_\(%D0%9B%D0%B0%D1%82%D0%B2%D0%B8%D1%8F\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B8_%D0%BA_%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%83_%D0%BE_%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5_(%D0%9B%D0%B0%D1%82%D0%B2%D0%B8%D1%8F))

международной арене посредством обвинения её в возрождении нацизма²²⁵. Доказательств того, что все перечисленные выше инициативы были результатом злонамеренных действий Москвы, в отчёте не приводится.

Таким образом, ПБЛ стала реализовывать новый подход в своей борьбе с активистами движения за права членов русской общины. Эти активисты объявлялись ею марионетками Кремля, а не полноценными представителями русской общины. Тем самым делалась попытка увести внимание общественности от проблемы этнической дискриминации в латвийском обществе. Прежде всего, это было желание удержать под контролем латышскую общину и не допустить развития в её среде идей предоставления равных прав всем жителям республики.

В отчёте обращается внимание на то, что в обществе актуализировался вопрос о негражданах. Упоминается акция «Неграждане идут!», имевшая целью предоставить негражданам право голосовать на муниципальных выборах (такое право есть у неграждан Эстонии), а также создание движения «Конгресс неграждан». В составе последнего политическая полиция идентифицировала активистов, которые могли организовать компании, вызывающие в обществе этническое и идеологическое напряжение, и которые были способны до международного сообщества информацию о нарушении прав человека в Латвии²²⁶.

Почему деятельность активистов-правозащитников рассматривалась в отчёте ПБЛ, как угроза безопасности государства, не объясняется. Все акции проводились активистами в рамках латвийского законодательства, и претензий к ним у правоохранительных органов никогда не было. При этом ООН, Европарламент, ОБСЕ, ПАСЕ и другие авторитетные международные организации неоднократно призывали Латвию решить проблему неграждан, в том числе путем предоставления им права голосовать на муниципальных выборах²²⁷²²⁸²²⁹²³⁰.

В отчёте ПБЛ акцентировалось внимание на том, что в РФ появились фонды, которые оказывают материальную поддержку соотечественникам. Называется Фонд защиты соотечественников (ФЗС), Фонд поддержки публичной дипломатии А.Горчакова (ФППД), Русский мир (РМ)²³¹.

²²⁵ Публичный отчет Полиции безопасности за 2012 г., С. 4

²²⁶ Там же, С.5.

²²⁷ <http://www.osce.org/odihr/elections/latvia/21362>

²²⁸ [Резолюция ПАСЕ № 1527 \(2006\). Права национальных меньшинств в Латвии](#)

²²⁹ [http://www.unhchr.ch/tbs/doc.nsf/\(Symbol\)/CCPR.CO.79.LVA.En?Opendocum](http://www.unhchr.ch/tbs/doc.nsf/(Symbol)/CCPR.CO.79.LVA.En?Opendocum)

²³⁰ <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P5-TA-2004-0180+0+DOC+XML+V0//EN&language=LV>

²³¹ Публичный отчет Полиции безопасности за 2012 г., С. 6.

Однако претензий к деятельности российских фондов ПБЛ не высказывала. Единственно, контрразведчики радовались тому, что в некоторых случаях активисты присваивают средства фондов и используют их в корыстных интересах.

ПБЛ беспокоило то, что выпускникам латвийских средних школ Россией предоставляется возможность учиться в российских вузах за бюджетные деньги. Здесь же выказывалось негодование по поводу того, что русские дети ездят в Россию в ознакомительные поездки и в лагеря отдыха за государственный счет²³².

Это беспокойство контрразведчиков непонятно, поскольку у русских школьников Латвии нет возможности получить в своем отечестве высшее образование на родном языке. Нет у русских детей также возможности поехать по Латвии или провести время в лагерях отдыха с коммуникациями на русском языке за счет государственных средств. Это притом что родители русских детей своими налогами участвуют в финансировании латвийской высшей школы, экскурсий и лагерей отдыха.

В отчёте ПБЛ за 2012 г. появляется новый параграф о влиянии информационной деятельности на общественное сознание. Угрозу национальной безопасности ПБЛ обнаружила в деятельности медиа-клуба «Формат А-3». Политическая полиция отмечает, что в этом клубе выступают российские деятели науки, культуры, искусства, СМИ, что обсуждаются острые вопросы латвийской внутренней политики, участие Латвии в международных организациях, вопросы русского языка и культуры, а потом высказываемые гостями клуба мнения распространяются в латвийских СМИ²³³.

Отдельно в отчёте выделяется Интернет издание IMHOCLUB. Указывается, что он распространяет противоречивые взгляды и идеи – вопрос об автономии Латгалии, проблематику неграждан, неоднозначно оцениваемые исторические вопросы. Отдельные из материалов этого интернет-издания потом публикуют значимые русскоязычные газеты, например, «Вести сегодня»²³⁴.

Определяя отдельные медиаорганизации и СМИ, как угрожающие конституционному строю Латвии, ПБЛ берётся судить о том, правильную или неправильную информацию они распространяют. Тем самым политическая полиция нарушает Конституцию Латвийской Республики, ст. 100 которой гласит, что «Каждый имеет право на свободу слова, которая включает в себя право на получение, владение и распространение

²³² Там же, С.7.

²³³ Там же, С. 7.

²³⁴ Там же, С. 8.

информации, высказывание своих взглядов. Цензура запрещена²³⁵». Очевидно, что ПБЛ берет на себя запрещенную основным законом страны функцию цензора.

Подраздел 1.2. отчёта ПБЛ носит название «Противодействие деятельности радикальных и экстремистски ориентированных организаций». Подраздел включает в себя параграфы, посвященные деятельности правых и левых по своей политической направленности организаций.

Угроза со стороны правых организаций оценивалась в отчёте, как низкая. Описывается только арест руководителя общества «Центр Густава Целминьша» и обнаружение у него дома оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ. Фамилия руководителя этой организации не называется. Рядом упоминается совместная кампания нескольких правых организаций против введения в Латвии евро²³⁶.

Почему кампания против введения евро была признана экстремистской, равной по опасности в отношении к конституционному устройству хранению оружия и взрывчатки - совершенно непонятно. Многие европейские страны после вступления в ЕС сохранили свою национальную валюту. Это помогло им успешно преодолеть экономический кризис 2008-2009 гг. Представляется, что, организуя преследования активистов правых организаций за выступления против введения евро, ПБЛ шла на поводу у правящей группировки элиты, которая имела в этом свой корыстный интерес, а вовсе не заботилась о национальной безопасности страны.

Левые организации и персоны угрожали, по мнению ПБЛ, национальной безопасности Латвии тем, что старались создать партии, участвовать в выборах и получить в результате этого административные ресурсы. Так, партия «За родной язык!» (ЗаРЯ) пыталась внедрить в общество радикальные идеи, в частности, идею об автономии Латгалии. Для обоснования этой идеи в Даугавпилсе была проведена научно-практическая конференция. За высказывание руководителя партии «За родной язык!» идеи об автономии Латгалии против него был возбуждено уголовное дело по ст. 83, ч. 2 УЗЛ о покушении на территориальную целостность Латвии²³⁷.

Действительно, **12 октября 2012** было заведено уголовное дело № 11840004912 за участие в организации научно-практической конференции «Автономия Латгалии: политический, правовой, экономический, историко-культурный аспекты», которая прошла в г. Даугавпилсе **8 декабря 2012**. Обвиняемыми по делу были Е. Осипов, В. Линдерман, И. Гирс и Г. Песков. Непосредственно перед конференцией 6 декабря по месту фактического проживания в Лиенае Е. Осипова, и в Риге по месту жительства В.

²³⁵ <http://www.satv.tiesa.gov.lv/?lang=3&mid=8>

²³⁶ Публичный отчет Полиции безопасности за 2012 г., С. 8

²³⁷ Там же, С.9.

Линдермана и И. Гирса прошли обыски. Они проводились под предлогом необходимости обнаружения предметов в связи с преступлением, заключавшемся в организации конференции. Во время обысков были конфискованы компьютеры, документы и материалы социологического опроса, выяснявшего отношения жителей к идее автономизации региона. Дело до сих пор находится в производстве ПБЛ, фактически никакого движения по нему нет. Последнее известное движение было 13.03.2013, когда был произведен допрос И. Гирса.

Вот как оценил проведение обысков участник конференции проф. А. Бердников в интервью portalу Delfi: «Видимо, это делают, чтобы запугать людей, чтобы просто сорвать мероприятие. Но ведь это просто конференция, дискуссия... При желании можно приехать и выступить против, такая возможность существует. Но решили действовать таким вот образом»²³⁸.

Участники научно-практической конференции исходили из допустимости обсуждения вопросов автономии любого региона на основании правового стандарта, отражённого в резолюции ПАСЕ № 1832 (04.10.2011) «Национальный суверенитет и государственность в современном международном праве: потребность в разъяснении». Согласно 7-му пункту этой резолюции, «право национальных или этнических меньшинств... на самоопределение... в первую очередь должно быть реализовано методом защиты прав меньшинств, как оно дано в Рамочной конвенции о защите прав национальных меньшинств Совета Европы и в резолюции № 1334 (2003) о положительном опыте автономных регионов, как источнике решения конфликтов в Европе».

Криминализация ПБЛ высказываний об автономии региона в СМИ и на научной конференции выглядит крайне одиозной на фоне открытых действий активистов, выступающих за отделение Шотландии от Великобритании, Каталонии от Испании, Северной Италии от остальной части страны.

(Ремарка автора. В феврале 2013 г. в продажу поступила монография А. Гапоненко и О. Аланса «Латгалия: в поисках иного бытия». Книга была посвящена истории латгал – этноса, который длительное время подвергался дискриминации в Латвии и к настоящему времени практически ассимилирован²³⁹. Книга рассматривалась на заседании Сейма и была определена депутатами национал-радикальной ориентации, как подрывающая национальную безопасность страны. Эти депутаты написали донос в ПБЛ с требованием привлечь авторов книги к уголовной

²³⁸ <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/delo-ob-avtonomii-latgalii-u-lindermana-girsa-i-osipova-proveli-obyski.d?id=42883728>

²³⁹ <file:///C:/Users/Aleksandr/Downloads/book87.pdf>

ответственности²⁴⁰. ПБЛ провела экспертизу монографии, признала её вредной, но не начала преследования авторов, сославшись на то, что нет закона, позволяющего привлечь их к уголовной ответственности).

В дополнение к криминализации высказываний об автономии Латгалии, ПБЛ начала уголовный процесс против учредителей партии «Движение 13 января» по ст. 275, ч. 2 ЛКК о подделке документов (отсутствия кворума на собрании) в связи с её перерегистрацией в партию «ЗаРЯ!». Позже такой же процесс был начат и против учредителей партии «Честь и порядок»²⁴¹.

Таким образом, ПБЛ была нарушена статья 102 Конституции Латвии, гласящая: «Каждый имеет право вступать в товарищества, политические партии и другие общественные организации»²⁴². ПБЛ взяла на себя ответственность определять, вступление в какие партии является допустимыми, а в какие - нет. А также преследовать в уголовном порядке тех активистов, которые создавали партии, неудобные правящей элите.

В рамках преследования правозащитников, ПБЛ 25.07.2012 завела на Е.Осипова уголовное дело № 15830015812 по ч. 1 ст. 219 УЗЛ за якобы имевшее место уклонение от подачи налоговой декларации. Делался личный аудит и декларация запрашивалась в связи с пожертвованиями товариществу «Родной язык» на покрытие расходов по агитации за референдум о предоставлении русскому языку статуса второго государственного. Дело было прекращено 24.09.2012.

6.2.3. Отчёт ПБЛ за 2013 год

(Ремарка автора. В марте 640 человек в Риге учредили общественное движение Конгресс неграждан (КН). Движение ставило перед собой цель ликвидировать массовое безгражданство в Латвии. В июне месяце КН провел выборы в Парламент непредставленных. В выборах участвовали как граждане, так и неграждане республики. 15,1 тыс. человек в ходе прямых и равных выборов, на конкурсной основе, избрали представительный орган, который состоял из 30 депутатов. Парламент непредставленных был выбран для того, чтобы представлять интересы членов русской общины, бороться против режима этнической дискриминации в стране).

Первый раздел отчета ПБЛ за 2013 г. носит название «Контрразведка и защита государственных тайн». В подразделе 1.1. «Активность иностранных разведок в Латвии» отмечалось, что «Значимым направлением деятельности зарубежных спецслужб в отчётный период было также сотрудничество с

²⁴⁰ <http://www.kasjauns.lv/lv/zinas/108234/lindermana-partijas-pelekais-kardinals-gaponenko-kuda-latgaliesus>

²⁴¹ Там же.

²⁴² <http://www.satv.tiesa.gov.lv/?lang=3&mid=8>

диаспоральными организациями и активистами в различных латвийских регионах... наиболее активно разведывательную деятельность против латвийских интересов вели российские спецслужбы»²⁴³.

В качестве доказательства активности российских спецслужб приводятся случаи их опросов латвийских контрабандистов подакцизными товарами (водкой и табачными изделиями - автор). Высказывается также предположение, что российские спецслужбы были связаны с компаниями по дискредитации Латвии упоминанием о фактах «возрождения в ней нацизма» и «катастрофическим состоянием её экономики»²⁴⁴.

Второй раздел отчёта называется «Защита конституционного строя», а его первый подраздел – «Российская политика соотечественников». В этом подразделе указывается, что декларированной целью политики России является защита интересов соотечественников, но под прикрытием этой декларации осуществляется влияние на внутрилатвийские политические процессы. Если раньше в риторике РФ главным было «сотрудничество с соотечественниками», то теперь появились формулы о «дискриминации соотечественников», «нарушении прав соотечественников», «глорификации нацизма». С обвинениями Латвии в нарушениях прав соотечественников РФ стала обращаться в ООН, СЕ, ОБСЕ, что представляет собой вмешательство во внутренние дела других стран²⁴⁵.

ПБЛ не опровергает того, что в Латвии существует этническая дискриминация. Об этом говорят результаты социологических опросов, оценки международных организаций²⁴⁶²⁴⁷²⁴⁸.

Вместо обсуждения темы дискриминации русского населения страны, темой отчёта вдруг становится расширение финансирования организаций соотечественников и появление в России нового института поддержки соотечественников – агентства «Россотрудничество»²⁴⁹.

Очевидно, что у читателей отчёта, в результате применения несложного логического приёма «подмены понятия», должно сложиться мнение, что дискриминации русского населения в Латвии нет и что это всё «выдумки» российского МИДа и подконтрольных ему организаций. Для того чтобы окончательно убедить читателей отчёта в том, что «Россотрудничество» - это

²⁴³ Публичный отчет Полиции безопасности за 2013 г., С. 7.

²⁴⁴ Там же.

²⁴⁵ Там же, С. 9.

²⁴⁶ <http://www.mixnews.lv/ru/society/news/2015-07-27/181071>

²⁴⁷ http://fra.europa.eu/sites/default/files/fra_uploads/664-eumidis_mainreport_conference-edition_en_.pdf

²⁴⁸ <http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/ecri/Country-by-country/Latvia/LVA-CbC-IV-2012-003-ENG.pdf>

²⁴⁹ Публичный отчет Полиции безопасности за 2013 г., С. 9.

чисто шпионская организация, приводится ссылка на публикацию в американских СМИ о том, что ФБР США вело исследование вопроса о том, не подвергалась ли риску американская молодежь, когда ездила на ознакомительную поездку в Россию по приглашению этого агентства²⁵⁰. Сведений о том, что расследование ФБР США дало положительные результаты, в отчёте ПБЛ не приводится, из чего можно предположить, что ссылка дана исключительно для того, что бы создать определённый настрой у читателей отчёта.

Второй подраздел рассматриваемого раздела носит название «Проявление российской политики соотечественников в Латвии». В этом подразделе деятельность русских общественных организаций оценивается, как несамостоятельная, полностью подконтрольная МИД РФ, а посольство выставляется как её главный организатор и координатор. «...Деятельность различных неправительственных организаций, связанных с реализацией политики российских соотечественников, была направлена против сплочённости латвийского общества и уменьшения чувства принадлежности русскоязычных жителей к Латвии»²⁵¹.

В отчёте утверждается, что свои позиции в обществе укрепили уже известные в среде соотечественников субъекты, которые образуют так называемое ядро «профессиональных соотечественников». Указывается, что «ядро» извлекает из своей деятельности личные выгоды и что их активность подчинена реализации российских внешнеполитических интересов в Латвии. Для создания негативного образа русских правозащитников со злорадством сообщается, что в их среде есть конфликт поколений. ПБЛ перечисляет наиболее значимых «профессиональных соотечественников»: Виктора Гущина, Александра Гапоненко, Йосифа Корена, Валерия Кравцова²⁵².

Далее в отчёте даются очерки деятельности активистов и возглавляемых ими организаций, публикуются фотографии активистов. Остановимся подробнее на лицах и организациях, которые выбраны в качестве объектов преследования со стороны ПБЛ, а также на их «преступлениях».

Деятельность Александра Гапоненко

В начале данного параграфа публикуется фотография А. Гапоненко с подписью. Упоминается, что А.Гапоненко, вместе с депутатом Сейма Николаем Кабановым, создали в 2013 г. документальный фильм «Ostland. Ночь под свастикой», в котором события Второй мировой войны были изложены в соответствии с российской исторической доктриной. Фильм получил признание в России – ему было присуждено второе место на

²⁵⁰ Там же, с 10.

²⁵¹ Там же.

²⁵² Там же.

международном конкурсе «Имею честь». Фильм был презентован перед событиями 16 марта²⁵³.

Выходит, что авторы фильма не имели права на свою точку зрения в изложении событий Второй мировой войны, а должны были придерживаться той точки зрения, которую правящая элита пытается сделать официальной и общеобязательной. Оказывается, что это плохо, когда фильмы латвийских авторов получают признание на международных конкурсах. Оказывается, что фильм нельзя было презентовать перед 16 марта.

(Ремарка автора. 16 марта в Риге ежегодно происходит чествование членов известного своими кровавыми преступлениями в годы Второй мировой войны Латышского легиона войск Ваффен СС. Чествование происходит у национального символа - памятника Свободы. В этих мероприятиях участвуют представители латвийских властей. Празднование 16 марта в Риге было осуждено решением Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2014 г., как практика глорификации фашизма²⁵⁴).

Следовательно, позиция ПБЛ такова: организовывая праздничные мероприятия 16 марта в Риге, посвященные прославлению идей нацизма, различные организации и отдельные персоны поступают правомерно, а выпуск фильма, дающего оценку этим торжествам в соответствии с решением ГА ООН, есть действие, подрывающее национальную безопасность Латвии.

Далее в отчёте ПБЛ отмечается, что «А.Гапоненко издал книгу «Этнические конфликты в странах Балтии в постсоветский период», в которой пропагандируется мнение, что существует постоянное этническое давление в Латвии и странах Балтии. Параллельно А.Гапоненко в отчётный период продолжал распространять тенденциозную и искажённую информацию о внутриполитических событиях в государстве. Выдавая себя «экспертом» в социально-политических и экономических вопросах и «исследователем», А.Гапоненко искусственно старался создавать мнение, что русскоговорящим жителям Латвии угрожает опасность, а также с помощью различных публикаций пытался актуализировать идею Латгальской автономии. Опубликованную им информацию часто использовали российские институты и СМИ (например, REGNUM) для того, чтобы критиковать и осуждать Латвию».²⁵⁵

Пространная цитата из отчета ПБЛ хорошо иллюстрирует, что политическая полиция взяла на себя функцию цензора и определяла, какие темы могут быть предметом научных исследований и общественно-политических

²⁵³ Там же, С. 10.

²⁵⁴ <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/706/26/PDF/N1470626.pdf?OpenElement>

²⁵⁵ Там же, С. 10.

публикаций, а какие нет. Из контекста отчёта вытекает, что все критические высказывания в отношении способов решения социально-экономических, политических и этнических вопросов нынешней латвийской правящей элитой рассматривались, как практические действия, угрожающие безопасности государства, и она давала указания ПБЛ преследовать инакомыслящих.

В ходе этого преследования контрразведка использовала такой приём, как унижение человека иных взглядов, ставила под сомнение его научную компетентность. В отчёте А. Гапоненко характеризуют, как «псевдоэксперта» и «псевдоисследователя», несмотря на то, что он имеет учёную степень доктора экономических наук, является почётным профессором и членом академии, директором исследовательского института, издал более десятка научных монографий и несколько сотен публицистических статей.

Следующую угрозу конституционному строю республики ПБЛ увидела в том, что А. Гапоненко, вместе с Б. Зельцерманом, организовали курсы молодых лидеров. Эти курсы окончили Елизавета Кривцова, Илларион Гирс, Маргарита Драгиле, Елена Бачинска. Тут отметим, что организаторами курсов было выявлено три попытки внедрения в состав курсантов агентов влияния спецслужб, однако они не были приняты из-за низкого уровня интеллектуального развития. Четвертый «засланец» имел достаточный уровень интеллектуального развития, и организаторами было решено принять его на учёбу, хотя он и имел зависимость от алкоголя. На занятия агент практически не ходил и предоставленные им сведения, что курсы посещал И. Гирс, не соответствуют действительности.

В данном месте отметим, что ПБЛ инициировало в конце 2013 г. проверку Финансовой полицией фирмы «Маратонс С», собственником и директором которой был А. Гапоненко. Проверка не выявила финансовых нарушений, но участвовавшие в ней персоны пообещали устроить вскоре личный аудит доходов директора. Действительно, вскоре Служба государственных доходов (СГД) начала проверку личных доходов А. Гапоненко и сделала на него денежный начёт на значительную сумму. Главным аргументом для начисления начёта было то, что он пожертвовал деньги на проведение референдума о повышении статуса русского языка в Латвии (оплату услуг нотариусов для малообеспеченных русских граждан). Финансовую проверку проводил работник ПБЛ, представлявшийся работником СГД, в ходе встреч он пытался собрать сведения об общественно-политической деятельности проверяемого. А. Гапоненко оспорил решение СГД в Административном суде, однако судья, без всякого на то основания, отказался признать доказательными предоставленные им документы и показания свидетелей в пользу истца. Административный процесс против А. Гапоненко продолжается до сих пор.

Совет общественных организаций Латвии (СООЛ).

Указывается, что СООЛ объединяет в своем составе около 90 организаций, однако активную работу ведет не более 20 из них. Цель организации - быть площадкой для обмена мнениями между русскими организациями Латвии. С 2007 г. работу координирует Виктор Гуцин. Приводится фотография руководителя организации с подписью. В. Гуцин предпринимал попытки сделать СООЛ элементом, координирующим политику в отношении российских соотечественников, однако неудачно. Отмечается, что В.Гуцин руководит Советом соотечественников при посольстве и является членом Всемирного совета российских соотечественников, что даёт ему ресурс влияния.

Конгресс неграждан (КН)

В отчёте ПБЛ упоминается, что КН - не зарегистрированная в Латвии организация, что её целью является решение проблемы неграждан, что она актуализирует также проблему нарушения прав человека. Руководитель КН Елизавета Кривцова пыталась использовать узнаваемость, полученную в ходе деятельности в этой организации, в ходе выборов в Европарламент. Приводится фотография Е. Кривцовой с подписью.

Для актуализации проблемы неграждан КН обращался к руководителям различных международных организаций – Генсеку ООН, президенту Совета ЕС, президенту Еврокомиссии, его представители посетили многие зарубежные посольства в Латвии, провели мероприятия у Европейского парламента. КН пытался получить поддержку в латышской среде, принимал участие во внутривнутриполитических дискуссиях (обсуждение проекта преамбулы к Конституции), повлиял на движение неграждан в Эстонии²⁵⁶.

Между тем, вся деятельность КН носила законный характер. Руководство всех международных организаций вступали в переписку с КН, руководители зарубежных посольств принимали представителей организации и выражали поддержку их деятельности. Руководитель ООН Пан Ги Мун после письма КН посетил Латвию и обратился к её президенту с просьбой решить проблему неграждан²⁵⁷. После этого УВКБ ООН приняло программу по ликвидации безгражданства во всем мире к 2024 г²⁵⁸. КН был выбран УВКБ ООН в качестве партнёра в Латвии, о чем организацию известили в соответствующем письме.

Выходило, что ПБЛ включила КН в раздел «Защита конституционного строя» в качестве примера угрозы национальной безопасности совершенно

²⁵⁶ Там же, С. 11.

²⁵⁷ <http://www.tvc.ru/news/show/id/22398>

²⁵⁸ <http://spbredcross.org/about/spb/news/2014/11/06/uvkb-onn-zayavlyaet-o-reshimosti-likvidirovat-bezgrazhdanstvo-vo-vsem-mire/>

необоснованно. Контрразведка знала о сути обращений руководства КН в международные организации и зарубежные посольства и сознательно осуществляла дискредитацию организации в своём отчете, то есть совершала действия, направленные на преследование её активистов и членов.

Так называемые Антифашистские организации

Оценочное название параграфа авторами отчёта «так называемые *Антифашистские организации*» призвано вызвать недоверие читателей к деятельности антифашистов.

«...В отчётный период важную роль в дискредитации Латвии на международном и национальном уровне сохраняли антифашистские организации, которые старались популяризировать созданный в России миф о «возрождении и глорификации нацизма в Латвии». Особенно активно очернительством Латвии в этом вопросе занималась влиятельная российская организация «Мир без нацизма» (МБН) и поддерживающие её организации в Латвии»²⁵⁹.

В качестве главных антифашистов республики в отчёте называются Валерий Энгель из МБН и Иосиф Корен, который назван фактическим руководителем организации «Латвийский антифашистский комитет». Фотография последнего с подписью публикуется. Указывается, что эти персоны распространяли тенденциозную и искажённую информацию о возрождении нацизма в Латвии, а также российскую трактовку истории об освобождении Латвии.

«Во время мероприятия 16 марта И. Корен и другие, так называемые латвийские антифашисты, осуществляли традиционную активность, которая была направлена на международную аудиторию и пропагандировала миф о «глорификации нацизма»²⁶⁰.

Опишем, что это была за «традиционная» деятельность латвийских антифашистов.

Портал Delfi написал о событиях этого дня следующее: «Лидеры антифашистских организаций возложили к памятнику Свободы цветы и венки в память о жертвах Второй мировой войны. Рядом с Милдой была развернута традиционная инсталляция: большие плакаты-фотографии, на которых были изображены узники концлагерей и расстрел мирных жителей нацистами. В субботу в Риге проходит также международная антифашистская конференция.

²⁵⁹ Публичный отчет Полиции безопасности за 2013 г., С. 12.

²⁶⁰ Там же,

Около 11:00 от Домского собора началось традиционное «шествие латышских легионеров», большинство участников которого составляли молодёжь и люди среднего поколения. Колонну возглавляли депутаты Сейма от VL-ТБ/ДННЛ Райвис Дзинтарс, Янис Домбрава, Имант Парадниекс, Дзинтар Расначс и другие.

С приближением шествия сторонников легионеров антифашисты у памятника Свободе неожиданно включили сирену, как во время бомбёжек. Затем пикетчики стали через усилители транслировать песню «Бухенвальдский набат». Именно под это сопровождение участники шествия возложили цветы к Милде (памятник Свободе - автор). Звуковые эффекты, обеспеченные антифашистами, практически заглушили песни шествующих. После этого антифашисты стали через мегафон перечислять преступления нацистов.

Неожиданные действия антифашистов спровоцировали острое противостояние. Во избежание столкновений было вынуждено вмешаться спецподразделение полиции. Причём в короткой потасовке, по некоторым данным, участвовали и депутаты Сейма от Национального объединения»²⁶¹.

Видеозапись мероприятия засвидетельствовала, что депутаты парламента от Национального объединения напали на пикет антифашистов, порвали плакаты-фотографии, на которых были изображены узники концлагерей и расстрел мирных жителей нацистами, поломали аудиоаппаратуру²⁶².

Однако ПБЛ не привлекла к ответственности хулиганивших депутатов, gloryфицировавших своим участием в мероприятии 16 марта у памятника Свободе в Риге преступления нацистов в годы войны, а обвинила антифашистов в том, что они протестовали против этой gloryфикации.

Далее в отчёте ПБЛ пишется, что руководители антифашистских организаций проводили другие мероприятия, нацеленные на дискредитацию Латвии. И. Корен организовал поездку делегации на сессию ОБСЕ в Варшаве «Гуманитарное измерение» и провел слёт антифашистов стран Балтии в г. Алуksне²⁶³.

Отметим, что руководство БДИПЧ ОБСЕ как раз и приглашает руководителей неправительственных организаций и правозащитников на совещание по человеческому измерению в Варшаву для того, чтобы услышать их мнение о положении с правами человека в странах-участниках,

²⁶¹ <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/shestvie-16-marta-vylilos-v-protivostoyanie-legionerov-i-antifashistov-foto-video.d?id=43150800>

²⁶² <http://www.mixnews.lv/ru/exclusive/news/2013-03-16/119955>

²⁶³ Публичный отчет Полиции безопасности за 2013 г., С. 12.

в частности, на обсуждение всегда выносятся вопросы возрождения неонацизма²⁶⁴.

«За родной язык»

В отчёте ПБЛ указывается, что в 2013 г. общество «За родной язык» раскололось.

В. Линдерман начал сбор подписей за дополнения к закону «Об охране прав детей». Им было создано общество «Сохраним наших детей!». К деятельности общества были привлечены представители отдельных религиозных конфессий, в частности Каспарс Димитерс. В. Линдерман придал этой инициативе известную популярность.

И. Гирс и Е. Осипов создали общество «Русская Заря». Публикуется фотография И. Гирса с подписью. Указывается, что он старался попасть в список на выборы в Европарламент от партии «Русский союз Латвии». Кроме того, он вступил в конфронтацию с «профессиональными соотечественниками», например, с А. Гапоненко. И. Гирс и Е. Осипов характеризуются в отчёте ПБЛ, как радикальные русские националисты. Они обвиняются в том, что выступали в социальных сетях и в российских СМИ с провокационными заявлениями, которые часто совпадали с официальной российской риторикой.

В отчёте отмечается также, что активность проявляли такие организации российских соотечественников, как «Родина», «Латвийский комитет по правам человека», Лиепайская русская община, Русское общество Вентспилса, Елгавское общество русской культуры «Вече», общество «Кислород» из Даугавпилса²⁶⁵.

Каким образом деятельность организации по защите прав детей или русские культурные и общинные организации могут угрожать национальной безопасности Латвии, в отчёте не указывается. Практически ни одно из перечисленных обществ не позиционировало себя публично, как организацию российских соотечественников. Зная состав руководства всех этих организаций, автор может предположить, что в качестве главного признака угрозы политическая полиция выбрала способность этих людей артикулировать и отстаивать интересы русского населения.

Попадание в отчёт ПБЛ вызвало для всех русских общественников проблемы по месту работы и учёбы, поскольку им был создан в общественном пространстве образ людей, которые работают на враждебное иностранное государство. Некоторые организации потеряли после выпуска отчёта

²⁶⁴ http://www.osce.org/odihr/hdim_2015

²⁶⁵ Там же.

поддержку из муниципальных бюджетов на проведение культурных мероприятий.

Правое крыло экстремистов

ПБЛ отмечается низкая активность правых экстремистов. «Центр Густава Целминьша» снизил свою активность в связи с уголовным процессом, который шёл против его руководителя Игоря Шишкина. Называется организация «Антиглобалисты» и «Латвийские Айзсарги». В Латвии существовали неонацистские организации, однако они не проявляли активности. Правые экстремисты концентрировались в различных спортивных фан-клубах. Общество «Латышский национальный фронт», которым руководит Авар Гарда, не проводило публичных акций. Оно проявляло активность только на своей домашней странице и в газете DDD (Деокупация, Деколонизация, Дебольшевизация)²⁶⁶. Фотографии правых экстремистов в отчёте не публиковались.

Левое крыло экстремистов

В отчёте называется только один левый «экстремист» - латвийский житель Айо Бенес. Публикуется его фотография. Ему в вину ставится участие в пикете у посольства Франции в Латвии по поводу сирийских событий²⁶⁷. Пикет был разрешённым, в нем участвовало большое число людей, и почему именно А. Бенес попал за участие в пикете в список левых экстремистов - не понятно.

В отчёте за 2013 г. под номером три появляется новый раздел «Безопасность информационного пространства». В этом разделе отмечается, что в латвийском информационном пространстве продолжалось распространение стереотипов и мифов, отвечающих геополитическим интересам России. Среди них мнение, что в Латвии «возрождается фашизм и идёт его глорификация», «нарушаются права русскоязычных», отрицается оккупация Латвии в 1940 г., преувеличенно восхваляется позитивный вклад Латвийской ССР в развитие страны и тенденциозно отражается существующая ситуация. В пропагандистской деятельности участвуют лояльные России исследовательские институты и учёные обществоведы. Среди распространяемых сюжетов было тенденциозное и одностороннее освещение событий в Вильнюсе в 1991 г. Сюжет был призван скрыть преступления РФ против гражданских лиц в странах Балтии и вызвать сомнения в легитимности этих стран²⁶⁸.

²⁶⁶ Там же, С.13.

²⁶⁷ Там же,

²⁶⁸ Там же, С.15.

В данном случае мы видим, что ПБЛ взяла на себя функции игрока в идеологической сфере. В демократически устроенном обществе политические партии вырабатывают и распространяют идеологию, борются с конкурирующей идеологией и таким путём завоевывают поддержку избирателей. В том случае, когда политическая полиция, используя имеющиеся в её распоряжении репрессивные инструменты, определяет, какие идеи правильны, а какие нет, мы имеем дело с тоталитарным обществом. Выходит, что ПБЛ своей активностью нарушала ст. 99 Конституции, которая гласит, что в Латвии «Каждый имеет право на свободу мысли, сознания и религиозных убеждений. ...»²⁶⁹.

В рассматриваемом отчёте вновь упоминается медиаклуб «Формат А3», порталы RuBaltic.ru и Imhoclub.lv. Отмечается, что они распространяют информацию, соответствующую российским геополитическим интересам, критически высказываются в отношении внутривнутриполитических процессов в Латвии и странах Балтии в целом²⁷⁰.

В данном случае ПБЛ вновь брала на себя функции цензора, который может определять, какие СМИ какой материал могут публиковать.

6.2.4. Отчёт ПБЛ за 2014 год

В традиционном первом разделе отчёта «Контрразведка» читатели могли узнать, что российские спецслужбы собирают информацию о происходящих в Латвии процессах, а латвийские контрразведчики успешно препятствуют этой деятельности²⁷¹.

Правда, случаются и провалы. Так, в конце отчётного года в России провалился шпион ПБЛ. В отчёте не называют его фамилию, но российские СМИ сообщили, что это экс-депутат Сейма Алексей Холостов, работавший под псевдонимом «Глория». В Латвии «Глория» доносил на своих товарищей по партии и на актив русских общественных организаций, собрания которых регулярно посещал²⁷².

Второй раздел отчёта носит название «Защита конституционного строя», а его первый подраздел - «Российская политика соотечественников». В этом подразделе отмечается, что политика защиты прав соотечественников, укрепления русского языка и популяризация русской культуры представляли главную угрозу конституционному строю Латвии. Активисты соотечественники поддерживали позицию России в украинском конфликте и выступали против введенных против неё Западом санкций²⁷³.

²⁶⁹ <http://www.satv.tiesa.gov.lv/?lang=3&mid=8>

²⁷⁰ Публичный отчет Полиции безопасности за 2013 г., С. 16

²⁷¹ Публичный отчет Полиции безопасности за 2014 г., С. 7-8.

²⁷² <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2129035>

²⁷³ Публичный отчет Полиции безопасности за 2014 г., С.10.

В данном случае ПБЛ в очередной раз сознательно закладывала в отчёт ложную установку, что в Латвии отсутствует самостоятельная русская община, нет организаций и лидеров, которые способны представлять её интересы, а есть только небольшая группа «российских соотечественников», которые действуют в интересах враждебного государства. Эта установка имела двоякое назначение. Во-первых, она успокаивала латышскую общину, убеждая её в том, что проводимая правящей элитой политика этнической дискриминации русского населения не имеет негативных последствий. Во-вторых, она позволяла дискредитировать лидеров русской общины и подавить активность её простых членов. В данном случае ПБЛ действовала в нарушение Конституции Латвии, ст. 114, которая гарантирует: «Лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, имеют право сохранять и развивать свой язык, этническую и культурную самобытность»²⁷⁴.

Второй подраздел анализируемого нами первого раздела отчёта ПБЛ называется «Характеристика российской политики соотечественников в Латвии». В подразделе указывается, что «проводники» политики России манипулировали проблемами образования и неграждан в контексте украинских событий и добились за счет этого усиления поддержки в среде национальных меньшинств. Приводится список «проводников»: Елизавета Кривцова, Александр Мирский, Виктор Гущин, Елена Бачинска, Эйнарс Граудиньш. Публикуется фотография Е. Кривцовой. С радостью сообщается, что «проводники» не были избраны в Европарламент и Сейм, и что только Татьяна Жданок стала депутатом Европарламента²⁷⁵.

Отметим, что неудача русских активистов при попытке пройти в Сейм была в значительной степени обусловлена тем, что ПБЛ активно препятствовала проведению их предвыборных мероприятий. Например, несколько раз запрещала КН проведение концерта русской музыки в Риге непосредственно перед выборами в Европарламент²⁷⁶. Такие латвийские СМИ, как Delfi.lv, Apollo.lv, Tvnet.lv, Latvijas avize, TV 3 регулярно публиковали почерпнутые из отчётов ПБЛ обвинения в адрес кандидатов в депутаты в том, что они выступают против государственных интересов Латвии. Зачастую эти СМИ публиковали информацию, которую можно было получить только в результате прослушивания разговоров и прочтения частной переписки активистов русской общины.

Приведём пример тесного сотрудничества латвийских СМИ со спецслужбами, касающийся автора данной главы. 1 августа 2015 г. латвийский информационный портал Apollo.lv-Tvnet.lv опубликовал материал, в котором утверждалось, что «пророссийская группа» готовит

²⁷⁴ <http://www.satv.tiesa.gov.lv/?lang=3&mid=8>

²⁷⁵ Публичный отчет Полиции безопасности за 2014 г., С.11.

²⁷⁶ <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/kongress-negrazhdan-snova-popytaetsya-provesti-russkij-majdan.d?id=44442224>

провокацию в связи с празднованием в Риге 100-летнего юбилея создания отрядов латышских стрелков. Упоминалось, что на праздновании годовщины она готовится вручать памятные медали, которые выбила в России общественная организация Евразийский фронт. К материалу прилагалась большая фотография А. Гапоненко²⁷⁷.

Данная информация была почерпнута из частного телефонного разговора А. Гапоненко с Э. Граудиньшем, в ходе которого высказывалось гипотетическое пожелание вручить уже выбитые в России медали на приближающихся праздничных мероприятиях. Медалей у участников разговора не было и их распространением они не занимались. Только после иронического высказывания на своей странице в социальной сети Facebook по поводу распространяемой некоторыми СМИ ложной информации, автору позвонил человек, представившийся корреспондентом информационного агентства BNS. Он уточнил, что А. Гапоненко никак не связан с празднованием юбилейных мероприятий. После этого публикации в СМИ о «готовящихся пророссийскими силами провокациях» сразу же прекратились.

Однако вернёмся к содержанию отчета ПБЛ. В анализируемом подразделе много пишется о том, что «проводники» российской политики в отчётный период опять распространяли мнение о том, что в стране «дискриминируются национальные меньшинства», существует «дефицит демократии», «происходит возрождение фашизма», а также пропагандировали российскую точку зрения на историю Латвии и осуждали политику киевского руководства по уничтожению собственного народа. Данные мнения оценивались контрразведкой, как тенденциозные, не соответствующие правде²⁷⁸.

Тем самым, ПБЛ отказывал группе активистов русской общины в праве самостоятельно осмысливать окружающую их общественную действительность и самостоятельно выносить о ней свои суждения. Нарушалась Конституция ЛР, гласящая в ст. 99 о свободе мысли и в ст. 100 о свободе слова.

Подраздел 2.3 отчета носит название «Субъекты политики соотечественников в Латвии». В нём называются наиболее значимые субъекты²⁷⁹.

Совет общественных организаций (СООЛ)

Отмечается, что СООЛ продолжает играть роль площадки по обмену мнениями, и в нём представлено главным образом старшее поколение русских. Отмечается, что формальным руководителем СООЛ является Виктор Гушин, он тесно связан с посольством и является членом Всемирного

²⁷⁷ <http://apollo.tvnet.lv/zinas/prokrieviska-grupa-gatava-provocet-latviesu-strelnieku-simtgade/700179>

²⁷⁸ Публичный отчет Полиции безопасности за 2014 г., С.11.

²⁷⁹ Там же, С.12.

совета российских соотечественников. Публикуется фотография В. Гущина и Э. Граудиньша.

Конгресс неграждан (КН)

КН занимался, по мнению политической полиции, как защитой интересов неграждан, так и вопросами образования. В конце года активность в последнем вопросе спала.

Здесь необходимо пояснить, что правительственная коалиция приняла в конце 2013 г. решение о переводе образования русских детей в школах полностью на латышский язык. КН провёл ряд митингов, пикетов и собраний, в ходе которых выразил протест против этой реформы, нарушающей право на сохранение русскими родного языка. Был направлен ряд петиций в международные инстанции. Именно под влиянием этих протестов правящая коалиция отказалась от принудительной ликвидации обучения в школах на русском языке²⁸⁰.

Неудачным ПБЛ оценивает учреждение Парламентом непредставленного поста общественного омбудсмана и назначение на него юриста Елены Бачинской. Она именуется в отчёте «так называемым омбудсменом» и ей предъявляется претензия в эпизодичности деятельности. Тут следует повторить, что назначенный государством омбудсмен Юрис Янсон не признавал фактов дискриминации нетитульного населения в Латвии, и выступал за ликвидацию образования на русском языке²⁸¹. Государственный омбудсмен опирался на большой аппарат помощников и большие финансовые ресурсы и поэтому вел системную работу по разрушению русской общины.

Далее значительная часть материала посвящена персоне А. Гапоненко. Публикуется его фотография с подписью. Он обвиняется в радикальных и провокационных высказываниях в СМИ. «Провокационный характер его деятельности проявлялся также в том, что он распространял свои документальные фильмы: «Русским школам быть!», «Латвия, которую мы потеряли» и др.» (добавим от себя фильмы - «16 марта», «Aliens»)²⁸². Выходило, что ПБЛ выступала не только против свободы мысли и свободы слова, но также и против свободы творчества. Между тем, в ст. 113 Конституции ЛР говорится: «Государство признает свободу научного, художественного и иного творчества, а также защищает авторские и патентные права»²⁸³.

²⁸⁰ <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1112328>

²⁸¹ <https://www.youtube.com/watch?v=D-NhMZR2iMM>

²⁸² Публичный отчет Полиции безопасности за 2014 г., С.13.

²⁸³ <http://www.satv.tiesa.gov.lv/?lang=3&mid=8>

Так называемые антифашистские организации

Антифашисты организовали протесты 16 марта в день чествования легионеров войск Ваффен СС (в отчёте этот день скромно называется Днём памяти легионеров) и круглый стол, посвященный «проблематике возрождения фашизма». Мероприятия проходили под руководством антифашиста Иосифа Корена. На круглом столе выступали иностранные гости, которые поддерживали распространяемый Россией миф о «глобализации идей нацизма» в Латвии²⁸⁴.

Отметим, что среди гостей конференции была большая группа антифашистов из Германии, один из которых сидел в нацистской тюрьме. Члены группы были задержаны на 8 часов на границе пограничной службой Латвии для того, что бы сорвать проведение круглого стола. Организаторам пять гостиниц в Риге отказали в аренде помещений для проведения мероприятия и не давали возможности забронировать номера для иностранных гостей. Помещения удалось арендовать только после того, как организаторы подготовили заявку в Рижскую Думу на проведение мероприятия у памятника Свободы, на открытом воздухе²⁸⁵.

Латвийские антифашисты участвовали в работе круглого стола, который организовал «Мир без нацизма» в феврале 2014 г. в Киеве. Здесь ими высказывалось мнение, что выступления на украинском Майдане имеют «признаки возрождения фашизма».

Антифашисты организовали также пикеты против демонстрации мюзикла «Цукурс. Герберт Цукурс» в Риге и в Лиепае. Публикуется фотография с подписью, на которой изображены И. Корен и Э. Гончаров во время акции протеста.

За пределами отчёта ПБЛ остались факты зверств «Правого сектора» в Украине, которые участвовали в феврале 2014 г. на Майдане и открыто говорили автору данного материала о необходимости «уничтожения жидов». За пределами отчёта осталось и то, что Г. Цукурс является нацистским преступником, лично повинным в уничтожении тысяч людей²⁸⁶.

Из контекста подачи материала в отчёте выходило, что ПБЛ считает деятельность нацистов по уничтожению людей легитимной, а деятельность антифашистов, мирно протестующих против фашистов, угрожающей национальной безопасности Латвии.

Русская Заря (РЗ)

²⁸⁴ Публичный отчет Полиции безопасности за 2014 г., С.13.

²⁸⁵ <http://www.mixnews.lv/ru/exclusive/news/2014-03-07/145492>

²⁸⁶ <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/zuroff-cukurs-ne-byl-geroem-ego-prestupleniya-ochevidny.d?id=45122250>

И. Гирс и Е. Осипов создали в отчётный период общество Русская Заря (РЗ). Публикуются фотографии активистов с подписями. Они выступали в СМИ с риторикой, поддерживающей позицию России в отношении Крыма и Украины, протестовали против ограничения вещания российского телевидения в Латвии.

В этом же подразделе отчёта упоминалось, что в Курземе действуют Лиепайская русская община и Вентспилское русское общество, а в Земгале Елгавское общество русской культуры «Вече» и Екабпилская русская община. В Латгалии риски деятельности «проводников» российской политики соотечественников незначительны²⁸⁷.

Из данного пассажа видно, что ПБЛ видит угрозу национальной безопасности в самом факте существовании русских общин и русских культурных обществ. Очевидно, что она ведет не только сбор информации об этих обществах, но и активно влияет на их деятельность с целью «снижения рисков». Латышские организации в сферу внимания ПБЛ попадают крайне редко.

Подраздел 2.4. «Сторонники крайне правой и крайне левой идеологии» информирует читателей, что влияние лиц радикальной правой и левой идеологической ориентации на латвийское общество невелико, проявляется в социальных сетях и участии в чужих публичных мероприятиях. Отмечается, что группами риска являются спортсмены, занимающиеся боевыми искусствами и скинхеды.

В отчёте за 2014 г. появился новый, третий по порядковому номеру, раздел – «Сторонники российской агрессии в Украине». В этом разделе упоминается активность евродепутатов Татьяны Жданок и Александра Мирского, помощника евродепутата Мирослава Митрофанова, муниципального депутата Юрия Зайцева. Публикуются фотографии Т.Жданок и Ю.Зайцева. Этих активистов политическая полиция обвиняет в том, что они публично поддерживали «агрессию России против Украины», в СМИ и в ходе специально проводимых мероприятий, участвовали в качестве наблюдателей на выборах в Крыму²⁸⁸.

ПБЛ исходит из того, что все депутаты и их помощники должны придерживаться позиции правящей партийной группировки по всем внутривнутриполитическим и внешнеполитическим вопросам. Если это не так, то они попадают в поле зрения политической полиции, как группа риска, на них собирается информация и, скорее всего, против них ведётся соответствующая «профилактическая» работа. Данная деятельность ПБЛ полностью противоречит Закону «Об учреждениях государственной

²⁸⁷ Публичный отчет Полиции безопасности за 2014 г., С.14.

²⁸⁸ Там же, С.16.

безопасности», ст. 5, п. 6 которого гласит: «Руководителям учреждений государственной безопасности запрещено прямо или косвенно действовать в интересах политических партий, организаций, движений или персон, вмешиваться в деятельность ... общественных, политических, религиозных организаций и коммерсантов, влиять на неё»²⁸⁹.

Далее в отчёте отмечается, что Эйнарс Граудиньш посетил Украину и потом выступал с осуждением «зверств украинских военных» и «деструктивной роли США в украинском конфликте». Упоминается популярность Граудиньша в российских СМИ, поскольку он является этническим латышом. Публикуется фотография Э. Граудиньша с подписью²⁹⁰. Публикация фотографий в отчёте ПБЛ и последующая компания осуждения в СМИ лиц, якобы реализующих интересы иностранного государства, имели своим следствием возбуждение к ним ненависти со стороны не очень хорошо разбирающихся в политике членов латышской общины. Э. Граудиньш сообщал автору материала о полутора десятках случаев, когда к нему на улице подходили незнакомые люди, называли врагом латышского народа и даже угрожали его убить за то, что он «неправильно выступает». Информация об угрозах появлялась и в СМИ²⁹¹. Сам автор после публикации отчёта ПБЛ с его фотографиями и нескольких порочащих сюжетов в передаче «Ничего личного» на TV 3 столкнулся с пятью случаями, когда ему угрожали, требовали «немедленно убираться из Латвии в Россию» и даже попытались нанести телесные повреждения. Во всех описываемых случаях угрозы высказывались на латышском языке.

В рассматриваемом отделе отчёта ПБЛ появилась тема сбора гуманитарной помощи для гражданского населения, пострадавшего в ходе боевых действий на юго-востоке Украины. Называется общество «Балтия» и фамилии активистов: Станислава Букайна, Дмитрия Прокопенко и Артемия Яковлева. Публикуется фотография С. Букайна. Сообщается, что длительное время собирать гуманитарную помощь обществу «Балтия» не удалось. Против активистов было возбуждено уголовное дело по факту вовлечения людей в террористическую деятельность. Основанием для уголовного преследования было то, что гуманитарная помощь собиралась для тех, кто проживал на территории, подвергавшейся ударам вооруженных сил Украины²⁹².

Наконец, в отчёте ПБЛ упоминается о том, что некоторые жители Латвии поехали поддержать русское население, сражающееся на юго-востоке Украины против этнической дискриминации. Называются их имена: Вячеслав Высоцкий, Валентин Милютин, Григорий Косниковский, Айо

²⁸⁹ <http://likumi.lv/doc.php?mode=DOC&id=57256>

²⁹⁰ Там же, С.16.

²⁹¹ <http://nahnews.org/201315-v-rige-ugrozhayut-pravozashhitniku-rasskazyvayushhemu-pravdu-o-vojn-v-donbasse/>

²⁹² Публичный отчет Полиции безопасности за 2014 г., С.16.

Бенес, Анатолий Матьюковский. Публикуются их фотографии. Публикуется также фотография В. Линдермана, хотя о нём в этом разделе ничего не пишется²⁹³. Спецслужбой предполагается, что они могут вернуться в Латвию и создать риск национальной безопасности. То, что молодые латвийцы приняли решение с оружием в руках бороться с этнической дискриминацией на Украине, ПБЛ никак не увязывает с фактом существования режима этнической дискриминации в Латвии.

Четвёртый раздел отчёта ПБЛ называется «Безопасность информационного пространства» и в нем содержится обширный пассаж об идеологическом противостоянии России и Запада, а также о важной роли российских соотечественников в ведении «пророссийской пропаганды» в Европе²⁹⁴. Отмечается, что главными «пропагандистами» являются Т.Жданок, А. Гапоненко, А. Мирский, Э. Граудиньш, которые выступают на центральных российских телеканалах, а также Илларион Гирс, Евгений Осипов, Андрей Солопенко, Андрей Стариков, которые выступают в Интернет ресурсах. Публикуется фотография А. Мирского. Сообщается, что А. Мирский распространяет через принадлежащую ему радиостанцию «Автордио» передачи «Голоса России».

В качестве средств идеологического влияния России называются: портал Baltnews.lv, которым руководит Андрей Яковлев; медиаклуб Format A3, координатором которого являются Маргарита Трошкина, Ксения Загоровская и Ольга Борисова; интернет издания Imhoclub.lv и Baltija.lv.

В данном случае мы опять видим, что ПБЛ занимается контролем идеологического содержания латвийских СМИ, определяет те из них, которые не соответствуют интересам правящей партийной группировки и борется с ними. Например, 14 ноября гость медиаклуба Format A3, эксперт в энергетических вопросах Константин Симонов был депортирован из Латвии. Незадолго до этого въезд в Латвию был запрещен другому гостю клуба, политологу Сергею Михееву.

6.2.5. Выводы

Исследование структуры, содержания и языка ежегодников ПБЛ позволяет сделать следующие выводы:

- русская община Латвии систематически рассматривается как угроза «конституционному строю Латвии». Само существование русской общины после проведения референдума за повышение статуса русского языка (2012 г.) ПБЛ отрицается. Всем русским общинным и культурным организациям

²⁹³ Там же, с 17.

²⁹⁴ Там же, с 19-20.

отказывается в автономии, они рассматриваются исключительно как агенты влияния России. Руководители этих организаций определяются как враждебно настроенные к Латвии «профессиональные» российские соотечественники, которые реализуют интересы Москвы;

- преследование руководителей начинается, как только они осмеливаются артикулировать и защищать интересы членов русской общины. Это может быть борьба за право говорить на родном языке, попытки воспроизводить собственную культуру, желание получить равные с другими жителями республики права. При этом из содержания ежегодников ПБЛ чётко видно, что её реальной задачей является выявление и подавление элитных групп русского населения, да и всех «инородцев»;

- ПБЛ в своей деятельности отвергает положения Конституции ЛР, в которых говорится о правах национальных меньшинств на сохранение своей самобытности, о свободе совести, о свободе высказывания своих взглядов, о свободе творчества, о свободе собраний и объединений;

- ПБЛ вмешивается в деятельность политических партий, общественных и культурных организаций по заказу коалиции правящих партий, хотя это строго запрещено законом. Таким образом, ПБЛ служит инструментом сохранения власти партий правящей коалиции и способствует превращению Латвии в тоталитарное государство;

- из анализа ежегодников ПБЛ хорошо видно, что она берёт на себя функции цензора, определяя, какие СМИ могут работать в республике, а какие нет, какие идеи можно распространять в обществе, а какие нет;

- ПБЛ практикует прослушивание и чтение переписки активистов русских общин, засылает агентов влияния в их ряды, оказывает давление по месту работы и учебы активистов, фабрикует уголовные дела;

- язык ежегодников ПБЛ в отношении русской общины может быть охарактеризован как умышленно унижающий достоинство русских людей;

- в ежегодниках ПБЛ почти полностью отсутствуют какие-либо выкладки, подтверждающие предлагаемые оценки: совершенно непонятно, например, почему та или иная группа русских людей именуется «экстремистами» и «радикалами», почему берутся в кавычки «научные исследования» тех или иных русских ученых и т.п. Вместе с тем отчёты ПБЛ отличаются от отчётов ОПЭ попыткой анализа как событий (референдум по языку), так и деятельности русских «экстремистских» организаций и отдельных лиц. В редких случаях ПБЛ даже отмечает успехи акций правозащитников – то, чего ОПЭ не позволяет себе в принципе;

- один из приемов устрашения, применяемый в ежегодниках – публикация фотографий русских активистов, а потом инициирование погромных статей в связанных с политической полицией изданиях. Таким образом обеспечивается дискредитация руководителей в глазах членов русской общины, возбуждается к ним ненависть со стороны членов латышской общины;
- в ежегодниках ПБЛ постоянно звучит обвинительный и уничижительный уклон в адрес России и российских соотечественников в Латвии;
- нарочитая неопределённость ежегодников с правым экстремизмом в Латвии не позволяет определить, что же в стране является политической нормой. В результате экстремистскими и радикальными объявляются взгляды, которые противоречат интересам коалиции правящих партий;
- ПБЛ берёт на себя функцию формулирования интересов русской общины. Предлагаемые ею формулировки и установки поведения, прямо или косвенно, нацелены на ассимиляцию русского населения;
- в целом следует констатировать высокую степень эффективности действий ПБЛ по искоренению русского инакомыслия в Латвии. «Фигуранты» ежегодников ПБЛ, не выдержав преследования, либо просто отходят от активных действий в интересах сохранения семьи и работы, либо вербуются ПБЛ. Для активистов, продолжающих борьбу с дискриминацией, «русский экстремизм» становится «образом жизни».
- ПБЛ закрывает глаза на правый экстремизм в Латвии – в «тени» ежегодников спокойно действует объединение ультраправых партий «ТБ/ДННЛ - Все Латвии», которое в значительной степени формулирует политическую повестку дня республики;
- многочисленные причины, разобранные выше, делают практически невозможной борьбу с преследованием правозащитников методами уголовного преследования внутри Латвии. Данное заключение важно не только само по себе, но и потому, что только в рамках уголовного производства можно и необходимо вскрыть систему преследования.

6.3. Контент-анализ содержания ежегодников Департамента госбезопасности Литвы

Исследование групп риска преследования в Литве на основании государственной позиции, отражённой в ежегодниках Департамента государственной безопасности (ДГБ) Литовской Республики, затруднено тем, что авторы не знают литовского языка и не смогли найти себе соавтора в Литве. Соответствующие переводы выполнены нашими друзьями, имён

которых мы по понятным причинам не раскрываем. В связи с чем мы заранее приносим свои извинения за возможные неточности в переводах, т.к. при отсутствии имён переводчиков ответственность за переводы несём мы.

Вместе с тем литовский опыт интересен прежде всего тем, что, насколько можно судить, первый ежегодник ДГБ появился только в 2012 г. (в ежегоднике за 2013 г. говорится, правда, что обзор представляется общественности в третий раз). В связи с чем можно на примере небольшого по объему материала проследить, насколько стремительно его содержание перешло от относительно нейтрального к агрессивному и полностью вписалось в «прибалтийский формат». С литовскими особенностями, разумеется.

6.3.1. Отчёт ДГБ за 2012 год

Вывод о том, что ежегодник ДГБ за 2012 – первый, подтверждается словами директора ДГБ Гядиминаса Грина во вступительном слове к изданию: «Я рад тому, что с этого момента информирование общественности о деятельности ДГБ и угрозах национальной безопасности станет ежегодной практикой». Такая «задержка» во времени, по сравнению с Латвией и Эстонией, не могла обойтись без последствий, и директор ДГБ прямо указывает на них: «Я надеюсь, что произошедшее в этом году огромное после восстановления независимости преобразование ДГБ – вступивший в силу с 1 января 2013 года закон о Разведке, – и этот публичный отчет деятельности ДГБ сделают деятельность ДГБ более прозрачной, помогут сломать необоснованные мифы о Департаменте государственной безопасности и поощрят доверие общественности к этой важной институции. Средством, укрепляющим доверие, должно быть и обеспечение охраны частной жизни лица – ДГБ может собирать информацию, только получив разрешение суда». Подобные заявления заставляют предположить, что к 2012 году репутация ДГБ не была безукоризненной.

Так как рассматриваемый ежегодник – первый, и фон для его появления, судя по всему, не был самым благоприятным, то понятно желание его составителей подать товар лицом. Поэтому большую часть содержания ежегодника составляет презентация собственно ДГБ, начиная с перепечатанного в начале издания Устава ДГБ 1933 года, призванного подчеркнуть преемственность со спецслужбами довоенной Литвы и заодно отметить юбилейную дату: «В этом году исполняется 80 лет с того времени, когда утверждающая на международной арене суверенитет, государственность, полноценность Литвы разведслужба была связана со словами *государственная безопасность* – в 1933 году Управление Криминальной полиции было переименовано в Департамент государственной безопасности» (из вступительного слова – авт.).

Интересный с точки зрения целей исследования раздел ежегодника называется «Угрозы для национальной безопасности Литовской Республики». В подразделе «Исходящие из-за границы угрозы для безопасности Литовской Республики и государственных интересов» сообщается о том, что «Недружественные для Литвы государства стремятся умалять суверенитет, историю, власть, проводимую внутреннюю и внешнюю политику Литвы, пытаются помешать осуществлению важнейших энергетических проектов, могущих гарантировать альтернативное самоснабжение электрической энергией и энергетическими ресурсами. В погоне за своими целями иностранные государства используют традиционные инструменты политической власти, контроль за энергетическими и экономическими ресурсами, стремятся сформировать в Литве группы влияния, могущие повлиять на решения политических сил Литвы. Против Литвы осуществляется активная информационная, идеологическая политика и политика «переписывания» истории. Помимо субъектов власти зарубежных стран и поддерживаемых ими организаций, в этом процессе участвуют и службы безопасности, а также разведслужбы, проводящие активную и агрессивную разведывательную деятельность. Угрозу для национальной безопасности Литвы вызывают и попытки иностранных стран, особенно Российской Федерации, повлиять на внутренние процессы Литвы: разжигание этнической и политической розни, уменьшение интеграции этнических общин в литовское общество, поощрение недоверия к демократической, политической системе Литвы, поддержка определённых политических властей. Упомянутые действия расцениваются как стороннее вмешательство в процессы внутренней политики Литвы».

В подразделе «Угрозы, вызываемые иностранными разведслужбами и службами безопасности» сообщается, что «Наиболее активно и агрессивно в Литве и против Литвы за границей действуют разведслужбы и службы безопасности Российской Федерации». «В 2012 году российские разведслужбы и службы безопасности и далее пытались завязывать контакты с представителями государственных учреждений, политических партий, СМИ, центров научных исследований, высокотехнологичных фирм, организаций национальных меньшинств. Контакты завязываются не только для сбора информации, но и для координирования и контроля деятельности лиц, а также организаций, представляющих интересы России. Особенное внимание было уделено некоторым сформированным по национальному признаку и участвующим в выборах в Сейм политическим партиям, было выказано стремление поддерживать тесные отношения с некоторыми сотрудниками посольств, принадлежащих странам НАТО и ЕС. По оценкам ДГБ, российские разведслужбы и службы безопасности пытались использовать социальную и общественную напряженность внутри страны, обострять и углублять разногласия различных этнических групп, поощрять и поддерживать недовольство этих групп властью Литвы и государством». К

«литовской специфике» следует отнести то обстоятельство, что «Также против интересов Литовской Республики направлена часть деятельности разведслужб и служб безопасности Белоруссии и других государств».

Подраздел «Экстремизм и терроризм» начинается с того, что «Действующие в Литве организации и группы, пропагандирующие крайние политические идеологии, немногочисленны и невлиятельны, однако организуемые ими публичные акции и спорная риторика часто привлекают внимание литовских и зарубежных СМИ». «Стремясь ухудшить имидж Литовской Республики, как демократического государства, поддерживаемые и координируемые иностранными государствами общественные организации и СМИ используют ссылки на деятельность ультраправых. Представители этих организаций и СМИ регулярно распространяют ложную информацию о популяризации в обществе правого экстремизма, а в поддержке такой идеологии обвиняют правительственных чиновников. Такие действия являются частью информационных и идеологических кампаний, направленных против государств Балтии».

Как видно, в целом «презентационный» выпуск ежегодника ДГБ обошёлся без персоналий, хотя «задел на будущее» виден невооружённым глазом. Та же анонимность ультраправых, что и в Эстонии, при этом влияние ультраправых тоже оценивается исключительно по итогам выборов: «на проходивших в 2012 году выборах в Сейм Литовской Республики сторонники крайних политических идей не получили ни одного мандата».

6.3.2. Отчёт ДГБ за 2013 год

В 2013 г. авторы ежегодника также были озабочены улучшением репутации ДГБ. Из вступительного слова директора: «ДГБ, пытаясь выйти в свет, предоставил общественности судебно-санкционированную статистику действий по сбору развединформации. Думаю, что представленные цифры должны были уменьшить энтузиазм сторонников мании поголовной слежки. В прошлом ДГБ дождался безосновательных упреков только из-за появления в СМИ ошибочных данных».

Той же теме посвящены и следующие наблюдения: «По прошествии первых лет, когда ДГБ действовал, основываясь на законе о Разведке, могу констатировать, что отделение правоохранительных функций от разведки и контрразведки прояснило деятельность ДГБ. (...) Для учреждения, считающегося «государством в государстве», задания формулируются на основе точно указанных нужд высших правителей государств. Они означают пожелания, как и что нам следует расследовать. Мы получаем задания по сбору информации, выполняем их и предоставляем результаты адресатам. Таким образом из деятельности Департамента полностью удалены возможные элементы самостоятельности».

Отметим в связи с темой «реабилитации ДГБ» также сюжет из подраздела «Применение судебно-санкционированных действий» раздела IV «Разведка и контрразведка», аналогов которому не было в ежегодниках Латвии и Эстонии: «В 2013 году ДГБ было проведено 12 служебных расследований в связи с возможными служебными нарушениями сотрудников и работников. Четверым сотрудникам разведки ДГБ и работнику назначены служебные (дисциплинарные) взыскания».

В разделе IX «Взгляд общественности на деятельность Департамента» (аналогов ему также нет в Латвии и Эстонии) говорится о том, что «Большинство людей, в отличие от судов, пожарно-спасательной службы, полиции, напрямую не сталкивается с Департаментом. Мнение о деятельности ДГБ чаще всего составляется из сообщений СМИ и высказываний политиков. Последние частенько обвиняют Департамент в чём ни попадя. Как правило, ДГБ придерживается установки не комментировать различные мнения, а прокомментировать факты. Департамент часто не может из-за государственных секретов. Однако когда во время критики искажаются факты, когда они отбираются необъективно, необходимо обратить внимание общественности на распространяемую дезинформацию. Здесь особую роль может сыграть Комитет по национальной безопасности и обороне Сейма Литовской Республики, как Комитет Сейма, непосредственно осуществляющий парламентский контроль ДГБ».

Возвращаясь к вступительному слову: директору ДГБ фактически приходится взять на себя ответственность за отмену гарантированной конституцией тайны переписки в виртуальной среде, но делает он это со ссылкой на недостаток технических средств и в виде предупреждения: «ДГБ не обладает техническими возможностями для обеспечения коммуникационной безопасности в электронной среде. Общество это замечало уже не раз. Ответственные должностные лица компрометируются незаконными способами. Небезопасность подобного рода определяют и географическое положение нашего государства, и современные технологии. Остаётся напомнить уже неоднократно заявленное предупреждение – каждый гражданин должен знать, что практически всё, что попадает в виртуальную среду, может быть прочитано».

Однако следующее предупреждение директора уже выглядит, как угроза: «Противоречиво, или как недозволительное вмешательство в частную жизнь, оценивается проводимое ДГБ предотвращение, например, разговоров, во время которых наши сотрудники предупреждают некоторых лиц о существующей опасности попасть в поле зрения недружественного нам государства. С этой проблемой сталкиваются службы безопасности или разведслужбы, и не только в Литве. Оставляем за собой право и впредь информировать людей о возможном использовании их профессиональных

способностей, имеющейся информации или знакомств в области враждебных интересов. После того, как мы соберём достаточное количество фактов, мы и в будущем будем информировать граждан, несмотря на их общественное положение и занимаемые должности. Считаю, что категорический отказ общаться с официально представившимися сотрудниками Департамента является позицией, уже самой по себе подтверждающей как минимум недоброжелательность».

Очевидно, что данное предупреждение адресовано всем, а не только инакомыслящим («несмотря на их общественное положение и занимаемые должности»). Тут тоже, по мнению авторов, сказывается «литовская специфика»: если в Эстонии и Латвии спецслужбы пекутся о титульных национальностях и упоминания в изданиях спецслужб касаются в основном «инородцев», то, в силу относительной малочисленности «инородцев» в Литве, в сферу внимания ДГБ попадают и этнические литовцы – «несмотря на их общественное положение и занимаемые должности». Поскольку существование политической полиции без политической оппозиции лишено смысла.

Закрывает ежегодник опус Х «Из истории разведки», явно написанный не разведчиком, а литератором. Имя его – Арас Лукшас, и речь в опусе идёт о литовской версии «советской оккупации», точнее, о её «первых жертвах» – главы МВД Казиса Скучас и руководителе ДГБ Аугустинасе Повилайтисе.

6.3.3. Отчёт ДГБ за 2014 год

Содержание и тон ежегодника ДГБ за 2014 год радикально отличаются от предыдущих. Связано ли это со сменой директора ДГБ (в апреле 2015 Гядиминаса Грина сменил Дарюс Яунишкис) – непонятно, т.к. в ежегоднике отсутствует обычное «слово директора», которое заменено на раздел I «Среда национальной безопасности».

«Как и в предыдущие годы, в 2014 году угрозы национальной безопасности Литвы возникли, в основном, за счёт геополитического положения страны и трудно прогнозируемой, не уважающей суверенитета и права выбора других стран, проводящей агрессивную внешнюю политику России. Агрессия последней на Украине, и принципиальная реакция нашей страны на военные действия и прямое вмешательство в процессы внутренней политики суверенного государства спровоцировали ещё более активные операции российских информационных и разведслужб, усиление инструментов «мягкой силы», политически мотивированные экономические санкции, усилия ещё более централизовать и координировать группы пророссийских соотечественников и сочувствующих им.

Стоит обратить внимание на то, что создание и координирование влиятельных групп, распространение враждебной для Литвы информации,

оцениваемые как проявление демонстрации «мягкой силы», при возникновении подходящей ситуации могут быть использованы для осуществления «жёсткой силы» - вызывания социальных беспорядков, путаницы в государстве, провокации и поддержки действий враждебных для Литвы сил. По оценке ДГБ, на данный момент такие группы слишком малы и без большой внешней помощи они не могли бы парализовать жизнеспособность государства и его возможность защищаться. С другой стороны, сценарий оккупации Крыма и войны в Донбасском регионе показывает, что замаскированная военная поддержка и координирование из третьих стран могут быть осуществлены за очень короткий срок».

Отметим использованный словарь: «агрессия России» (установление акта агрессии, согласно уставу ООН, находится в компетенции СБ ООН), «пророссийские соотечественники и сочувствующие им», «мягкая сила», «жёсткая сила», «такие группы».

Разделы II и III называются соответственно «Угрозы, исходящие от разведслужб и служб безопасности России» и «Угрозы, исходящие от разведслужб и служб безопасности Белоруссии». В них отражаются представления ДГБ об интересах и *modus operandi* ГРУ, СВР и ФСБ РФ, а также КГБ, Государственного пограничного комитета Белоруссии (ГПКБ) и ГРУ РБ.

Наиболее значимыми с точки зрения исследования являются разделы IV «Информационная и идеологическая политика России» и V «Политика российских соотечественников в Литве», значительно пересекающиеся по тематике, в связи с чем они будут представлены в едином блоке. С учётом предыдущего опыта изучения аналогичных ежегодников Латвии и Эстонии представляется особенно важным выяснить, видит ли ДГБ в «российских соотечественниках» представителей национальных меньшинств, подлежащих защите согласно соответствующей Рамочной конвенции, «инакомыслящих» или «агентов Кремля», непосредственно или опосредованно связанных с соответствующими разведслужбами. Изучение показывает, что ДГБ считает «предполагаемыми» как проблемы национальных меньшинств, так и нарушений прав человека в Литве, а российских соотечественников определяет как «основную мишень проводимой в Литве информационной идеологической политики России».

«Сложившиеся в 2014 году натянутые отношения между Россией и Западной Европой, а также США определили особенно агрессивное поведение России также и в отношении стран Балтии. Отчётливо декларируемая на международном уровне позиция Литвы, энергетические и экономические достижения Литвы, выборы президента Литвы, проводимые вместе с союзниками НАТО военные учения, предопределили то, что Литва осталась мишенью информационной войны России. В 2014 году основными целями

проводимой Россией информационной войны являлись – распространять дезинформацию о политике Литвы внутри и за рубежом, дискредитировать членство Литвы в ЕС и НАТО, создавать образ Литвы как незрелой демократической страны, принижать достижения энергетической политики Литвы. В предназначенных для внутренней российской аудитории СМИ идёт стремление обострить предполагаемые проблемы национальных меньшинств и соотечественников в Литве, пропагандировать благоприятную для Кремля версию истории новейших времен, акцентировать предполагаемые нарушения прав человека. В контексте политических событий на Украине актуализировался вопрос положения русскоязычных в Литве, возникло стремление создать образ того, что соотечественникам необходима помощь Москвы для того, чтобы защитить их от становящейся всё более радикальной и разжигающей напряжение между Западом и Россией власти Литвы.

Основной мишенью, проводимой в Литве информационной идеологической политики России, в первую очередь, являются русскоязычные и представители других национальных сообществ, которые поощряются не доверять государству Литвы и его институциям. По оценке ДГБ, в 2014 году активизировалась проводимая Россией политика в отношении молодёжи, основная задача которой – как можно активнее вовлекать русскоязычную молодёжь Литвы в политику соотечественников и формировать благоприятные для России идеологические установки. Были замечены усилия, при помощи различных организуемых и финансируемых Россией проектов, мероприятий и учений, лагерей укреплять патриотические связи молодёжи с Россией».

«По оценке ДГБ, информационная политика, историческая политика и другие элементы «мягкой силы» считаются составной частью внешней политики России. Важно подчеркнуть, что большая часть информационных компаний России против Литвы планируется, финансируется, контролируется и координируется из Москвы. Большинство направленных против Литвы инициатив возникают, претворяются в жизнь, а также поддерживаются вертикально – от политической воли Москвы действовать, созревания идей, назначения задач ответственным учреждениям, финансирования до тактического претворения в жизнь, контроля и подотчётности. Основными инициаторами, производителями и координаторами такой политики России считаются администрация президента России, разведслужбы и службы безопасности России, Министерство внутренних дел, «Агентство по делам СНГ (Содружество Независимых Государств), соотечественников, проживающих за рубежом и по международному гуманитарному сотрудничеству» («Россотрудничество»), агентства по связям с общественностью и агентства политических технологий. Направленную против Литвы информационную и идеологическую политику России осуществляют поддерживаемые властью информационные агентства, а также СМИ, академические центры,

«неправительственные» организации, отдельные журналисты, политологи, историки, специалисты по связям с общественностью».

Особое предупреждение делается местным журналистам: «Следует обратить внимание на то, что Россия в информационной войне стремится повлиять не только на своих граждан и соотечественников, живущих в «ближнем зарубежье», но активно стремится оказать влияние на западное общество, улучшать образ страны за рубежом, предлагая гражданам этих стран альтернативную оценку информации. Наблюдаются и постоянные попытки России найти в странах Запада благосклонных к России журналистов и публиковать в СМИ их статьи на русском языке. В 2014 году зафиксированы и интересы представителей российских СМИ в Литве: они стремились найти лояльных к Кремлю журналистов или общественных деятелей, подготовить репортажи, подходящие в идеологическом аспекте для российской общественности».

Как раз через представителей СМИ ДГБ переходит к персоналиям: «В ноябре 2014 года представители агентства «Россия Сегодня» представили проект «Спутник» (интернет-порталы и телевидение, радиостанции). Этот грандиозный и дорогой проект должен охватить более 30 стран. Вероятно, что Литве будет выделена ниша между этими государствами, а для этого может быть использован начавший действовать в странах Балтии с октября 2014 года новостной портал «Baltnews».

В Литве этим порталом руководит бывший главный редактор русскоязычной газеты «Литовский Курьер» Анатолий Иванов, отличившийся и другими инициативами, поддерживающими интересы России.

В российских СМИ часто публиковались его благоприятные для Кремля псевдоаналитические статьи, а часть авторов издания тенденциозно распространяла дезинформацию и направленную против Литвы пропаганду.

(Авторская ремарка: в число «грехов» Анатолия Иванова попал и такой: «В 2014 году распространяющий пророссийскую пропаганду гражданин России, журналист Анатолий Иванов организовал в школах Литвы с русскоязычным обучением клуб молодых русскоязычных школьников журналистов. В сообществах русскоязычных школьников Литвы популяризируется и бесплатное обучение в России. Позднее такие студенты могут стать объектами внимания разведслужб и служб охраны России, а также могут быть использованы для влияния на внутренние процессы Литвы»).

Политические и идеологические установки такого характера в Литве в 2014 году распространял для общественности и международный медиа-клуб «Формат А3», возглавляемый журналисткой «Комсомольской правды» Галиной Сапожниковой.

Для общественности Литвы было организовано 11 мероприятий, в которых принимали участие поддерживающие информационную политику России

политологи, экономисты, писатели и представители культуры. Как представитель клуба «Формат АЗ», соответствующий идеологической платформе России, в Молдову отправился тогдашний руководитель «Социалистического народного фронта» Альгирдас Паляцкис. Деятельность клуба в Литве финансируется из средств бюджета России».

«В отношении Литвы, цели проводимой «исторической политики» России в 2014 году остались неизменными: дискредитировать историю Литвы, отрицать факт оккупации Литвы, умалять восстановление независимости и партизанские войны, важные для формирования национальной идентичности даты. Особенно активно в российских СМИ проводились манипуляции фактами истории Литвы, а также обострялись предполагаемые угрозы нацизма и реваншизма в странах Балтии. Как внимание СМИ России, так и внимание русскоязычных СМИ Литвы привлёк российский псевдоисторик, руководитель фонда «Историческая память» Александр Дюков, которому по инициативе ДГБ летом 2014 года было отказано во въезде в Литву, и который планировал представить в Литве свою книгу о «роли литовцев в уничтожении евреев во время Второй Мировой войны и накануне её» - «Накануне Холокоста»».

Здесь впервые видна «писаная» акция преследования – запрет на въезд российскому историку.

Отличительной особенностью литовских ежегодников от аналогичных изданий их коллег из Латвии и Эстонии является публикация каталога «неблагонадёжных» СМИ: «Одним из инструментов влияния России для осуществления задач информационной и идеологической политики в Литве были такие средства русскоязычных СМИ как «Литовский Курьер», «Обзор», «Экспресс-неделя» и «Первый Балтийский канал», ретранслируемые в Литве каналы российского телевидения, российские интернет-сайты. Содержание представленной в них информации по вопросам внешней политики Литвы, истории, энергетики, национальных меньшинств соответствовало формируемым в российской общественной среде установкам по отношению к Литве. Русскоязычные СМИ Литвы не формируют самостоятельной позиции по поводу войны на Украине и, стремясь оправдать агрессивную политику России, прибегают к помощи публикуемых как в России, так и на Западе статей, поддерживающих идеологическую политику Кремля».

Кооперация между русскими и поляками Литвы, в том числе политическая, получила такую оценку: «Для достижения консолидации национальных сообществ русских и поляков, в русскоязычных СМИ отрицательно оценивалась проводимая в Литве политика национальных меньшинств».

Из следующего сюжета видно, что словосочетание «информационная война» следует в отношении Литвы писать без кавычек: «Получивший огласку факт

поездки русскоязычных школьников Литвы в военизированные лагеря России стал предлогом для укрепления мнения в русскоязычных СМИ о том, что ситуация русских в Литве всё ухудшается. Реакция литовских властей и предложения ужесточить контроль поездок школьников на организуемые в России мероприятия, а также действия правоохранительных органов Литвы были оценены как дискриминационные. Русскоязычные СМИ Литвы получали указания и контролировались напрямую исполнителями информационной политики России. По оценкам ДГБ, русскоязычные еженедельники Литвы финансово зависимы от государственных учреждений и фондов России».

Напомним этот эпизод: Генпрокуратура Литвы после посещения школьниками русской гимназии Вильнюса летнего лагеря «Союз», организованного властями России, начала досудебное расследование по уголовному делу «о возможной помощи другому государству в действиях против Литовской Республики».

«Информация о поездке школьников вызвала негодование литовских властей, приравнявших вывоз детей на отдых к возвращению «пятой колонны» в Литве. «В ходе расследования планируется выяснить обстоятельства участия учеников школы национального меньшинства города Вильнюса в организуемых Россией военизированных лагерях «Союз», - говорится в сообщении литовской прокуратуры.

Досудебное расследование поручено прокурорам Вильнюсской окружной прокуратуры.

Напомним, в начале октября в СМИ Литвы появились сообщения о том, что группа из 10 школьников русскоязычной гимназии Вильнюса имени Софьи Ковалевской летом приняла участие в сборе военно-спортивных организаций и кадетских корпусов «Союз», который проводится ежегодно и финансируется из средств Минобороны России.

В ответ президент Литвы Даля Грибаускайте обвинила Россию в дурном влиянии на литовскую молодежь и заявила, что Москва пытается воспитывать в литовской молодежи «нелояльность по отношению к своему государству»²⁹⁵.

Упомянутая в ежегоднике «реакция литовских властей» выглядела так: «Литовская полиция ищет шпионов в школах Вильнюса. Прокуратура санкционировала обыски и выемку документов. Власти очень обеспокоило, что ученики этих школ ездили в летний лагерь – в Россию.

Департамент госбезопасности Литвы обеспокоен не на шутку. Россия уже вербует школьников из Прибалтики. Не иначе как готовит будущих десантников. Это только на первый взгляд кажется очередным

²⁹⁵ «Прокуратура Литвы решила проверить на госизмену отдых школьников в российском лагере». <http://www.vz.ru/news/2014/10/22/711768.html>

недоразумением – ведь яростная борьба с прошлым давно превратилась в навязчивую идею. На самом деле всё гораздо сложнее.

Самый разгар учебного дня. В русской школе работает полиция и прокуратура. Расследуют дело особой важности. Подозреваемых пока нет. Зато статья есть – оказание помощи другому государству в действиях против Литовской Республики. Среди заговорщиков, видимо, педагоги и ученики. Больше в школе допрашивать некого. Впрочем, пока проверяющие ограничились лишь выемкой служебных документов.

Прокурор: «Происходящее означает действие другого государства против Литовской Республики. Это преступление с наказанием – лишение свободы на срок до 7 лет. Согласно законодательству Литвы, такой поступок рассматривается как очень серьёзное преступление».

В это же самое время незваные гости пожаловали ещё в одно образовательное учреждение. Здесь тоже преподают на русском и ездят на каникулы в российские лагеря. Причем военно-спортивные. Первые лица страны, не вникая во все тонкости детского отдыха, заочно записали своих же учеников в шпионы. Сигнал о неблагонадёжных учителях и их воспитанниках поступил ещё в августе. Департамент госбезопасности предупреждал министерство образования – эти поездки до добра не доведут. Теперь, чтобы куда-то уехать, придётся отпрашиваться. Преподаватели школ, в которых прошли обыски, места себе не находят. Кто-то уже под следствием. Общаться с прессой отказываются. Мало ли, что-нибудь не то скажут»²⁹⁶.

Из приведённых эпизодов данной информационной стычки видно, что «реакция литовских властей» представляла собой не что иное, как масштабную акцию устрашения. Вывод же из этой истории, который ДГБ сделал в разделе про российских соотечественников, выглядит так: «Военный конфликт с Украиной выявил, что немало русскоязычной молодёжи Литвы легко поддаются внушению пророссийской пропаганды и не обладают развитыми крепкими связями с государственностью Литвы. Современная система просвещения национальных сообществ Литвы оценивается как нарушение национальной безопасности, увеличивающее потенциальные угрозы для социальной интеграции Литвы».

«Новинкой» можно счесть подраздел «Социальные сети», появления которого, впрочем, вполне можно было ожидать. «В 2014 году в среде Интернета выросла активность лиц и групп, распространяющих информацию, не соответствующую интересам безопасности Литвы. Основными целями распространителей такой информации являются: умаление суверенитета Литвы, сомнение в конституционном порядке, отрицание целостности и неприкосновенности территории; распространение

²⁹⁶ «В школах Вильнюса ищут российских шпионов».

<http://www.5-tv.ru/news/92305/>

российской пропаганды, а также оправдание проводимой Россией внешней политики; разжигание социальной и этнической розни в литовском обществе; консолидация антиконституционных групп протеста; организация различных провокаций и информационных акций. По оценкам ДГБ, информационные компании, распространяющие антиконституционные установки, являются относительно эффективными, для их выполнения необходимы минимальные человеческие и финансовые ресурсы».

Не выделяя из пользователей соцсетей никого конкретно, ДГБ представляет своё видение идеологии указанных групп, точнее, её отсутствие: «Нелояльность граждан Литвы по отношению к литовскому государству поощряется: дискредитируя литовское государство, акцентируя его настоящую или предполагаемую военную и/или экономическую слабость, подчёркивая якобы неправильные политические решения, создавая впечатление глубокой разобщённости литовского общества – основываясь на принципе «если не с нами, значит – ты против нас», - участники информационной среды вынуждены выбирать одну из сторон конфликта. У них провоцируется эмоциональная реакция на предоставляемую (часто фальшивую) информацию, тем самым подавляется критическая оценка информации.

Распространяющие российскую пропаганду активисты не обладают чёткой идеологией. Их идеологическая ось – дихотомия «враг» и «друг»:

«Враг» - Западный мир с преобладающей страной США. Воображаемый «враг» подразделяется на меньшие группы: НАТО, ЕС, государственные институты Литвы, политические силы, осуждающие Россию и поддерживающие Украину, политики, журналисты, империалисты, капиталисты, евреи, либералы, фашисты, русофобы, лица нетрадиционной сексуальной ориентации. Распространители российской пропаганды к «врагам», по сути, причисляют всех своих критиков, которые не понимают или не считаются с национальными интересами России.

«Друг» - управляемая Владимиром Путиным Россия и государства, организации, лица, поддерживающие эту страну, а также её политический режим. Стоит отметить, что в этом случае «друзьями» могут быть всевозможные коммунисты, социалисты, националисты, антиглобалисты, гомофобы, антифашисты, антисемиты, евроскептики, Китай, Иран, Сирия, Северная Корея».

ДГБ также даёт количественную оценку этой группы – «несколько сот человек», а качественно делит её на две части: «Стоит обратить внимание на то, что прорусскую пропаганду распространяют и постоянно активно проявляют себя в социальных сетях несколько сот человек. В несколько раз больше им сочувствующих, которые являются весьма пассивными, в среде

Интернета участвуют фрагментарно и оцениваются как потребители предоставляемой информации, а не генераторы идей».

В разделе V говорится о том, что «Контроль зарубежных русскоязычных сообществ достигается посредством созданной через МИД России системы совета соотечественников. В странах Балтии действуют курируемые российскими дипломатами республиканские советы соотечественников». И тут речь идёт о «контроле», а не о взаимодействии, хотя «контрольная» составляющая, безусловно, присутствует. ДГБ приводит фото и имена «контролёров» - российских дипломатов в Литве Андрея Гасюка, Матвея Дрюкова и Олега Гнутова.

Особое внимание в разделе уделено деятельности ФЗС и литовским правозащитникам: «В 2014 году деятельность соотечественников за рубежом финансировал созданный Министерством иностранных дел России и подчинённым ему федеральным агентством «Россотрудничество» Фонд защиты прав и поддержки российских соотечественников, проживающих за рубежом. Члены действующих в странах Балтии советов соотечественников и другие лица, осуществляющие интересы России, создали финансируемые Российским фондом центры по «защите» прав национальных сообществ, которые компрометируют балтийские государства в международном сообществе и увеличивают этническое противостояние этих государств изнутри.

На данный момент в Литве действуют два центра, поддерживаемые ФЗС – «Независимый центр прав человека» и ассоциация «Центр исследований и защиты основных прав». Представляющие эти организации «эксперты» по правам человека распространяют идеи, благоприятные для интересов России – обвиняют Литву в нарушении прав национальных сообществ, в уничтожении просвещения национальных сообществ, в фальсификации истории, в ограничении свободы слова, в толерантном отношении к проявлениям (нео)нацизма и прочее. При распространении дезинформации такого характера формируются отрицательные установки российской общественности о балтийских государствах, создающие предпосылки к оправданию направленных или планируемых против этих государств деструктивных действий кремлёвского режима».

Обратим внимание на обобщение в отношении ФЗС, который действует против интересов «стран Балтии», а не только Литвы. Называются и имена руководителей указанных правозащитных центров – Карлис Биланс и Элла Канайте.

По понятным причинам (совместное членство в ЕС и НАТО и др.) ДГБ не пишет о польском влиянии так, как пишет о российском и белорусском. Место «польскому вопросу» нашлось в подразделе раздела о российских соотечественниках «Проблематика Вильнюсского района»: «Целям политики

соотечественников соответствует и деятельность некоторых представителей сообществ поляков Вильнюсского района, а также требования о предоставлении исключительных прав жителям этого района. Партия «Русский альянс» несколько лет сотрудничает с Избирательной акцией поляков Литвы. В выборах в самоуправление в 2015 году среди кандидатов, как представитель коалиции лидера Избирательной акции поляков Литвы Вальдемара Томашевского, участвовал и прошёл в совет Вильнюсского самоуправления лидер координируемого Посольством России в Вильнюсе Совета соотечественников Рафаэль Муксинов».

Заканчивается V раздел необычным подразделом «Апологеты российского мессианства», в котором описываются лица, «симпатизирующие распространению благоприятных для влияния России идей, а также теорий заговора, верящие в победу «духовной» цивилизации России над «прогнившей» культурой Запада. Эти граждане Литвы отождествляют себя не с «профессиональными» соотечественниками России, а чаще всего с литовцами-евроскептиками, националистами или даже с представителями жемайтийцев. Большинство из них активно боролись и протестовали против разведки сланцевого газа и продажи земли иностранцам. Особенно эти лица пытаются формировать установки общества Литвы, соответствующие интересам России, в среде публичного Интернета. Они и объединяющие их прорусские организации также успешно используются для осуществления целей России, популяризируя образ того, что внешняя политика России поддерживает и гражданские общественные группы, действующие в странах Балтии».

Раздел VII «Экстремизм и терроризм» опять обходится без указания персоналий и групп, но содержит ценную мысль о том, что «Кризис на Украине и начавшиеся в её восточной части военные действия противопоставили крайних правых в большинстве европейских государств. В одних большинство правых радикалов поддерживают агрессивную внешнюю политику России и поддерживаемых ею сепаратистов Донбасского региона, в других – украинских националистов, сражающихся за территориальную целостность. Большинство крайних правых Литвы принадлежат ко второй группе». Как и в случае изданий коллег ДГБ из Латвии и Эстонии, разобраться, где же в Литве находится политический центр, от которого берёт свой отсчёт «экстремизм», невозможно. Государственная политика Литвы, выбравшей в отношении конфликта на Украине не гуманизм или нейтралитет, а активную поддержку Киева, тоже в таком случае может быть описана как экстремистская. В разделе содержатся также ценные признания в том, что данными о гражданах Литвы, воюющих как на Украине, так и в конфликтных регионах Сирии и Ирака, ДГБ не располагает.

2.3.4. Выводы

Исследование структуры, содержания и языка ежегодников ДГБ позволяет сделать следующие выводы:

- в Литве, не имевшей практики публичного годового отчёта ДГБ, ежегодники сначала были созданы как средство восстановления доверия к ДГБ, а затем, по аналогии с Эстонией и Латвией, как средство пропаганды, точнее – преследования инакомыслящих. Если первые по времени два издания можно оценить как профессиональные (с учётом неизбежных для современной Прибалтики «перегибов»), то последнее явно вписано в «прибалтийский формат»;
- «литовская специфика» проявляется прежде всего в наличии у Литвы общей границы с Россией, Белоруссией и Польшей. Из этого очевидного факта следуют неочевидные: Литва и Польша являются главными спонсорами, кормильцами и менторами белорусской политической оппозиции²⁹⁷, что не может не вызывать обеспокоенности спецслужб Республики Беларусь;
- другое проявление «литовской спецификации» связано с демографией республики: при отсутствии должного количества инакомыслящих из числа национальных меньшинств преследованиям подвергаются и этнические литовцы;
- язык последнего издания ежегодника ДГБ явно приближен к изданиям коллег из Эстонии и Латвии – в частности, обращает на себя внимание общий «словарь унижительных терминов», если можно так выразиться.

²⁹⁷ Стариков А., Носович А., Петровский П. «Анатомия «Европейского выбора»: НКО Польши и Прибалтики в Республике Беларусь».

http://www.academia.edu/16235596/СТАРИКОВ_А._НОСОВИЧ_А.,_ПЕТРОВСКИЙ_П.,_АНАТОМИЯ_ЕВРОПЕЙСКОГО_ВЫБОРА_НКО_ПОЛЬШИ_И_ПРИБАЛТИКИ_В_РЕСПУБЛИКЕ_БЕЛАРУСЬ

ГЛАВА 7. ТИПОЛОГИЯ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ: НАРУШЕНИЕ ПРАВ ПРАВОЗАЩИТНИКОВ

Задача выявления типологии преследования на первый взгляд может показаться бессмысленной, т.к., философски рассуждая, формы зла бесконечны. Однако с практической точки зрения решение этой описательной задачи имеет смысл, т.к., во-первых, позволит разделить признанные формы преследования от новых или непризнанных и, во-вторых, позволит расширить представления о преследовании.

Понятно, что основу типологии преследования могут быть положены такие критерии, как массовость, интенсивность и частотность нарушений прав человека. Другой подход – взять за основу типологии сам каталог прав человека и проверить, насколько каждое из прав нарушается. Также, например, имеет значение «специализация» жертв преследования – правозащитников: «Опыт показывает, что чаще всего нападениям подвергаются правозащитники, занимающиеся проблемами в области прав человека, которые считаются деликатными или способными обострить противоречия. Это зависит от ряда параметров, включая особенности региона и страны и соответствующие политические, экономические, социальные и культурные факторы и интересы»²⁹⁸. Последнее подтверждает правильность выбора регионального подхода в настоящем исследовании, но показывает одновременно, что единого подхода к типологии преследования может и не найтись.

Типология преследования может быть исследована и «от противного» - в частности, путём исследования «широкого спектра мер защиты» правозащитников. Такой спектр предлагает Специальный докладчик в пятом из своих «десяти тезисов»: «Главная ответственность за защиту правозащитников лежит на правительствах. Характер мер защиты зависит от тех неблагоприятных факторов, с которыми сталкиваются правозащитники. Правительства имеют в своём распоряжении широкий спектр мер по обеспечению защиты правозащитников: от мер по обеспечению безопасности, применяемых органами правопорядка, до анализа видов нападений на правозащитников, программ защиты свидетелей, проведения расследований и преследования лиц, совершающих нападения на правозащитников, и публичного признания и положительной оценки работы правозащитников, и осуждения нападений на них. Защиту могут обеспечивать и другие субъекты, включая самих правозащитников и их коллег; судебные органы, главная роль которых заключается в ликвидации безнаказанности; правозащитные механизмы на национальном, региональном и международном уровнях, в том числе механизмы, созданные

²⁹⁸ Доклад Специального докладчика по вопросу о положении правозащитников А/63/288 С. 12
<http://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain/opendocpdf.pdf?reldoc=y&docid=48e4b8812>

непосредственно для защиты правозащитников; дипломатический корпус с его механизмами добрых услуг и дипломатическими средствами, включая ускоренное оформление виз; и средства массовой информации, освещающие работу правозащитников и привлекающие к ней внимание и утверждающие уважение к ней».

Изучение профессиональной литературы и документов международного права показывает, однако, что во главу угла типологии преследования правозащитников должна быть положена Декларация о правозащитниках и Норвежские принципы. Данные документы описывают как особенные права правозащитников, так и предлагают впечатляющий каталог форм преследования, в том числе специфических. Поэтому построение типологии преследования следует вести от «основных» прав правозащитников к правам человека вообще. Ниже будут рассмотрены лишь самые главные из «основных прав» правозащитников и их нарушения – напомним, что создания каталога актов преследования правозащитников в Прибалтике не входит в задачи данного исследования.

7.1. Право правозащитников на признание

Из Декларации о правозащитниках следует, что самым важным для правозащитников является их право на признание. Это право исходит ст. 1 и других статей Декларации о правозащитниках. Признание правозащитников властями позволяет впредь говорить с ними о преследовании правозащитников и путях ликвидации этого явления; непризнание, в свою очередь, делает этот разговор бессмысленным. «Такое признание само по себе является формой защиты правозащитников»²⁹⁹. Помимо этого, Специальный докладчик в п. 128 шестого доклада подчёркивает, что «Отстаивание прав человека – это не только законная и почётная деятельность, но и самостоятельное право. Однако во многих частях мира отстаивание прав и выдвижение требований по поводу них продолжает оставаться опасной деятельностью».

Анализ изданий спецслужб Эстонии, Латвии и Литвы показывает, что ни в одной из этих стран деятельность правозащитников не признаётся. Правозащитники подаются то как часть агентурной сети РФ с опорными пунктами в посольствах РФ, то как объединения, ведущие, например, «антиэстонскую деятельность» (причём название у объединения обязательно должно быть «пропагандистским»). В Литве, например, отношение к правозащитникам из «Независимого центра прав человека» и ассоциации «Центр исследований и защиты основных прав» сформулировано так: «Представляющие эти организации «эксперты» по правам человека распространяют идеи, благоприятные для интересов России – обвиняют Литву в нарушении прав национальных сообществ, в уничтожении

²⁹⁹ Там же, С. 13

просвещения национальных сообществ, в фальсификации истории, в ограничении свободы слова, в толерантном отношении к проявлениям (нео)нацизма и прочее». И распространяют они, разумеется, не знания, а «дезинформацию».

Является ли такое положение правозащитников в Прибалтике уникальным? Увы, нет. В п. 86 опубликованного 23.12.2013 шестого доклада Специального докладчика (A/HRC/25/55) эта проблема подаётся, как типичная: «В попытке делегитимизировать их работу и деятельность на правозащитников часто навешивают ярлык врагов государства или террористов. Такого рода стигматизация ставит правозащитников ещё в более уязвимое положение перед лицом угрозы нападения на них, особенно со стороны негосударственных субъектов».

Оборотной стороной непризнания правозащитников является признание правозащитных симулякров, и не только их признание, но и собственно создание, причём зачастую из однозначно одиозных персонажей.

Справедливости ради надо отметить, что вопросы защиты правозащитников среди людей, занимающихся правозащитной деятельностью в Прибалтике, до последнего времени практически не ставились. Правозащитники реально занимались защитой прав своих «подзащитных», а не своими собственными. Вышедшее, однако, на новый качественный уровень преследование правозащитников в Прибалтике заставляет задуматься и о собственной безопасности правозащитников.

7.2. Право на финансирование

Специальный представитель Генерального секретаря по вопросу о правозащитниках в издании «Правозащитники: защищая право на защиту прав человека»³⁰⁰ тему финансирования рассматривает как дилемму «Защита прав человека как оплачиваемая или добровольная профессиональная деятельность». И отмечает, что «Многие люди работают профессиональными правозащитниками и получают за это зарплату. Вместе с тем есть много других людей, которые также работают в качестве профессиональных правозащитников, но делают это добровольно и не получают какой-либо платы. Обычно правозащитные организации имеют весьма ограниченный бюджет, и работу этих добровольцев трудно переоценить».

Право на финансирование следует также из того обстоятельства, что у правозащитников, кроме прав, есть ещё и свои обязанности и ответственность. В п. 120 шестого отчета «Специальный докладчик признаёт,

³⁰⁰ http://www.ohchr.org/Documents/Publications/FactSheet29_ru.pdf

что и сами правозащитники должны играть определенную роль в деле содействия созданию безопасных и благоприятных условий для себя. Они несут ответственность за профессиональное выполнение своей работы». Шире этот тезис раскрывается в п. 121: «Согласно Декларации о правозащитниках те, кто работает на благо поощрения и защиты прав человека, являются ключевыми участниками общества и имеют обязанности перед обществом и в обществе. Более того, правозащитникам надлежит играть важную роль и нести существенную ответственность в деле обеспечения демократии – гарантируя, чтобы она оставалась открытой и плюралистичной, – поощрения прав человека и основных свобод и содействия поощрению и развитию демократических обществ, институтов и процессов (статья 18). Однако правозащитники могут делать это лишь при наличии у них возможности работать в безопасных и благоприятных условиях, когда государства, учреждения и другие заинтересованные стороны признают их и предоставляют им соответствующие права и возможности». В п. 125 «Специальный докладчик считает, что при осуществлении правозащитной деятельности правозащитникам необходимо стремиться к достижению высокого уровня профессионализма».

Право на финансирование прямо прописано в ст. 13 Декларации о правозащитниках. Реальность, однако, такова, что в Прибалтике финансируются исключительно «национальные правозащитные учреждения» и GONGO.

Отдельно следует указать на нарушения права на финансирование в случаях, когда спонсором выступают иностранные фонды, в случае правозащитников Прибалтики это прежде всего российские фонды. Получение средств из этих фондов расценивается спецслужбами как прямая угроза государственной безопасности. В качестве примера можно привести случай, когда ФЗС финансировал поездку делегации правозащитников в ОБСЕ. «Там эти активисты занимались всесторонним очернительством Эстонии, применяя уже ранее указанные основные обвинения»³⁰¹.

Вместе с тем, однако, формальных запретов или формальных препятствий для получения финансирования из России в странах Прибалтики нет. Под формальными препятствиями речь прежде всего идёт о регистрации в качестве «иностранного агента».

7.3. Право на обращение в международные организации и контакты с ними

В шестом докладе Специального докладчика (A/HRC/25/55) в п. 107 говорится о том, что «Организация Объединенных Наций, региональные и

³⁰¹ Ежегодник Охранной полиции 2013, С. 8

международные правозащитные органы являются составным компонентом условий, в которых работают правозащитники. Поэтому существенно важно обеспечивать, чтобы правозащитники могли без опасений и беспрепятственно обращаться в такие органы в целях выполнения ими своей работы, а также за защитой».

Формального запрета на контакты правозащитников Прибалтики с международными организациями нет, но контакты эти всячески осуждаются. Так, давая свою трактовку деятельности МБН, ОПЭ заявляет, что МБН «пытается использовать доброе имя и репутацию таких известных международных организаций, как ОБСЕ, ООН, Совет Европы и др». Рассказывается также о «десанте» МБН в ОБСЕ, где «его первичные организации «Латвия без нацизма» и «Эстония без нацизма» провели 30. сентября дополнительное мероприятие «Массовое безгражданство в Эстонии и Латвии как результат этнической дискриминации»³⁰².

7.4. Право на признание со стороны СМИ

Отношения правозащитников Прибалтики со СМИ «мейнстрима» являются очень напряжёнными, и стали совсем плохими после начала конфликта на Украине, когда прибалтийские власти и СМИ полностью солидаризовались с ультранационалистической позицией официального Киева. Наглая ложь, распространяемая украинскими властями и СМИ, хлынула на страницы СМИ Прибалтики, не встречая никакого критического отношения. К этому следует добавить и военную истерию, которые прибалтийские СМИ нагнетают последние два года.

В связи с этими, а также и другими, «местными» обстоятельствами СМИ «мейнстрима» Прибалтики не только не признают роль правозащитников в обществе, не помогают им продвигать идеи защиты прав человека, но и сознательно участвуют в их преследовании. Особенно это хорошо видно на латвийском материале. Соответственно, журналистов, которых можно было бы причислить к правозащитникам, в Прибалтике исключительно мало.

Оборотной стороной этого явления выступает преимущественное представление «газетной площади» симулякрам от правозащиты. В качестве примера можно привести заявление «эстонского бандеровца» и одновременно «правозащитника» Е. Цыбуленко: «Я уже неоднократно писал (в том числе в СМИ), выступал на ТВ о том, что русские школы в Эстонии надо закрыть, причем, как можно скорее. Думаю, что закрыть надо и русские детсады. Причин на это много - все перечислять по десятому разу не буду. Но главная в том, что русские учебные заведения в Эстонии выступают в роли добровольного гетто»³⁰³.

³⁰² Там же, С. 12

³⁰³ <http://www.vecherka.ee/710428/evgen-cybulenko-predlozhil-zakryt-russkie-shkoly-i-detsady>

7.5. Право на координацию деятельности

Для того чтобы оценить важность этого права, приведём соответствующий пункт из шестого доклада Специального докладчика:

«124. Правозащитникам следует также создавать или укреплять платформы и сети для того, чтобы самим защищать себя и продвигать свои интересы, а также способствовать диалогу и координации действий между собой. Правозащитникам следует вести совместную работу через сети и решительно заявлять о своей единой позиции. В связи с этим важно, чтобы правозащитники работали над укреплением сетей за пределами столичных городов и налаживали контакты с правозащитниками, работающими в сельских районах, которые нередко подвергаются большему риску».

Вместе с тем исследование государственного отношения к правозащитникам, проведённое выше, со всей очевидностью показывает, что одной из главных задач спецслужб Прибалтики является недопущение возникновения «решающих меньшинств», недопущение координации правозащитников – как на национальном, так и на региональном, прибалтийском уровне. При этом исследование государственного отношения к правозащитникам в Прибалтике со всей очевидностью выявило крайне высокую степень координации самих спецслужб Прибалтики в деле преследования правозащитников. Приёмом последнего времени стала практика запрета на въезд правозащитников из Латвии в Эстонию и Литву и т.д. По официальным данным, в Эстонии решение о запрете на въезд³⁰⁴ принято в отношении 3 200 человек, при этом, возвращаясь к теме признания со стороны СМИ, в данной информации всего лишь скупно сообщается о том, что «В течение последнего месяца из страны было выслано несколько иностранцев, придерживающихся экстремистских взглядов». Кого в Эстонии считают «экстремистами», было показано выше.

Следует добавить, что свобода передвижения, как она заявляется в международных документах по правам человека, действует только в пределах государства, и не «покрывает» нужды межгосударственной координации, в связи с чем апеллировать к ней нет смысла. Свобода передвижения внутри ЕС заявляется в преамбуле Консолидированных версий Договора Европейского Союза и Договора о действии Европейского Союза³⁰⁵ довольно двусмысленно: «Решив облегчить свободное передвижение лиц, обеспечивая в то же время безопасность своих народов, создавая в соответствии с положениями настоящего договора и договора о

³⁰⁴ <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/zapret-na-vezd-v-estoniyu-dejstvuet-v-otnoshenii-3200-inostrancev?id=73260057>

³⁰⁵ https://www.ecb.europa.eu/ecb/legal/pdf/c_32620121026et.pdf С. 16

действии Европейского Союза пространство, основанное на свободе, безопасности и праве».

Данное положение уточняется в ч. 2 ст. 3 документа: «Союз создаёт для своих граждан основанное на свободе, безопасности и праве пространство без внутренних границ, где обеспечивается свободное передвижение лиц вместе с применением соответствующих мер контроля внешней границы, убежища и иммиграции, а также предупреждения преступности и борьбы с ней»³⁰⁶. Из данного определения следует, что в случае правозащитников Прибалтики (даже с учётом того, что существенная часть их являются негражданами Эстонии и Латвии, т.е. не являются гражданами ЕС) запреты на въезд могут устанавливаться только как мера «предупреждения преступности», т.к. об убежище и иммиграции речь вестись не может. Что в очередной раз показывает уровень отношения прибалтийских властей к правозащитникам.

В связи с данными обстоятельствами право на координацию представляется исключительно важным.

7.6. Право на благоприятное и безопасное пространство для деятельности гражданского общества

Это право прямо исходит из резолюции № 24/21 Совета по правам человека от 27.09.2013 «Пространство для деятельности гражданского общества: создание и поддержание благоприятных и безопасных условий де-юре и де-факто». В преамбуле к этой резолюции Совет по правам человека подчёркивает, что «нормативно-правовой базой функционирования гражданского общества является национальное законодательство, соответствующее Уставу Организации Объединённых наций и международному праву в области прав человека».

Посмотрим, как с этим делом обстоит в Эстонии. Согласно ч. 1 ст. 66 Закона о Правительстве Республики³⁰⁷ вопросы «планирования и координации развития гражданского общества» находятся... в ведении МВД. Согласно части 2 той же статьи в сферу управления МВД входят уже прекрасно знакомый читателям Департамент Охранной полиции, Департамент полиции и погранохраны, Спасательный департамент и Тревожный центр. Отдела, который занимался бы вопросами гражданского общества в составе самого министерства, тоже нет³⁰⁸. Логически удаляя из списка возможных претендентов на звание главного координатора развития гражданского общества Спасательный департамент и Тревожный центр, получается, что

³⁰⁶ Там же, С. 17

³⁰⁷ <http://www.estlex.ee/tasuta/?id=7&aktid=16790&fd=1&leht=13>

³⁰⁸ <https://www.siseministeerium.ee/et/kontakt>

вопросами гражданского общества в Эстонии занимаются Департамент Охранной полиции и Департамент полиции и погранохраны. Тому, как они это делают, и посвящено во многом данное исследование. Добавим тут, что расследованиями преступлений против человечности, т.е. в том числе расследованием фактов преследования, в Эстонии тоже занимается ОПЭ.

7.7. Право на развитие и обсуждение новых идей и принципов

Данное право прямо заявляется в ст. 7 Декларации о правозащитниках: «Каждый человек имеет право, индивидуально и совместно с другими, развивать и обсуждать новые идеи и принципы, касающиеся прав человека, и добиваться их признания».

В случае Прибалтики данное право является принципиально важным, т.к. регион отличается специфическими нарушениями прав человека, вытекающими из уникального, «восстановленного» формата государственности этих стран. «Восстановление самостоятельности» Эстонии, Латвии и Литвы в 1991 году, основанное на теориях «оккупации», «правовой преемственности (континуитета)» и «непризнания», привело, в частности, к появлению феномена «неграждан» в Эстонии и Латвии (авторам достоверно известно, что латвийские и эстонские политики тех лет приложили немало усилий к тому, чтобы склонить к такому же решению и своих литовских единомышленников). Только спустя четверть века это противоправное решение революционных властей Эстонии и Латвии, обусловившее кражу гражданства у миллионов людей, прежде всего русских, в их же собственных странах, начинает, причём очень неспешно, проникать в повестку дня международных органов. Так, например, Европарламент в сентябре 2015 года принял резолюцию «О ситуации с фундаментальными правами человека в ЕС (2013-2014)», в которой признал неграждан, в том числе Латвии и Эстонии, жертвами дискриминации³⁰⁹.

Характерно, что спецслужбы в своих отчётах не пишут об этих проблемах прямо, предпочитая сводить всю соответствующую риторику правозащитников к всеобъемлющему «очернительству».

7.8. Право на автономное управление

Это право прежде всего относится к правозащитным НПО, которым власти с завидной настойчивостью пытаются диктовать свою повестку дня. Право это исходит, во-первых, из общей свободы ассоциаций и, во-вторых, из принципа независимости правозащитников. Так, во втором ежегодном докладе о внутреннем управлении неправительственных организаций Экспертного

³⁰⁹ <http://www.kp.ru/online/news/2159855/>

совета по законодательству об НПО конференции НПО Совета Европы было установлено, что «(...) государственные власти не должны использовать свои полномочия для предоставления или отзыва финансирования или участия должностных лиц в структурах, ответственных за принятие решений в НПО с целью оказания влияния на решения, принимаемые НПО»³¹⁰.

В качестве примера можно привести отзыв финансирования со стороны министерства образования у занимающегося проблемами молодёжи эстонского НПО SIIN после того, когда в связи с событиями «бронзовой ночи» в Таллине в апреле 2007 был арестован в качестве подозреваемого в организации массовых беспорядков М. Сирык – «фигурант» ежегодников ОПЭ. В судебном процессе решение министерства об отзыве финансирования удалось отменить, что не помешало министерству принять новое, аналогичное решение. Напомним, что в отношении М. Сирыка впоследствии вступил в силу оправдательный приговор.

Другой пример, иллюстрирующий прямое вмешательство в управление НПО, это отказ Фонда свободных объединений в финансировании молодёжного летнего лагеря, который хотело провести НПО Noor Rus. В ответ на заявку, в которой в качестве наставников были указаны М. Русаков, А. Лобов и С. Середенко, Фонд выступил с встречными предложениями: «Обращаем ваше внимание на то, что целью конкурса, который проводит Фонд, является достижение через обучение улучшенной среды и дееспособности свободных объединений. Для обеспечения качества обучения у наставников должен быть значительный опыт в сфере работы с молодёжью и свободных объединений. К сожалению, ни из ходатайства, ни из представленных характеристик не следует, что выбранные вами лекторы обладают квалификацией в деле обучения организаций третьего сектора. В то же время предложенные вами лекторы отметились известными политическими заявлениями. Для того, чтобы ваш проект был в соответствии с требованиями и условиями Фонда, остаётся при своём требовании заменить вышеуказанных лекторов»³¹¹.

7.9. Право на диалог с властью

Это право зафиксировано в ст. 12 резолюции ГА ООН A/C.3/70/L.46/Rev.1, в которой подтверждается «полезность и преимущества проведения консультаций и диалога с правозащитниками по вопросам, касающимся государственных стратегий и программ, в том числе для целей защиты, и призывает государства назначить координаторов или создать другие соответствующие механизмы для правозащитников в рамках государственного управления».

³¹⁰ «Нарушение права НПО на финансирование: от преследований до уголовного наказания», С. 16
http://www.omct.org/files/2013/02/22162/obs_2013_human_rights_defenders_russian.pdf

³¹¹ Письмо по электронной почте от 20.04.2015 из Фонда свободных объединений

Реализация данного права прежде всего требует признания правозащитников, чего в Прибалтике не было и нет по сей день. В связи с этим нет смысла перечислять все пачки разосланных меморандумов, запросов и т.п., т.к. в лучшем случае ответом на них бывает строчка «Спасибо Вам за Ваше письмо». Самый яркий пример тут – отказ президента Эстонии Т.Х. Ильвеса принять петицию НПО Русская Школа Эстонии, которую подписали более 35 000 человек³¹².

7.10. Право на защиту от преследования

Данное право исходит из ч. 2 ст. 12 Декларации о правозащитниках – «Государство предпринимает все необходимые меры с целью обеспечения защиты с помощью компетентных органов любого человека, индивидуально и совместно с другими, от любого насилия, угроз, возмездия, негативной дискриминации де-факто или де-юре, давления или иного любого произвольного действия, в связи с законным осуществлением его или её прав, упомянутых в настоящей Декларации».

«Компетентные органы», как это явно видно из главы о государственном отношении к правозащитникам, сами являются первыми нарушителями их прав, организуя, направляя и поощряя преследование правозащитников. Понятно, что при таком отношении к правозащитникам практически ни одно преступление против них не раскрывается, что лишь укрепляет безнаказанность «правоохранителей». Примеров тут можно привести множество.

7.11. Право на просветительскую деятельность и подготовку специалистов

Это право зафиксировано в ст. 16 Декларации о правозащитниках. Его осуществление связано с большими трудностями – на примере латвийского и литовского материала видно, какую реакцию властей может вызвать работа правозащитников с молодёжью. Нет, видимо, никакой нужды говорить о том, что правозащитники Прибалтики никогда не привлекались к проведению профессионального обучения в части прав человека в рядах полиции и других правоохранительных органов. Без постоянных контактов с молодёжью профессия правозащитников в Прибалтике, особенно в Эстонии, начинает стремительно вырождаться – абсолютное большинство правозащитников в этих странах – среднего и старшего возраста. Что, в свою очередь, мешает уже их профессиональному совершенствованию, т.к. проводящие всевозможные семинары и тренинги международные организации также предпочитают работать с молодёжью, а не с ветеранами.

³¹² <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/nko-russkaya-shkola-estonii-napravilo-ilvesu-povtorno-obrauchenie?id=64441930>

7.12. Право на информацию

Это право, изложенное в п. f) ст. 10 резолюции ГА ООН A/C.3/70/L.46/Rev.1, отличается от общего права на информацию тем, что имеет в виду прежде всего «информацию о грубых нарушениях прав человека, которой располагают государственные органы власти». Резолюция требует, чтобы эта информация «без необходимости не объявлялась секретной и не скрывалась иным образом от общественности, и настоятельно призывает государства принять транспарентные, чёткие и ориентированные на конкретные действия законы и политику, предусматривающие эффективное раскрытие информации».

Примеров «объявления» информации секретной очень много. Один из них – засекречивание информации по «бронзовой ночи» в Таллине в апреле 2007 года³¹³. Другой был приведён в примерном кейсе, когда только в результате усилий итальянской дипломатии Д. Къезе удалось узнать причины его ареста и высылки из Эстонии. Как уже указывалось, всеобъемлющая секретность имеет и оборотную сторону – правозащитник может быть обвинён в шпионаже при попытке добыть или опубликовать «секретную» информацию.

7.13. Право журналистов поднимать вопросы, связанные с правами человека

Это право следует из признания правозащитниками тех журналистов, которые поднимают в своих изданиях тему защиты прав человека. Самые нашумевшие случаи в Эстонии, связанные с преследованием журналистов-правозащитников, это увольнение из портала Delfi.ee М. Корнышевой и уход «по собственному желанию» из-за цензуры, наступившей после «бронзовой ночи», И. Кулдмаа. «Тихо» были уволены такие главные редакторы, как Е. Петухова и Н. Алхазов.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕАКЦИИ НА НАРУШЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЭСТОНИИ И ОТВЕТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Защиту правозащитников от преследования следует рассмотреть и в общем контексте защиты прав человека. Этого требуют как интересы объективности исследования, так и необходимость понимания того, как правительства стран Прибалтики реагируют на претензии международных организаций и насколько реакции международных организаций эффективны в деле защиты прав человека. Для примера выбран эстонский опыт.

³¹³ <http://www.mke.ee/novosti-pbk/godovshchina-bronzovoj-nochi-proshla-pochti-nezamechennoj>

Официальные лица Эстонии любят утверждать, что международные нормы являются неотъемлемой частью эстонской правовой системы. Если же говорить о правоприменительной практике, то Эстония представляла отчёты и получала рекомендации по исполнению следующих конвенций ООН³¹⁴ и Совета Европы:

1. Международный пакт о гражданских и политических правах³¹⁵;
2. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации³¹⁶;
3. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин³¹⁷;
4. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах³¹⁸;
5. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания³¹⁹;
6. Конвенция о правах ребенка³²⁰;
7. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии³²¹;
8. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств³²².

Помимо этого есть ряд резолюций ГА ООН, которые касаются героизации нацизма, и которые имеют непосредственное отношение к Эстонии³²³. В этом перечне они не приводятся, т.к. напрямую Эстония в них не называется, что является одним из недостатков практики ООН.

По исполнению Международного пакта о гражданских и политических правах Эстонией было представлено три отчёта:

- 1) 7 октября 1994 года³²⁴;
- 2) 27 мая 2002 года³²⁵;
- 3) 10 декабря 2008 года³²⁶.

³¹⁴ http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/TreatyBodyExternal/countries.aspx?CountryCode=EST&Lang=EN

³¹⁵ http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml

³¹⁶ http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml

³¹⁷ http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml

³¹⁸ http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml

³¹⁹ http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml

³²⁰ http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml

³²¹ http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rightschild_protocol2.shtml

³²²

<https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016800c1316>

³²³ http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/68/150&referer=http://www.un.org/en/ga/68/resolutions.shtml&Lang=R

³²⁴ http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolNo=CCPR%2fC%2f81%2fAdd.5&Lang=en

³²⁵ http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolNo=CCPR%2fC%2fEST%2f2002%2f2&Lang=en

³²⁶ http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolNo=CCPR%2fC%2fEST%2f3&Lang=en

Комитет по правам человека соответственно трижды давал Эстонии рекомендации:

- 1) 9 ноября 1995 года³²⁷;
- 2) 15 апреля 2003 года³²⁸;
- 3) 4 августа 2010 года³²⁹.

По исполнению Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации Эстонией было представлено 11 отчётов:

- 1-4) 5 июля 1999 года³³⁰;
- 5) 30 мая 2002 года³³¹;
- 6-7) 1 апреля 2005 года³³²;
- 8-9) 3 ноября 2009 года³³³;
- 10-11) 23 мая 2013 года³³⁴.

На основании указанных выше отчетов Комитет по ликвидации расовой дискриминации пять раз давал Эстонии рекомендации:

- 1) 19 апреля 2000 года³³⁵;
- 2) 22 августа 2002 года³³⁶;
- 3) 19 октября 2006 года³³⁷;
- 4) 23 сентября 2010 года³³⁸;
- 5) 22 сентября 2014 года³³⁹.

³²⁷http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2fC%2f79%2fAdd.5&Lang=en

³²⁸http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2fCO%2f77%2fEST&Lang=en

³²⁹http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2fC%2fEST%2fCO%2f3&Lang=en

³³⁰http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CERD%2fC%2f329%2fAdd.2&Lang=en

³³¹http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CERD%2fC%2f373%2fAdd.2&Lang=en

³³²http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CERD%2fC%2f465%2fAdd.1&Lang=en

³³³http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CERD%2fC%2fEST%2f8-9&Lang=en

³³⁴http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CERD%2fC%2fEST%2f10-11&Lang=en

³³⁵http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CERD%2fC%2f304%2fAdd.98&Lang=en

³³⁶[http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=A%2f57%2f18\(SUPP\)&Lang=en](http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=A%2f57%2f18(SUPP)&Lang=en)

³³⁷http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CERD%2fC%2fEST%2fCO%2f7&Lang=en

³³⁸http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CERD%2fC%2fEST%2fCO%2f8-9&Lang=en

³³⁹http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CERD%2fC%2fEST%2fCO%2f10-11&Lang=en

По исполнению Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин Эстонией было представлено 6 отчётов:

- 1-3) 21 августа 2001 года³⁴⁰;
- 4) 6 октября 2005 года³⁴¹;
- 5-6) 28 апреля 2015 года³⁴².

На основании отчётов Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин два раза давал Эстонии рекомендации:

- 1) 1 января 2002 года³⁴³;
- 2) 15 августа 2007 года³⁴⁴.

По исполнению Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах Эстонией было представлено 2 отчёта:

- 1) 2 октября 2001 года³⁴⁵;
- 2) 12 июля 2010 года³⁴⁶.

На основании вышеуказанных отчётов Экономический и Социальный Совет дважды давал Эстонии рекомендации:

- 1) 19 декабря 2002 года³⁴⁷;
- 2) 16 декабря 2011 года³⁴⁸.

По исполнению Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания Эстонией было представлено 5 отчётов:

- 1-3) 30 октября 2001 года³⁴⁹;
- 4) 18 июля 2005 года³⁵⁰;
- 5) 5 апреля 2012 года³⁵¹;

³⁴⁰ http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2fC%2fEST%2f1-3&Lang=en

³⁴¹ http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2fC%2fEST%2f4&Lang=en

³⁴² http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2fC%2fEST%2f5-6&Lang=en

³⁴³ [http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=A%2f57%2f38\(SUPP\)&Lang=en](http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=A%2f57%2f38(SUPP)&Lang=en)

³⁴⁴ http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2fC%2fEST%2fCO%2f4&Lang=en

³⁴⁵ http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=E%2f1990%2f5%2fAdd.51&Lang=en

³⁴⁶ http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=E%2fC.12%2fEST%2f2&Lang=en

³⁴⁷ http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=E%2fC.12%2f1%2fAdd.85&Lang=en

³⁴⁸ http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=E%2fC.12%2fEST%2fCO%2f2&Lang=en

³⁴⁹ http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CAT%2fC%2f16%2fAdd.9&Lang=en

³⁵⁰ http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CAT%2fC%2f80%2fAdd.1&Lang=en

³⁵¹ http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CAT%2fC%2fEST%2f5&Lang=en

На основании этих отчетов Комитет против пыток трижды давал Эстонии рекомендации:

- 1) 23 декабря 2002 года³⁵²;
- 2) 19 февраля 2008 года³⁵³;
- 3) 17 июня 2013 года³⁵⁴.

По исполнению Конвенции о правах ребенка Эстонией было представлено 4 отчёта:

- 1) 11 июля 2002 года³⁵⁵;
- 2-4) 30 апреля 2015 года³⁵⁶.

На основании первого отчёта Комитет по правам ребёнка 17 марта 2003 года³⁵⁷ сделал свои рекомендации.

По исполнению Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии Эстонией был представлен отчёт 20 июля 2009 года³⁵⁸ и получены рекомендации от Комитета по правам ребёнка 5 марта 2010 года³⁵⁹.

По исполнению Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств Эстонией было представлено 4 отчёта:

- 1) 22 декабря 1999 года³⁶⁰;
- 2) 16 июля 2004 года³⁶¹;
- 3) 13 апреля 2010 года³⁶²;
- 4) 2 мая 2014 года³⁶³.

³⁵² http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CAT%2fC%2fCR%2f29%2f5&Lang=en

³⁵³ http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CAT%2fC%2fEST%2fCO%2f4&Lang=en

³⁵⁴ http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CAT%2fC%2fEST%2fCO%2f5&Lang=en

³⁵⁵ http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2fC%2f8%2fAdd.45&Lang=en

³⁵⁶ http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2fC%2fEST%2f2-4&Lang=en

³⁵⁷ http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2fC%2f15%2fAdd.196&Lang=en

³⁵⁸ http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2fC%2fOPSC%2fEST%2f1&Lang=en

³⁵⁹ http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2fC%2fOPSC%2fEST%2fCO%2f1&Lang=en

³⁶⁰ <http://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain?page=country&category=&publisher=COESFCPNM&type=&coi=EST&rid=&docid=475682bc0&skip=0>

³⁶¹ http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/minorities/3_FCNMdocs/PDF_2nd_SR_Estonia_en.pdf

³⁶² http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/minorities/3_FCNMdocs/PDF_3rd_SR_Estonia_en.pdf

³⁶³ http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/minorities/3_FCNMdocs/PDF_4th_SR_Estonia_en.pdf

На каждый из указанных выше отчетов Консультативный совет Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств выражал своё мнение:

- 1) 14 сентября 2001 года³⁶⁴;
- 2) 24 февраля 2005 года³⁶⁵;
- 3) 1 апреля 2011 года³⁶⁶;
- 4) 19 марта 2015 года³⁶⁷.

Рассмотрим для примера исполнение Эстонией последних рекомендаций Комитета по ликвидации расовой дискриминации (далее Комитет).

В январе 2013 года Эстония представила в Комитет очередной доклад об исполнении Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации в период 2008-2012 года³⁶⁸. По официальному докладу Эстонии национальные меньшинства в этой стране пребывают в благоде́нствии. В ответ на официальный доклад НПО «Русская Школа Эстонии»³⁶⁹ (далее РШЭ) представило свой альтернативный доклад³⁷⁰. На заседании Комитета присутствовал член Правления РШЭ Андрей Лобов³⁷¹.

В итоге 21 сентября 2014 года Эстония получила новые рекомендации, в которых указывалось на проблемы, освещённые в отчёте РШЭ³⁷². В частности в нём говорилось:

- о необходимости поменять политику предоставления гражданства;
- признать мотивированные расовыми соображениями высказывания на почве ненависти уголовно наказуемым преступлением, запретить расистские организации и признать расовую мотивацию при совершении преступлений отягчающим вину обстоятельством;
- обеспечить права национальных меньшинств, в том числе право использовать родной язык в местах компактного проживания и вносить отчество в паспорт;

³⁶⁴ http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/minorities/3_FCNMdocs/PDF_1st_OP_Estonia_en.pdf

³⁶⁵ http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/minorities/3_FCNMdocs/PDF_2nd_OP_Estonia_ru.pdf

³⁶⁶ http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/minorities/3_FCNMdocs/PDF_3rd_OP_Estonia_en.pdf

³⁶⁷

<http://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=090000168047d0e5>

³⁶⁸ http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CERD%2fC%2fEST%2f10-11&Lang=en

³⁶⁹ <http://www.venekool.eu/>

³⁷⁰ http://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CERD/Shared%20Documents/EST/INT_CERD_NGO_EST_17812_E.pdf

³⁷¹ <http://pravfond.eu/?p=1830>

³⁷² http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CERD%2fC%2fEST%2fCO%2f10-11&Lang=en

- не использовать карательные методы в обучении эстонскому языку и обеспечить русскому меньшинству право обучения на родном языке.

Помимо прочего Комитет рекомендовал Эстонии опубликовать свои заключительные замечания также и на русском языке. Однако рекомендации на русском языке так и не появились. В ответ на запрос автора Министерство иностранных дел ответило, что рекомендации Комитета не носят обязательный характер³⁷³. Такой же ответ из Министерства иностранных дел был получен на запрос автора об исполнении рекомендации Комитета об официальном признании отчества и внесении его в удостоверяющие личность документы. МИД, как и в предыдущем случае, заявил, что рекомендации не носят обязательный характер и поэтому Эстонии не собирается что-то менять в плане официального признания отчества³⁷⁴.

В п. 23. Заключительных замечаний³⁷⁵ Комитет попросил Эстонию представить в течение одного года после их принятия информацию о мерах по выполнению рекомендаций, изложенных в пунктах 7, 8 и 13. В п. 7 речь идёт о запрещении расистских организаций и борьбе с ненавистническими заявлениями расистского толка. В п. 8 говорится о расовой мотивации как отягчающем обстоятельстве в уголовном праве.

6 июля 2012 года Министерством юстиции действительно был подготовлен проект закона, в котором в том числе содержалось 26 поправок в КоНЭ³⁷⁶. Среди этих поправок также было признание мотива расовой и иной ненависти при совершении преступлений отягчающим вину обстоятельством. Помимо этого в проекте закона криминализировалось разжигание расовой и другой вражды.

27 июля 2012 года министр юстиции отправил проект закона, содержащий вышеуказанные поправки, на согласования в министерства. 28 сентября 2012 года предложенные Минюстом поправки не прошли согласование с Министерством внутренних дел. Министр внутренних дел Кен-Мартин Вахер (член крайне правой партии «Союз Республики и Отечества») обосновал свою точку зрения тем, что эта поправка ограничит указанную в Конституции Эстонии свободу самовыражения. С точки зрения министра

³⁷³ <http://pravfond.ru/?module=news&action=view&id=3105>

³⁷⁴ <http://www.mke.ee/sobytiija/estoniya-otkazalas-priznavat-otchestva-i-vpisyvat-ikh-v-dokumenty>

³⁷⁵ http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CERD%2fC%2fEST%2fCO%2f10-11&Lang=en

³⁷⁶ <http://eelnoud.valitsus.ee/main/mount/docList/80c748e0-9c4f-48d5-aea3-5f26da1de2c8#QC06GS9i>

внутренних дел Эстонии призывы к национальной ненависти - это свобода самовыражения.

20 февраля 2013 года после согласований в министерствах был составлен новый отредактированный проект закона, в котором из 26 поправок в КоНЭ осталось 19, в т. ч. из него исчезли поправки, касающиеся признания мотива расовой или иной ненависти при совершении преступлений отягчающим вину обстоятельством, а также криминализации разжигания расовой и другой вражды. 28 февраля 2013 года проект этого закона был направлен на утверждение в правительство. На данный момент больше не было попыток составить новый законопроект, в котором бы криминализировалось разжигание расовой ненависти и (или) предлагалось признать мотив расовой или иной ненависти при совершении преступлений отягчающим вину обстоятельством.

9 апреля 2015 года автор направил запрос в МИД, в котором спросил о планах в отношении исполнения рекомендаций Комитета, изложенных в пунктах 7, 8 и 13 Заключительных замечаний. 13 апреля 2015 года из МИДа был получен формальный ответ «информация об исполнении пунктов 7, 8 и 13 Заключительных замечаний будет представлена в Комитет к концу августа 2015 года».

25 мая 2015 года автор направил обращение в Министерство юстиции, в котором поинтересовался о планах по дополнению ст. 58 (признанию мотива расовой или иной ненависти при совершении преступлений отягчающим вину обстоятельством) и изменению ст. 151 КоНЭ (криминализации разжигания расовой и другой ненависти). 15 июня 2015 года был получен ответ, в котором сообщалось, что министерство надеется, что законопроект с указанными выше поправками будет направлен в правительство уже в этом году, и давалась ссылка на вышеупомянутый проект закона, направленный на согласование в министерства³⁷⁷. При этом в ответе на запрос от 25 мая 2015 года не сообщалось, что поправки, касающиеся разжигания расовой и иной ненависти, не прошли согласование, а новый проект, содержащий эти поправки, ещё не подготовлен. Отсюда не очень понятны надежды на направление законопроекта в правительство в 2015 году, если его нет. По всей видимости, представители Эстонии «забыли», что из него выпали «расовые поправки». Андрей Лобов, принявший в августе 2014 года участие

³⁷⁷ <https://eelnoud.valitsus.ee/main/mount/docList/80c748e09c4f48d5aea35f26da1de2c8>

в 85 сессии Комитета³⁷⁸, сообщил, что на сессии официальная делегация Эстонии в ответах на вопросы членов Комитета «надеялась» на то, что поправки будут направлены ещё в 2014 году.

При этом надо отметить, что вопрос криминализации разжигания расовой ненависти является для Эстонии далеко не праздным. После "бронзовых ночей" для Эстонии это особенно актуально. В 2015 году в СМИ попало три подобных факта:

1. 10 июня на демонстрации против массовой миграции, проходившей возле здания парламента, присутствовал мужчина в футболке с надписью «негров – в печь»³⁷⁹;
2. 1 августа по улицам эстонского города Курессааре разгуливал мужчина в футболке с надписью «I hate russians»³⁸⁰;
3. В августе сотрудник по связям с общественностью Кайселийт (аналог Национальной гвардии), государственный служащий Урмас Рейтельманн в своём комментарии в Facebook назвал 300 000 русскоязычных жителей Эстонии „паразитирующими тиблами“³⁸¹.

Ни в одном из перечисленных случаев не последовало никаких правовых последствий. Государственного чиновника У. Рейтельманна перевели из одного отдела в другой.

Стоит отметить, что рекомендации по исполнению других конвенций, касающихся прав национальных меньшинств, как правило, содержат перечень тех же проблем, что и указаны в рассматриваемых в нашем примере Заключительных замечаний Комитета по ликвидации расовой дискриминации. И реакция на них со стороны Эстонии соответственно такая же, то есть практически отсутствует.

Выводы:

- Эстония выкладывает свои отчёты по исполнению конвенций и рекомендации международных органов на сайте МИДа на эстонском и английском языках, тем самым частично обеспечивая публичный доступ к ним³⁸². Однако знают об этом, как правило, только специалисты. Для

³⁷⁸ http://www.venekool.eu/cerd/doklad_140821.pdf

³⁷⁹ <http://stolitsa.ee/101924>

³⁸⁰ <http://rus.postimees.ee/295255/tolerantnost-v-kuressaare-futbolka-s-nadpisju-i-hate-russians>

³⁸¹ <http://rus.postimees.ee/3332531/urmas-rejtelmann-bolshe-ne-rabotaet-v-press-sluzhbe-kajtselijta>

³⁸² <http://vm.ee/et/eesti-aruanded-rv-organisatsioonidele-konventsioonide-taitmise-kohta-0>

эстонских СМИ эти рекомендации интереса не представляют. Обсуждение возможно только в русскоязычном секторе СМИ Эстонии.

- Отчёты по исполнению конвенций, иногда с большим опозданием, но, тем не менее, регулярно представляются. Они, как правило, содержат большой объём информации. Эстония пытается максимально представить ситуацию в выгодном для себя свете. При этом часто представляется неверная, или, как минимум, искажённая информация.

Но главная проблема – это избирательное исполнение рекомендаций. Они либо не исполняются вовсе, либо происходят какие-то косметические изменения. Часто ситуация только усугубляется. Крайне редко и крайне медленно действительно происходят какие-то изменения. В качестве оправдания неисполнения рекомендаций всегда приводится довод о том, что они носят рекомендательный характер. В судебной практике уже сложилась традиция толковать международные нормы через призму национального законодательства. Это часто ограничивает представляемые конвенциями права, а иногда и просто сводит их на нет. В итоге, несмотря на заявления эстонских чиновников о том, что международные нормы являются неотъемлемой частью эстонской правовой системы, участие Эстонии в международных конвенциях становится номинальным. В этой связи обращает на себя внимание также пассивность международных органов, которые могут по пять раз давать одни и те же рекомендации и никак не реагировать на то, что ситуация только ухудшается.

ГЛАВА 9. ПРИМЕРНОЕ ПОСТРОЕНИЕ КЕЙСОВ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЮ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ПРИБАЛТИКЕ

9.1. Общие положения

9.1.1. Выбор определения «преследования»

Сравнительный анализ «национальных» определений «преследования» в уголовных законах Эстонии, Латвии и Литвы позволил выше сделать вывод о том, что в нужной степени «редуцированным», по сравнению с определением «преследования», данным в РС, является определение, данное в КоНЭ. При этом, что характерно, сам термин «преследование» в КоНЭ не используется. Поэтому для нужд построения примерного кейса будет взята ст. 89 КоНЭ, а «преследование» будет определено как «Систематическое или массовое лишение прав человека и свобод или ограничение их (людей – авт.) прав и свобод, совершенное под руководством или подстрекательстве государства, организации или группы». Это определение ценно тем, что не содержит в себе «массового» критерия, не требует обязательной связи «преследования» с другими преступлениями (список которых, как было показано, может изменяться) и установлено законом. В связи с чем под эстонское определение следует найти и соответствующий эстонский опыт.

Вместе с тем эстонское определение не просто «занижено» по сравнению с «международным», данным в РС, но и лишено некоторых существенных признаков, прежде всего мотивов и принадлежности жертвы к «той или иной группе или общности». Нет также указания на то, что «лишение прав человека и свобод» должно быть не произвольным, а «вопреки международному праву». В примерном построении кейса эти признаки будут сохранены.

9.1.2. Выбор фактического материала для исследования

Выбор подхода обусловлен, прежде всего, доступностью материала для исследования и его объёмом, что представляет собой вторую методическую задачу. Если изучение ежегодников ОПЭ является вполне выполнимым, то сбор информации о нарушении прав человека с целью выявления преследуемых групп представляется бесперспективным. С одной стороны, в большинстве своем нарушения прав человека являются «единичными», т.е. не объединёнными умыслом преследования группы, а, с другой, являются не

только групповыми, но и массовыми – факты дискриминации русскоязычного населения Прибалтики общеизвестны³⁸³.

Документальной базы нарушения прав человека в Эстонии, Латвии и Литве не существует – «национальные правозащитные учреждения» этим не занимаются. В Эстонии, как уже указывалось, отчёт омбудсмана за 2013 год, например, вообще не включает в себя раздела «нарушение прав человека»³⁸⁴. В Латвии также существует омбудсмен. В своём отчёте за 2014 г. он не только не рассматривал преследование инакомыслящих в стране, но даже не упомянул о проблемах массового безгражданства, дискриминации русского населения, попытках правительства принудительно заставить русских детей учиться на латышском языке в младших классах средней школы³⁸⁵ и т.п.

В связи с данными обстоятельствами ежегодники ОПЭ могут быть использованы только как указатели направления исследования, подбор же конкретных фактов преследования придётся проводить «за рамками» содержания ежегодников ОПЭ.

9.1.3. Срок давности

В общем случае при определении временных рамок исследования следует прежде всего иметь в виду характер решаемой задачи – является ли она научной, практической или научно-практической. В случае практической задачи примерного построения кейса временные рамки расследования конкретного преступления в общем случае ограничены сроком давности. Однако в случае с «преследованием» мы имеем дело с преступлением против человечности, а для него, согласно ч. 4 ст. 5 КоНЭ и соответствующих статей уголовных кодексов Латвии и Литвы, срок давности не установлен – «Преступления против человечности и военные преступления наказуемы вне зависимости от времени совершения».

9.1.4. Выделение системы преследования из среды

Само использованное выражение «систематическое или массовое лишение прав человека» требует либо установления системы в практике преследования, либо доказательства массовости правонарушения. Данным обстоятельством «преследование» в уголовном смысле схоже с «преследованием» в производстве по делам беженцев. Так, в справочнике

³⁸³ [Дискриминация русских в странах Балтии: причины, формы, возможности преодоления](#). Ред. А. Гапоненко. Москва — Рига: Общественная палата РФ, Институт европейских исследований, 2011. <file:///C:/Users/Aleksandr/Downloads/book64.pdf>

³⁸⁴ Õiguskantsleri 2013. aasta tegevuse ülevaade http://oiguskantsler.ee/sites/default/files/oiguskantsleri_tegevuse_ulevaade_2013.pdf

³⁸⁵ http://www.tiesibsargs.lv/files/content/zinojumi/Tiesibsarga%20zinojums_2014_ENG_FINAL.pdf

УВКБ содержится положение о том, что «Действия, которые не приравнены к преследованию, когда рассматриваются по отдельности, могут составить преследование при рассмотрении их в совокупности», т.е. образовывать систему.

Очерки системы преследования даны, например, в КоНЭ: «совершённое под руководством или подстрекательстве государства, организации или группы». В результате в данном построении в целом придется иметь дело с несколькими разного типа системами и несколькими иерархиями: преследуемые группы (как системы), системы, старшие по отношению к преследуемым группам (например, Международное правозащитное движение «Мир без нацизма» является старшей системой по отношению к антифашистам Прибалтики), собственно система преследования («систематическое или массовое лишение прав человека», т.е. система правонарушений), а также преследующая группа и старшие по отношению к ней системы.

Выделение преследуемых групп на основании изучения государственного отношения к инакомыслящим, например, изложенного в ежегодниках ОПЭ, ПБЛ и ДГБ, не даёт на выходе собственно преследуемых групп (спецслужбы проявляют известную скромность в отношении предпринятых ими акций преследования), но позволяет составить каталог «групп риска преследования» и выявить мотивы преследования. Опираясь на опыт УКВБ, именно угрозы преследования и мотивы преследователей являются основным объектом исследования для офицеров по делам беженцев.

Система преследования в известном смысле «зеркальна»: так, сама ОПЭ утверждает, что «В обязанности ОПЭ входит обнаружение и анализ систематической деятельности, которая включает в себя не только правонарушения, направленные против интересов безопасности Эстонии»³⁸⁶. Выражение «не только правонарушения» (в ежегодниках ОПЭ раскрытие правонарушений со стороны участников групп риска преследования практически не встречается), а также «обнаружение и анализ систематической деятельности» уже ставит вопросы о законности методов «обнаружения» и качества «анализа».

Для облегчения в случае примерного построения кейса задачи выделения системы преследования из среды есть смысл рассмотреть однотипные правонарушения, совершаемые одними и теми же или однотипными субъектами.

9.1.5. Методика определения преследуемых групп

³⁸⁶ Ежегодник Охранной полиции 2012, С. 6

Выше указывалось на то, что формулировка КоНЭ не требует для «преследования» даже преследуемых групп, в принципе допуская преследование одного человека. Все остальные исследованные определения, однако, говорят именно о преследовании групп или общностей, в связи с чем первоначальной задачей будет являться определение преследуемых групп, или, выражаясь языком системного анализа, выделение системы из среды.

При определении групп возможны несколько подходов.

Во-первых, возможно составление групп инакомыслящих на основании государственного отношения к инакомыслящим. В Эстонии, например, это группа лиц, описываемая в ежегодниках ОПЭ, а в Латвии - в ежегодниках ПБЛ, в Литве - ДГБ. (В Эстонии ОПЭ «реституировала» цели и методы работы существовавшей до 1940 года Политической полиции, а в Латвии ПБЛ – методы Политического управления). Выделенные группы инакомыслящих возможно проверить на предмет «преследования».

Во-вторых, возможен принципиально другой подход, а именно - составление каталога нарушений прав человека, а после этого – «группирование» выявленных потерпевших.

В-третьих, возможно исследование уже известных преследуемых групп, прежде всего правозащитников - антифашистов, активистов движения «российских соотечественников» и т.п.

Возможен также комплексный подход, объединяющий все указанные подходы.

При этом следует обратить внимание на определённые «ошибки переводчика»: если в случае определения «преследования» в РС ««преследование» означает умышленное и серьёзное лишение основных прав вопреки международному праву по признаку принадлежности к той или иной группе или иной общности» по «политическим, расовым, национальным, этническим, культурным, религиозным, гендерным (...) или другим мотивам», то в УЗЛ уголовно наказуемым является «преследование какой-либо группы людей или объединения на основе политической, расовой, национальной, этнической, культурной, религиозной или половой принадлежности или по другим причинам».

Как видно, в случае РС речь идёт о «мотивах», относящимся к субъекту преступления, а в случае УЗЛ – о «принадлежности» жертв преступления. Речь, конечно, должна идти о мотивах.

9.1.6. Выделение масс и групп риска преследования из среды

Сразу подчеркнём, что массовые нарушения прав человека и свобод, таких, например, как массовая кража гражданства у граждан Латвии и Эстонии в

начале 90-х годов, или побоище «бронзовой ночи» в апреле 2007 года, не являются темой настоящего исследования.

В отличие от «масс», к которым не предъявляется требование связанности, «группы», по всей видимости, должны обладать не только объективной общностью, но и субъективной - общность эта должна возникать в результате волевого акта каждого из участников группы.

В связи с этим следует сразу же обратить внимание на несовпадение самоидентификации групп риска и идентификацией их со стороны ОПЭ. Люди, определяющие себя как «антифашисты», не определяют себя как «великодержавные русские шовинисты», а «великодержавные русские шовинисты», по мнению ОПЭ, в лучшем случае «прикрываются лозунгами антифашизма». В связи с этим возникает принципиальный вопрос, касающийся непосредственно преступления преследования – кто объединяет людей в группы? С точки зрения доктрины прав человека «группы» являются результатом реализации свободы ассоциаций, и определение группы, как и цели объединения, зависят исключительно от её членов. Но ОПЭ осуществляет преследование не только этих, объективно существующих групп, но и групп, созданных в результате собственных умопостроений. В связи с чем ранее предложенный термин «группы риска преследования» представляется вполне обоснованным.

Вторая проблема связана с тем, что собственно групп ОПЭ не создаёт, даже в профессиональном полицейском смысле – нигде в текстах ежегодников не видно, чтобы, например, «великодержавные русские шовинисты» рассматривались ОПЭ как организованная преступная группировка (ОПГ). Как можно заключить из содержания рассмотренных ежегодников, ОПЭ «ближе» системный подход, при котором «русские экстремисты» Эстонии рассматриваются не как самостоятельная система, а исключительно как элемент старшей системы – «пропагандистской машины Кремля». Такой подход действительно означает несамостоятельность «русских экстремистов» и несовпадение их с ОПГ, т.к. у этой «банды» нет в Эстонии главного элемента ОПГ – главаря и, соответственно, автономного руководства. В качестве «личного» примера можно привести то, что ежегодники называют М. Колерова «кормильцем» А. Заренкова, а Т. Полоскову – его же «ментором»; оба «начальника» живут в России. Поэтому ОПЭ выражает своё отношение к «русским экстремистам» не как к ОПГ, а как к агентурной сети с резидентурой в посольстве РФ – такое отношение вполне доказывается содержанием ежегодников.

Т.к. исследование преследования правозащитников в Эстонии не ограничивается только «русскими экстремистами», следует обратить внимание и на правых радикалов. Как чётко видно из содержания ежегодников, правые радикалы в Эстонии немногочисленны и анонимны – не называются не только имена, но и группы. Впрочем, косвенно сделать

вывод о росте правого экстремизма в Эстонии (с точки зрения ОПЭ) можно даже на основании ежегодников, т.к. с определённого времени «группы» правых экстремистов сменяются их же «политическими объединениями», а в Эстонии минимальный численный состав партии – 500 граждан.

Самое же главное отличие правых экстремистов от их русских «коллег» – отсутствие в их деятельности внешнего руководства со стороны другого иностранного государства. По мнению ОПЭ, разумеется.

9.1.7. Учёт неопределённостей

Отсутствие чёткого понимания того, формируется ли группа риска преследования преследующими или преследуемыми, не даёт возможности рассматривать проблему преследования на всю её реальную глубину. Так, например, явная «жёлтая карточка» от ОПЭ была показана русским бизнесменам, к которым посольство РФ в Таллине обратилось за помощью в проведении концерта «Виват, Россия!». Образуют ли они группу риска преследования? С точки зрения ОПЭ, они явно образуют собой группу, и объединительный критерий здесь – обращение к ним российского посольства. В реальности же эти люди могут быть даже не знакомы друг с другом (хотя в маленькой Эстонии это маловероятно).

Можно ли рассматривать как группу риска преследования всю указанную в ежегодниках ОПЭ «клиентуру» последней, с расширением на «и связанные с ними лица»? Несомненно. Но связующим признаком тут будет только указание в ежегоднике, что исключает волевые акты членов этого «объединения».

Поэтому, следуя реализму и имея в виду возможные судебные разбирательства, следует избегать указанных неопределённостей и фокусироваться на группах, номинально признаваемых как ОПЭ, так и самими членами группы. При этом предпочтение следует отдавать формальным группам, и прежде всего юридическим лицам. Таковыми, например, являются НД, ЦИПЧ, «Импрессум», «Эстония без нацизма», Русская Школа Эстонии.

В этом случае ОПЭ гарантирована в процессе роль подстрекателя к преследованию, как минимум.

Следующая неопределённость связана с отмеченной ежегодниками ОПЭ «пересечённостью» групп риска преследования, когда одно лицо входит сразу в несколько групп. Например, неоднократно фигурировавшая в отчётах ОПЭ Г. Сапожникова может быть преследуема как член НД, учредитель «Импрессума» или журналист «Комсомольской правды». К какой группе следует отнести факты преследования Г. Сапожниковой?

Преследование «в связи с принадлежностью к группе» обуславливает ещё одну неопределённость: каковым должно быть поведение группы в случае объявления одним из её членов о преследовании? Какую роль для суда может иметь мнение формальных лидеров группы по вопросу преследования? Конкретнее: как вести себя суду в случае противоречия между показаниями члена группы и её руководства в отношении преследования? Связан ли суд субъективным мнением о преследовании или он должен опираться исключительно на факты и методику выявления преследования?

Ответ на данный вопрос имеет и процессуальное значение, в частности, в отношении обжалования отказа ОПЭ в возбуждении уголовного дела по факту преследования. Согласно КоНЭ, право на обжалование имеет только потерпевший, т.к. эстонское законодательство в принципе отвергает *actio popularis*. Поэтому из практических соображений представляется разумным, что решение о подаче заявления о возбуждении уголовного дела должно приниматься всей группой потерпевших, что означает для всех членов группы дополнительный риск преследования.

В качестве примера можно привести НД, в котором со времени «бронзовой ночи» практически полностью поменялся состав правления. Новые люди в правлении могут не захотеть встать на сторону таких ветеранов, как М. Рева и Д. Линтер, жизнь которых в Эстонии уже давно была «превращена в ад» и которые, вследствие этого, были вынуждены перебраться на ПМЖ в Россию – факт, проигнорированный ежегодниками ОПЭ.

9.2. Построение кейса преследования на примере медиа-клуба «Импрессум»

В качестве примера самым простым и наглядным может быть построение кейса на опыте преследования международного медиа-клуба «Импрессум». Подчеркнём, что речь идет именно о примерном построении с тем, чтобы оценить, как этот «конструктор» вообще собирается. Тот факт, что «заводилы» клуба, журналисты Г. Сапожникова и И. Тетерин являются правозащитниками, следует как из типологии правозащитников, так и из многократного их упоминания в ежегодниках ОПЭ. При этом важно, что понимание «Импрессума», как группы, практически сходится как у ОПЭ, так и у самого «Импрессума».

9.2.1. Факты систематического преследования

Систематически в отношении клуба практиковалось два типа акций преследования: отказ в предоставлении конференц-залов для проведения заседаний клуба и запреты на въезд в Эстонию для гостей клуба. И те, и другие факты освещались в СМИ.

Так, в мае 2009 г. отель Nordic Forum внезапно отказал «Импрессуму» в аренде зала, несмотря на уже сделанную предоплату. Клуб планировал проведение вечера памяти А. Мери – другого «фигуранта» ежегодников ОПЭ. Никаких причин для отказа приведено не было. «Двумя неделями ранее клубу «Импрессум» в аренде аудитории для проведения вечера памяти Арнольда Мери отказала Национальная библиотека Эстонии». «Клуб «Импрессум» расценивает отказ в аренде зала как целенаправленную попытку срыва вечера памяти Героя Советского Союза Арнольда Мери со стороны властей. Руководство клуба считает, что подобное решение представителей частного бизнеса, которые владеют отелем, было принято под влиянием недавнего отчета Полиции безопасности (КАПО) (ОПЭ – авт.), в котором клуб «Импрессум» был объявлен «враждебным» для Эстонии проектом»³⁸⁷.

В отличие от отеля Nordic Forum Национальная библиотека свой отказ предоставить зал мотивировала: «Национальная библиотека не желает принимать в своих помещениях компрометирующие наш дом мероприятия, которые могут вызвать провокации»³⁸⁸.

В январе 2015 г. отели Radisson Blu Hotel Olümpia, Meriton и Viru, а также библиотека в Ёйсмяэ и Центр русской культуры отказали в проведении встречи с Д. Къеза, в связи с чем встреча состоялась в Маардуском доме культуры, т.е. не в Таллине, а в другом городе. «В декабре 2014 года полиция задержала Къеза в гостинице Meriton в связи с запретом на пребывание в Эстонии. МВД запретил ему въезд в страну, объяснив это тем, что он может угрожать общественному порядку и государственной безопасности Эстонии». При этом глава отдела коммуникаций отеля Viru Пеэп Эхасалу заявил клубу, что «Отели также читают ежегодники КаПо (ОПЭ – авт.) и осведомлены об опасностях». «Центр русской культуры объяснил свой отказ нежеланием лезть в политику». Отель Olümpia заявил, что «они не хотят, чтобы их клиенты получили негативные эмоции»³⁸⁹. При этом некоторые отели не только отказали в помещении, но и отказались селить у себя Д. Къеза.

Теперь о запретах на въезд.

³⁸⁷ «Клубу «Импрессум» снова отказали».

<http://rus.delfi.ee/daily/estonia/klubu-impresum-snova-otkazali?id=23171761>

³⁸⁸ «Медиа-клубу «Импрессум» отказали в помещении»

http://www.slavia.ee/index.php?option=com_content&view=article&id=1878:--qq---&catid=94&Itemid=670

³⁸⁹ «Таллиннские гостиницы отказались принять Джульетто Къеза и проводить конференцию «Импрессума»».

<http://mke.ee/sobytiya/tallinnskie-gostinitsy-otkazalis-prinyat-dzhulietto-keza-i-provodit-konferentsiyu-impresuma>

В мае 2012 г. был выслан из Эстонии приехавший в «Импрессум» главный редактор журнала «Национальная оборона» И. Коротченко. Виза эксперта была аннулирована³⁹⁰.

В сентябре 2014 г. въезд в Эстонию был запрещён российскому политологу В. Жарихину, причём запрет на въезд был оформлен в тот же день, когда он прибыл в Эстонию³⁹¹.

В октябре 2014 г. полиция «развернула» в таллинском аэропорту приехавшего с выступлением в «Импрессум» российского академика В. Тишкова. При этом причины запрета на въезд не были обнародованы. По словам пресс-секретаря МВД Эстонии Михкеля Лойде «Всё, что касается запрета на въезд в отношении конкретных лиц, является предназначенной для внутреннего пользования информацией, которая засекречивается на 75 лет»³⁹².

В декабре 2014 г. полиция сорвала встречу с итальянским политиком и публицистом Д. Кьеза. «В то время как готовился конференц-зал для встречи с Джульетто Кьеза, для участия в которой зарегистрировалось около 300 человек, в гостиницу явилось четверо полицейских. Они заявили, что в его отношении принято решение о запрете пребывания в Эстонии, приказали собраться и вместе с багажом следовать за ними. А практически похитили гостя из гостиницы, не известив об этом ни организаторов публичной встречи с итальянским гостем, ни общественность через СМИ». «В Италии об этом, как о горячей новости, сообщили крупнейшие газеты, агентства и телеканалы. Группа итальянских дипломатов, аккредитованных в Эстонии, во главе с послом Marco Clemente, срочно отправились в эстонскую полицию спасать своего соотечественника. Они провели там более 5 часов, пытаясь уладить инцидент. В Таллин звонили из Брюсселя депутаты Европарламента Яна Тоом и Татьяна Жданок, желая получить исчерпывающую информацию, что за безобразия творятся в Эстонии, чтобы рассказать об этом своим коллегам. А в Риме, как позже расскажет Джульетто Кьеза, был вызван в итальянский МИД посол Эстонии, которому было заявлено о недопустимости проявления полицейского произвола в отношении уважаемого журналиста и общественного деятеля»³⁹³.

³⁹⁰ «Сеанс лечения от фобий».

<http://www.impressum-club.eu/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=680&cntnt01returnid=66>

³⁹¹ «Свободу слова запретить нельзя!»

<http://www.impressum-club.eu/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=1112&cntnt01returnid=66>

³⁹² «Власти Эстонии отказались объяснять отказ во въезде Тишкову»

<http://ria.ru/world/20141013/1028149553.html>

³⁹³ «Демократия отменяется?»

<http://www.impressum-club.eu/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=1185&cntnt01returnid=66>

В апреле 2015 г. после выступления в «Импрессуме» властями Эстонии трехлетней Шенгенской визы был лишён российский писатель Г. Садулаев³⁹⁴.

9.2.2. Потерпевшие

Группа потерпевших в кейсе преследования «Импрессума» гораздо шире, чем собственно учредители «Импрессума» Г. Сапожникова и И. Тетерин, работники клуба, а также их «развёрнутые» гости. Во-первых, это ещё и «благополучные» гости клуба, т.к. каждый из них испытывает неизбежный стресс из-за риска преследования. Очень показательной тут является сказанная перед выступлением фраза «благополучного» гостя клуба, польского учёного и политика М. Пискорского: «Надеюсь, что не надо будет звонить послу, как пришлось Джульетто Къезе»³⁹⁵.

Во-вторых, это публика, приходящая на заседания клуба, испытывающая фрустрацию из-за сорванных мероприятий и стресс от их возможного срыва. В связи с указанным преследованием посещение заседаний клуба стало формой выражения гражданской позиции, и многие из участников заседаний жаловались руководству «Импрессума» на то, что испытали давление на себя в связи с участием в заседаниях. Жалобы эти, по сообщению Г. Сапожниковой автору, были настолько многочисленными, что заседания клуба были перенесены на уверенное «послерабочее» время с тем, чтобы людям не приходилось отпрашиваться с работы, объясняя причину своей отлучки.

В-третьих, это журналисты из Эстонии, которые заранее согласовывают с «Импрессумом» свои предстоящие «интервью со звездой».

В-четвертых, это неопределённая группа деятелей науки и культуры, испытывающих стресс из-за преследования своих коллег. Так, например, «директор по исследованиям Высшей школы социальных наук Парижа Ален Блюм направил письмо на электронный адрес Посольства Эстонии во Франции, с просьбой довести его до сведения президента Эстонии Тоомаса Хендрика Ильвеса и министра внутренних дел Ханно Певкура. В письме французский учёный написал, что многие члены международного научного сообщества «с изумлением восприняли новость о запрете въезда на

³⁹⁴ «У нас свободы слова нет!»

<http://www.impressum-club.eu/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=1278&cntnt01returnid=66>

³⁹⁵ «Гость "Импрессума": надеюсь, что не надо будет звонить послу, как пришлось Джульетто Къезе».

http://www.impressum-club.eu/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=1313&cntnt01lang=ru_RU&cntnt01returnid=86

территорию Эстонии г-ну Валерию Тишкову, члену Российской академии наук, директору Института антропологии и этнологии»»³⁹⁶.

9.2.3. Мотивы преследования

Как уже указывалось во введении, для уголовного преследования мотивы преследования (неизбежное построение фразы – авт.) не могут быть произвольными.

Выявление мотивов преследования в уголовном производстве может стать сложной задачей. Рабочая гипотеза состоит в том, что преследование «Импрессума» осуществлялось по политическим и этническим мотивам. При этом политический мотив тесно переплетён с этническим – так же, как он переплетён в понятии «российская соотечественная политика». Главное доказательство такого интегрированного мотива – ежегодники ОПЭ и их инвективы в адрес «Импрессума». Помимо этого, как было показано выше, данный мотив доказывается и попытками отелей обосновать свой отказ в аренде зала для мероприятий клуба. Причинно-следственная связь между деятельностью ОПЭ по преследованию и вовлечением в неё собственников, руководства и служащих отелей доказывается двумя способами. Во-первых, заявлениями служащих отелей о том, что они «читают ежегодники ОПЭ». Во-вторых, заявлениями самой ОПЭ в ежегодниках о том, что последние призваны максимально возможно информировать «народ» с целью вынесения им «взвешенных решений», что ежегодники ОПЭ – «популярное издание». С учётом былой активности КГБ СССР именно в гостиницах и несомненной преемственности методов ОПЭ с методами работы КГБ представляется обоснованным предположение о том, что с руководством гостиниц ОПЭ «на короткой ноге».

Нет никаких сомнений в том, что преследование гостей «Импрессума» имело целью нанести вред, прежде всего, самому «Импрессуму», потому что найти какую-то логику в разделении гостей клуба на «въездных» и «невъездных» практически невозможно. Но, хотя причинно-следственные связи между «Импрессумом» и его гостями очевидны, формально действия МВД были обращены против гостей клуба, а не против самого «Импрессума», в связи с чем мотивы этих действий МВД должны быть изучены особо. И тут следствие обязательно столкнется с проблемой секретности. Вот как обстоятельства своего ареста перед высылкой описывает Д. Къеза: «Я сидел в гостиничном номере – и вдруг меня арестовали. За что – непонятно. Мне не предъявили никаких обвинений. Мне сказали, что существует какой-то указ

³⁹⁶ «Французский учёный направил президенту Ильвесу письмо с возмущением по поводу запрета на въезд академика Тишкова в Эстонию».

http://www.impressum-club.eu/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=1149&cntnt01lang=ru_RU&cntnt01ret urnid=86

против меня. Я задал вопрос: «А содержание этого указа?». Выяснилось – содержания они не знают. Не знают и не разглашают. «Собирайте ваши вещи в чемодан» - говорят. И отвезли в камеру»³⁹⁷.

Узнать мотивы ареста и выдворения из Эстонии Д. Кьезы удалось только после вмешательства итальянской дипломатии. Мотивы эти, как следует из официального ответа МВД ЭР, следующие: «Министерство внутренних дел, опираясь на деятельность и позицию господина Джульетто Кьеза, имеет основание полагать, что он участвует в деятельности, связанной с расширением влияния Российской Федерации, используя для прикрытия политику соотечественников. Кроме того, он входит в разные сообщества, целью которых является восстановление России до размеров Советского Союза любыми средствами. По оценкам сообществ, в которые входит Ваш гражданин, Эстония и другие бывшие Союзные Республики являются для России временно потерянными территориями, которые необходимо вернуть. Кроме того они обвиняют Эстонию в героизации нацизма и в коллаборационизме во время Второй мировой войны. Все эти заявления нагнетают ненависть и негативный настрой против Эстонского государства и народа. Кроме того, господин Джульетто Кьеза, находясь в Эстонии, сделал несколько заявлений в поддержку Арнольда Мери, который из-за участия в мартовской депортации (1949 года – ред.) находился под следствием и обвинялся в преступлении против человечности и геноциде. Поддержка и оправдание названной личности в его действиях серьёзно задевает чувство справедливости эстоноземельцев»³⁹⁸.

Как видно, данные мотивы либо полностью высосаны из пальца, либо совпадают с мотивами ОПЭ в преследовании «Импрессума». Характерно при этом, что ни одного «разного сообщества», в которое действительно или мнимо входит Д.Кьеза, МВД не называет.

9.2.4. Нарушение международного гуманитарного права

Выше было указано на то, что «преследование» должно означать «умышленное и серьезное лишение основных прав вопреки международному праву», и критерий противоречия международному праву обязательно будет иметься в виду, хотя в составе преступления из КоНЭ его нет. Из данного обстоятельства следует, что права потерпевших, нарушенные в результате преследования, должны, во-первых, входить в каталог основных

³⁹⁷ «ДжульеттоКьеза – persona non grata по секретному распоряжению»

http://www.impressum-club.eu/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=1212&cntnt01lang=ru_RU&cntnt01ret urnid=86

³⁹⁸ Джульетто Кьеза - МВД Эстонии: «Это самообвинение!».

http://www.impressum-club.eu/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=1208&cntnt01lang=ru_RU&cntnt01ret urnid=86

(фундаментальных) прав и, во-вторых, должны быть защищены международным правом. Последнее важно, т.к. далеко не все основные права, содержащиеся в национальных конституционных каталогах, признаются международным правом. Так, например, конституционное основное право «каждого эстонца поселиться в Эстонии» действительно только в Эстонии и не является универсальным.

Формальная проблема может возникнуть в вопросе применения международного гуманитарного права (прав человека) в отношении юридического лица, каковым является «Импрессум». Данное формальное препятствие преодолевается, прежде всего, тем, что «Импрессум», как клуб, является результатом реализации свободы ассоциаций, защищённой, например, ст. 20 Всеобщей Декларации прав человека, а в рамках уголовного производства рассматривается не как юридическое лицо, а как «идентифицируемая группа или общность». Конституция ЭР, также защищающая свободу ассоциаций, в ст. 48 содержит, кроме этого, довольно редкий для конституций «переходник». Так, согласно ч. 2 ст. 9 «Перечисленные в конституции права, свободы и обязанности распространяются на юридические лица постольку, поскольку это находится в соответствии с общими целями юридического лица и сущностью этих прав, свобод и обязанностей»³⁹⁹.

Отказ Национальной библиотеки, Центра русской культуры, гостиниц и других собственников конференц-залов предоставить последние в аренду для проведения мероприятий «Импрессума» без правомерных на то причин только на первый взгляд может быть истолкован как случай договорных отношений, при которых стороны вольны в заключении договора или отказе от него (свобода договора как принцип гражданского права). При отказе в предоставлении услуги принципиальны мотивы, исследованные выше. Мотивы же в данном случае нарушают сразу несколько положений международного гуманитарного права. Во-первых, неправомерный отказ в аренде зала нарушает свободу ассоциаций, в данном случае – препятствует клубу «Импрессум» в осуществлении своей основной уставной деятельности, - проведении творческих встреч с гостями клуба. Правомерность такой цели будет исследована ниже. Во-вторых, что гораздо важнее, подобный отказ нарушает запрет на дискриминацию, защищённый в международном гуманитарном праве многократно, в частности, ст. 14 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Возвращаясь к теме мотивов и связанной с ними сложностью их доказывания, следует указать на существенные расхождения между новейшим международным гуманитарным правом и уголовным правом в

³⁹⁹ Eesti Vabariigi põhiseadus

<http://www.estlex.ee/tasuta/?id=7&aktid=7020&fd=1&leht=1>

части доказывания дискриминационных мотивов⁴⁰⁰. Классическая для уголовного права презумпция невиновности требует, чтобы дискриминационные мотивы, характеризующие преступление преследования, были доказаны стороной обвинения. Директива Совета ЕС 2000/43/ЕС, т.н. «расовая директива»⁴⁰¹, напротив, устанавливает в ч. 1 ст. 8 «Бремя доказывания» обратное: «государства-участники должны предпринимать необходимые меры, в рамках своих национальных судебных систем, чтобы если лица, считающие, что им причинён вред в силу неприменения к ним принципа равенства, устанавливают перед судом или другой компетентной властью факты, на основании которых можно предположить, что имела место прямая или косвенная дискриминация, то ответчик должен доказать, что нарушения принципа равенства не было». Иными словами, не истец должен доказывать факт дискриминации, а ответчик должен доказать, что дискриминации не было. Для того же, чтобы доказать, что дискриминации не было, собственникам конференц-залов придётся предоставить суду правомерную (уважительную) причину для отказа «Импрессуму», причём не какую-то (типа внезапно придуманной эпидемии кори в гостинице), а зафиксированную и доведённую своевременно до «Импрессума». А таких причин нет, что должно быть истолковано судом как акт дискриминации.

Расхождение же с уголовным правом прямо зафиксировано в ч. 3 указанной статьи: «Часть 1 не должна применяться в уголовном процессе». Данное расхождение является существенным, но, как было показано выше, преодолимым препятствием.

Что же касается второго типа преследования «Импрессума», выражающегося в срыве мероприятий клуба путём ареста и высылки из страны гостей клуба, то тут опять-таки речь идет о нарушении свободы ассоциаций, конкретнее, препятствовании осуществлению клубом своих правомерных целей. Здесь следует особо подчеркнуть, что цель мероприятий клуба, конкретнее, творческих встреч с зарубежными гостями, деятелями науки и культуры, является не только не запрещённой законом (что могло бы, при известных условиях, оправдать вмешательство ОПЭ), но и охраняемой международным гуманитарным правом.

(Здесь следует отметить, что деятельность «Импрессума» не ограничивается организацией указанных творческих встреч. В качестве «перекрестной» деятельности «Импрессума» можно указать, например, на акцию «Богатства

⁴⁰⁰ См., например, N.Eremina, S.Seredenko. Right Radicalism in Party and Political Systems in Present-day European States, P. 182

⁴⁰¹ Council Directive 2000/43/EC of 29 June 2000 implementing the principle of equal treatment between persons irrespective of racial or ethnic origin
<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:32000L0043:en:HTML>

культуры – школам Эстонии»⁴⁰² в начале учебного 2013 г., которая была проведена при участии активистов Русской школы Эстонии и ЦП - других «фигурантов» ежегодников ОПЭ. Как указывалось выше, «перекрёстная» деятельность создает определённые сложности при выявлении групп риска преследования).

Возвращаясь к правомерности целей «Импрессума»: ч. 4 ст. 15 Международного Пакта об экономических, социальных и культурных правах устанавливает, что «Участвующие в настоящем Пакте государства признают пользу, извлекаемую из поощрения и развития международных контактов и сотрудничества в научной и культурной областях».

Заключительный Акт Совещания по Безопасности и Сотрудничеству в Европе, также называемый Хельсинкскими Соглашениями, в разделе 4 «Наука и техника» соглашения «Сотрудничество в области экономики, науки и техники и окружающей среды» устанавливает следующее: «... сознавая необходимость... быстрого осуществления и улучшения организации международных визитов ученых и специалистов - в том числе программ этих визитов - в связи с обменами, конференциями и сотрудничеством».

Подраздел «Контакты и сотрудничество» раздела «Сотрудничество и обмены в области культуры» главы «Информация» соглашения «Сотрудничество в гуманитарной и других областях» определяет, что государства-участники берутся «Способствовать подходящими средствами развитию контактов и сотрудничества в различных областях культуры, в частности между творческими работниками и деятелями культуры, а именно стремясь: – благоприятствовать поездкам и встречам деятелей культуры, включая там, где это необходимо, такие поездки и встречи, которые осуществляются на основе соглашений, контрактов или других специальных договоренностей и которые относятся к их культурному сотрудничеству».

Вопросы собственно пересечения границы затронуты в подразделе d) «Поездки по личным или профессиональным причинам» раздела 1) «Контакты между людьми» соглашения «Сотрудничество в гуманитарной и других областях»: «Государства-участники... намерены... постепенно упрощать и гибко применять порядок выезда и въезда»⁴⁰³.

Таким образом, в обязанности Эстонии, как государства-участника указанных международных договоров, входит «признание пользы» деятельности «Импрессума», выражающейся в «развитии международных контактов в научной и культурной областях», «сознавать необходимость

⁴⁰² «Старт акции в поддержку школ»

<http://www.impressum-club.eu/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=921&cntnt01returnid=66>

⁴⁰³ Заключительный Акт Совещания по Безопасности и Сотрудничеству в Европе

<http://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true>

быстрого осуществления и улучшения организации международных визитов ученых и специалистов», а также «благоприятствовать поездкам и встречам деятелей культуры».

Исследованная выше группа риска преследования, ядром которой является «Импрессум», существенно шире собственно «Импрессума», как юридического лица. Подавляющее большинство участников заседаний клуба – русские люди, как и абсолютное большинство спикеров – гости из России. В связи с этим преследование, выражающееся в препятствовании проведению и срыве мероприятий клуба, нарушает также ч. 1 ст. 17 Рамочной Конвенции о защите национальных меньшинств, согласно которой «Участники обязуются не препятствовать осуществлению права лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, устанавливать и поддерживать свободные и мирные трансграничные контакты с лицами, на законном основании находящимися на территории других государств, в частности, с лицами, с которыми их связывает общая этническая принадлежность, культура, язык или религия или общее культурное наследие».

9.2.5. Подозреваемые

КоНЭ даёт, как уже указывалось, очерки преследующей системы – преступление преследования должно совершаться «под руководством или подстрекательстве государства, организации или группы». В данном случае подстрекательство к преследованию «Импрессума» со стороны гендиректора и редактора ежегодников ОПЭ очевидно. Вопрос для следствия – являлись ли они только подстрекателями или организаторами гостиничных отказов? В последнем есть обоснованные сомнения, если учесть разнотипные ответы гостиниц и отсутствие у ОПЭ формальной власти над распорядителями конференц-залов. В данном случае как раз последние являются исполнителями.

В случае с высылкой из Эстонии гостей клуба, арестом Д. Къезы и аннулировании виз, повлекших за собой либо срыв мероприятий клуба, либо угрозу срыва (некоторые российские гости могут отказаться ехать в Эстонию по той причине, что им угрожает аннулирование Шенгенской визы и запрет на въезд), подстрекателями опять-таки являются два указанных офицера ОПЭ, организаторами – командиры тех подразделений полиции и погранслужбы, которые отдавали соответствующие приказы, а исполнителями – соответственно те служащие, которые данные приказы исполняли.

9.2.6. Перспективы

Вместе с тем минимальный срок заключения, установленный КоНЭ за совершение преступления против человечности – 8 лет. В связи с такой

суровой минимальной санкцией перспективы уголовного расследования в части указанного преследования клуба «Импрессум» в Эстонии представляются невероятными, тем более, что расследование преступлений против человечности, как уже указывалось выше, входит в задачи самой ОПЭ.

9.2.7. Процедура передачи ситуации в МУС

Рассмотрим для полноты картины процедуру передачи ситуации с преследованием клуба «Импрессум» в МУС – без оценки перспективы рассмотрения этой ситуации в связи с тем, что преследование клуба «Импрессум» явно не подпадает под юрисдикцию МУС сразу по нескольким, рассмотренным выше признакам.

Так, согласно ст. 13 РС, «ситуация» может быть «передана» в МУС тремя субъектами: государством-участником, Советом безопасности или прокурором. Т.к. Россия не является государством-участником МУС, то, в интересах Д. Кьезы, ситуацию в МУС может передать Итальянская Республика. Насколько это практически осуществимо, неизвестно.

Более предпочтительный вариант – передача ситуации через прокурора в соответствии со ст. 15 РС. Данная статья обезличена в отношении субъекта, предоставляющего прокурору информацию о преступлении. Согласно ч. 1 этой статьи «Прокурор может возбуждать расследование *proprio motu* на основе информации о преступлениях, подпадающих под юрисдикцию Суда». Только в ч. 6 упоминаются «те, кто представил эту информацию», и они, по всей видимости, в общем случае не тождественны «потерпевшим». Существенные с точки зрения данного исследования положения содержатся в частях 2-4 ст. 15:

«2. Прокурор оценивает серьезность полученной информации. С этой целью он или она может запрашивать дополнительную информацию у государств, органов Организации Объединенных Наций, межправительственных или неправительственных организаций или из иных надежных источников, которые он или она сочтёт подходящими, и может получать письменные или устные свидетельства в месте пребывания Суда.

3. Если Прокурор делает вывод о наличии достаточных оснований для возбуждения расследования, он или она обращается в Палату предварительного производства с просьбой дать санкцию на проведение расследования вместе с любыми подкрепляющими эту просьбу собранными материалами. Потерпевшие могут делать представления Палате предварительного производства в соответствии с Правилами процедуры и доказывания.

4. Если Палата предварительного производства после изучения этой просьбы и подкрепляющих её материалов сочтёт, что имеются достаточные основания для возбуждения расследования и что это дело, судя по всему, подпадает под юрисдикцию Суда, она дает санкцию на возбуждение расследования без ущерба последующим определениям Суда в отношении юрисдикции приемлемости дела к производству».

Доступный автору обзор обращений в МУС позволяет выдвинуть гипотезу о том, что предпочтительно, чтобы «тем, кто представил эту информацию», была авторитетная международная неправительственная организация. Так, в январе 2015 г. МУС принял к производству ситуацию о преступлениях против человечности на Украине, переданную ему Московским отделением Международного Красного Креста⁴⁰⁴.

9.3. Преступление преследования: латвийский опыт

Как уже указывалось выше, данное в УЗЛ определение преступления против человечности, одной из альтернатив которого является «преследование», непригодно для построения примерного кейса сразу по нескольким причинам. В связи с этим латвийский опыт будет изучен путём «первого приближения» к гипотетическому составу преступления - посредством исследования и наполнения ключевых элементов состава преступления. Если эстонский опыт был исследован на одном конкретном примере, то в случае преследования правозащитников в Латвии, наоборот, исследуется весь доступный автору массив правонарушений в отношении правозащитников. Тем самым данный раздел призван восполнить очевидный недостаток исследования – отсутствие каталога фактических преследований. Каталог акций преследования правозащитников в Латвии тем самым будет структурирован, исходя из общих элементов состава преступления. Данный подход продуктивен прежде всего тем, что позволяет назвать имена конкретных подозреваемых в преследовании правозащитников в Латвии. Вместе с тем автор считает необходимым подчеркнуть, что речь ни в коем случае не идёт о построении реального кейса, чему прежде всего препятствует данная в УЗЛ формулировка преступления против человечности.

9.3.1. Объект преступления преследование русских правозащитников в Латвии

Объектом преступления всегда являются общественные отношения, которым причиняется вред. Дезорганизация (нарушение) общественных отношений происходит путем ограничения или лишения прав и свобод участников

⁴⁰⁴ «Суд в Гааге принял жалобу Красного Креста о преступлениях ВС Украины»
<http://lifenews.ru/news/148327>

общественного отношения, воздействия на материальные предметы, вещи, либо путем разрыва социальной связи между субъектами отношения.

В рассматриваемом нами преступлении преследование русских правозащитников объектом преступления выступают отношения, существующие в рамках русской общины Латвии.

Русскую общину Латвии образуют люди, которые проживают в Латвии, придерживаются русских духовных ценностей, считают в качестве родных русскую культуру и русский язык. Между этими людьми существуют отношения по поводу воспроизводства их этнической идентичности.

В качестве важнейшего практического критерия, по которому можно определить принадлежность индивида к этнической общности является его родной язык. Для индивидов, принадлежащих к русской этнической общности это русский язык.

По материалам переписи населения Латвии на 1 марта 2011 г. 770,1 тыс. человек, или 37,2% всех жителей, продекларировало русский язык в качестве родного (с учетом пропорционального пересчета некоторого числа лиц, отказавшихся во время переписи указать свой родной язык)⁴⁰⁵

Вторую этническую общину Латвии образуют латыши. По материалам переписи населения на 1 марта 2011 г. в Латвии жило 1285,6 тыс. человек считающих своим родным языком латышский. Латышами таким образом признавали себя 62,1% населения.

Остальные 14,4 тыс. жителей Латвии идентифицировали себя по критерию родного языка, белорусами, украинцами, поляками, литовцами и представителями некоторых других этносов.

Таким образом, латвийская нация является полиэтнической: состоит из двух основных этнических общин - русской и латышской, а также незначительного числа национальных меньшинств.

Как и любой другой развитый этнос, русские Латвии воспроизводят свою идентичность с помощью социальных институтов. Таковыми институтами являются детские сады, школы, высшие учебные заведения, театры, музеи, библиотеки, галереи, средства массовой информации, клубы, дома культуры, кружки танца и песни, литературы, истории. В рамках этих институтов происходит выработка и поддержание духовных ценностей, культуры и

⁴⁰⁵ http://data.csb.gov.lv/pxweb/lv/tautassk_11/tautassk_11__tsk2011/TSG11-07.px/table/tableViewLayout1/?rxid=992a0682-2c7d-4148-b242-7b48ff9fe0c2

языка русского этноса, передача идентичности от одних индивидов другим, от старшего поколения к младшему.

Русские социальные институты действуют в Латвии как элементы государственной системы управления и финансирования, на частнопредпринимательской основе и как общественные объединения членов этноса.

Наиболее значимыми русскими общественными социальными институтами являются: Русская община Латвии, Лиепайская русская община, Русская община Алуksне, Русская община г.Ливаны, Екабпилская русская община, Вентспилская русская община, Даугавпилская русская община, Елгавская русская община, Русское общество в Латвии. Юрмальская русская община, Балто-Славянское общество, Русское общество в Латвии.

Члены русской общины исповедуют, главным образом, православие и древлеправославие. Число лиц, принадлежащих к этой конфессии составляло в 2012 г. 421,3 тыс. человек⁴⁰⁶.

Латыши исповедовали, главным образом, католицизм и лютеранство.

В Латвии христианские праздники (Рождество, Пасха) отмечаются только по григорианскому календарю. В силу этого, члены русской общины, исповедующие православие и древлеправославие и живущие по юлианскому календарю, лишены возможности отмечать свои праздники.

Русские жители пользуются также услугами российских социальных институтов, поскольку не имеют возможности полноценно воспроизводить свою этническую идентичность в Латвии. Они пользуются услугами российских средств массовой информации, ходят на гастроли российских театров, смотрят российские кинофильмы, посещают российские художественные выставки и лекции приезжающих из России деятелей культуры, учатся в российских высших учебных заведениях.

Внутри любой этнической общины существует разделение на элиту и массы. Социальная элита формулирует интересы, ставит цели и задачи, организывает массы на их выполнение, находит средства и стимулирует тех, кто работает на интересы этноса. Обычно представители социально элиты находятся во главе этнических социальных институтов. Возможность поддерживать связи между социальной элитой и массами являются непременным условием существования любого этноса.

⁴⁰⁶ <https://www.sedmitza.ru/text/3924762.html>

Помимо социальных институтов, воспроизводство любых этнических отношений зависит от деятельности политических институтов, которые регулируют социальные и экономические отношения в обществе. Для влияния на деятельность политических институтов этнос нуждается в доступе к политическому процессу, в частности нуждается в праве на представительство в политических институтах общества.

В Латвии значительное число людей лишено права на участие в политическом процессе, права на представительство, поскольку обладает статусом неграждан⁴⁰⁷.

Неграждане это практически исключительно люди, живущие на русской ценностной, культурной и языковой основе. На 1 июля 2011 г. из 319,2 тыс. неграждан 209,9 тыс. или 65,7%, проходили по документам, как русские. Еще 109,2 тыс. неграждан, или 34,2%, числились по документам украинцами, белорусами, поляками, литовцами, но использовали русский язык в качестве родного, а потому также реально были членами русской общины республики. Латышей среди неграждан было только чуть больше одной тысячи (1078)⁴⁰⁸.

Таким образом, неграждане по своему этническому составу на 99% являются русскими, и только на 0,08% латышами. Это позволяет говорить о том, что институт неграждан это чисто русская проблема. В настоящее время 41,2% всех членов русской общины обладает статусом неграждан. Остальные имеют статус граждан ЛР, РФ или других государств.

Неграждане появились в республике после решения Верховного Совета Латвийской Республики от 15 октября 1991 г. «О восстановлении прав граждан Латвийской Республики (ЛР) и основных условиях натурализации». Согласно этому решению гражданство Латвии было признано только за гражданами довоенной ЛР и их потомками. В составе этой категории населения численность русских была невелика. Именно это было причиной решения властной элиты о введении в Латвии института неграждан. По своему политическому смыслу это было целенаправленное лишение правящей латышской элитой более половины русского населения прав гражданства.

Правовой статус неграждан не дает им права избирать и быть избранным в органы муниципальной, государственной власти, а также в Европейский парламент. Помимо этого, неграждане ограничены ещё по 85 политическим и социально-экономическим позициям⁴⁰⁹.

⁴⁰⁷ http://www.pctvl.lv/pdf/Negrazhdane_Latvii.pdf

⁴⁰⁸ http://www.pmlp.gov.lv/lv/assets/documents/statistika/01.07.2011/2ISVN_Latvija_pec_TTB_VPD.pdf

⁴⁰⁹ http://www.lhrc.lv/biblioteka/svod_razl_2013_rus.pdf

После лишения в 1991 г. огромных масс русского населения прав гражданства они потеряли право на представительство и были оттеснены от политического процесса. Это позволило правящей латышской элите ликвидировать целый ряд русских социальных институтов. Так, были принудительно закрыты государственные высшие и средние специальные учебные заведения, в которых преподавание шло на русском языке. Библиотечные фонды русской литературы были отчасти уничтожены, а оставшиеся фонды перестали пополняться литературой на русском языке. Артефакты, свидетельствующие о жизни русских в Латвии, из музеев были удалены, а трактовка истории русских в оставшихся музейных экспозициях искажена. Тем, кто был не согласен с искаженной трактовкой истории русского этноса с 2014 г. стало грозить осуждение на 5 лет лишения свободы в соответствии со статьей 74 прим УЗЛ⁴¹⁰.

В 1991 г. русский язык был объявлен иностранным и его запретили использовать в общественном обороте, хотя даже в 2011 г. в Латвийской республике он был родным для 37,2% населения. На латвийские СМИ власти наложили ограничения по использованию русского языка. На территории республики запретили трансляцию ряда российских телевизионных и радиоканалов.

Все эти действия латвийской правящей элиты вели к разрушению социальных институтов, которые обеспечивали воспроизводство русской идентичности, разрывали этнические связи в русской общине. При этом русские не имели возможности защитить свои права через существующую систему правовых институтов, поскольку почти половина из них была лишена прав гражданства.

Общая установка правящей в Латвии латышской элиты на лишение русских возможностей воспроизводить свою этническую идентичность была закреплена в преамбуле к Конституции ЛР и заложена в институциональные основы латвийского государства.

19 июня 2014 г., в качестве ответа латышской правящей элиты на массовое выступление русских за сохранение своего родного языка в ходе проведения в 2011-2012 гг. референдума за предоставление русскому статусу второго государственного языка, Сеймом была принята Преамбула к Конституции. В Преамбуле официальная доктрина отношения к нетитульным этносам, прежде всего к русским, формулируется следующим образом: «Латвийское государство, провозглашенное 18 ноября 1918 года, создано путем объединения исторических латышских земель на основании непреложной воли латышской нации и ее неотъемлемого права на самоопределение, чтобы гарантировать существование и развитие латышской нации, ее языка и

⁴¹⁰<http://likumi.lv/doc.php?id=88966>

культуры на протяжении веков, обеспечить свободу всего народа и каждого человека Латвии и способствовать благосостоянию. (...)

Идентичность Латвии в культурном пространстве Европы с давних времен формируется латышскими и ливскими традициями, латышской жизненной мудростью, общечеловеческими и христианскими ценностями. Верность Латвии, латышский язык как единственный государственный, свобода, равенство, солидарность, справедливость, честность, трудовая нравственность и семья составляют основу сплоченного общества»⁴¹¹

То есть, существование латышской нации, латышского языка и культуры, основным законом страны гарантируется, а вот нетитульным этносам обеспечиваются только **свободы**. В Преамбуле подчеркивается, что идентичность страны (правильно говорить идентичность жителей страны - автор) определяется только латышскими и ливскими (ныне вымершим этносом – автор) традициями, жизненной мудростью, общечеловеческими и христианскими ценностями, но никак не духовными ценностями 37,2% русского населения республики. Только латышский язык, но не родной для 37,2% населения республики русский язык, составляет, по мнению авторов Преамбулы Конституции ЛР, основу сплоченности латвийского общества.

Не имея возможности действовать в рамках существующей политической системы русские Латвии создали собственные институты представительства их интересов – Конгресс неграждан и Парламент непредставленных.

В марте 2013 г. 640 человек в Риге учредили общественное движение Конгресс неграждан (КН). Движение ставило перед собой цель ликвидировать массовое безгражданство в Латвии. Движение возглавило выборное Правление.

В июне месяце КН провел выборы в Парламент непредставленных. В выборах впервые участвовали как граждане, так и неграждане республики. В ходе прямых и равных выборов 15,1 тыс. человек на конкурсной основе, избрали представительный орган, который состоит из 30 депутатов. Парламент непредставленных был выбран для того, чтобы представлять интересы всех членов русской общины, независимо от их гражданства, бороться против режима этнической дискриминации в стране, защищать право на родной язык и культуру. Членами Парламента непредставленных стали видные активисты русского общественного движения, юристы, преподаватели университетов, деятели русской литературы и культуры, предприниматели. Многие из них одновременно были руководителями

⁴¹¹ Конституция Латвийской Республики. <http://www.satv.tiesa.gov.lv/?lang=3&mid=8>

организаций, работавших в рамках русской общины республики.

Парламент непредставленных проводил сессии, на которых депутаты формулировали интересы неграждан и всех членов русской общины по важнейшим общественным и политическим проблемам. Правление Конгресса неграждан организовывало выполнение этих решений.

Обе организации не регистрировались в Регистре предприятий Латвии из-за опасения в отказе, поскольку ставили своей целью ликвидацию института неграждан и защиту прав членов русской общины республики, что противоречило курсу латышской правящей элиты. Латвийское законодательство не требует обязательной регистрации созданных организаций.

ПН и КН существовало на добровольные пожертвования тех, кто поддерживал их деятельность. Депутаты и члены правления денежного вознаграждения за свою работу не получали.

По своему статусу депутаты ПН и члены правления КН были представителями элиты, на которых члены русской общины возложили ответственность за формулирование и представление их интересов, защиту этих интересов правовыми методами в Латвии и за ее пределами.

Объектом преступления преследования в рассматриваемом нами случае являются отношения между русской элитой и массами русского населения. Русская элита представлена правозащитниками, которые занимаются защитой интересов членов русской общины республики. Разрушение этих социальных связей не позволяет полноценно воспроизводить идентичность русского населения Латвии, ведет к его ассимиляции, то есть к уничтожению.

Непосредственным предметом преступления являются активисты-правозащитники, которые отстаивают права русских Латвии на существование, как самостоятельного этноса. Мы ограничиваем круг пострадавших русскими правозащитниками, которые подверглись преследованию правоохранительных органов республики в период с начала 2011 г до конца 2015 г.

Круг пострадавших правозащитников выявляется в ходе анализа публичных отчетов ПБЛ за 2011-2014 гг. и анализа действий ПБЛ в отношении этих лиц в 2015 г.

Так, в отчете ПБЛ за 2011 г. в качестве персон угрожающих национальной безопасности Латвии называются В.Линдерман, Е.Осипов, Ю.Зайцев, А.Гапоненко, Б.Зельцман. В отчете за 2012 г., в качестве «опасных» персон

упоминаются: Е.Осипов, В.Линдерман, И.Гирс, Г.Песков. Не упоминаются, но являются фигурами умолчания в отчете А.Гапоненко и Ю.Зайцев. Отчет ПБЛ за 2013 г. в качестве «опасных» персон в отчете названы: В. Гушин, А.Гапоненко, Й.Корен, В.Кравцов, Б.Зельцерман, В.Линдерман, Е.Осипов, Э.Граудиньш, Е.Кривцова, М.Драгиле, Е.Бачинска, И.Гирс. В отчете ПБЛ за 2014 г. названы: В. Гушин, А.Гапоненко, Й.Корен, Э.Гончаров, В.Линдерман, Е.Осипов, Э.Граудиньш, Е.Кривцова, М.Драгиле, Е.Бачинска, И.Гирс, А.Стариков, А.Солопенко, А.Яковлев, Д.Прокопенко, С.Букайн, К.Загоровская, М.Трошина, О.Борисова, Т.Жданок, А.Мирский.

Всю совокупность этих персон можно определить, как русских правозащитников, поскольку всех их объединяла цель действовать в защиту прав русского населения, включая право на использование родного языка и воспроизводство родной культуры.

9.3.2. Субъекты преступления преследование русских правозащитников в Латвии

Субъектом преступления является вменяемое лицо, совершившие преступные деяния.

В случае с русскими правозащитниками субъектами, которые намечали жертвы среди русских правозащитников и организовывали их преследование были начальники Полиции безопасности Латвии.

С ноября 1999 г. по октябрь 2014 г. должность начальника ПБ исполнял генерал ЯнисРейникс. 1960 г. рождения. Закончил Академию полиции, в которой получил образование юрист. Имеет многолетний опыт работы в МВД. Правоспособен.

С ноября 2014 г. по настоящее время ПБ возглавляет полковник НормундМежветис. 1973 г. рождения. Он закончил Латвийский университет и является магистром социальных и гуманитарных наук. Правоспособен. Н.Межветис работал под началом Я.Рейникса с 2005 г.

9.3.3. Объективная сторона преступления преследование русских правозащитников в Латвии

Объективная сторона преступления заключается в действии или бездействии субъекта преступления, которые привели к совершению преступления, и которые находятся между собой в причинной связи, когда наличествует способ, средства, место и время и обстановка совершения преступления.

Выделим основные объективные элементы преступного деяния по преследованию русских правозащитников в Латвии.

А. Дискредитация русских правозащитников с целью разрушения социальных связей в русской общине

Полиция безопасности Латвии учреждение государственной безопасности, находящееся в ведении Министерства внутренних дел.

ПБЛ свою деятельность осуществляет согласно следующим нормативным документам ЛР: Закон «О национальной безопасности», Закон «Об оперативной деятельности», Закон «Об учреждениях государственной безопасности», Закон «Р государственной тайне», Закон «О полиции».

Согласно п.3 Положению о ПБЛ⁴¹², руководство ПБЛ осуществляет ее начальник. Начальника назначает Кабинет Министров Латвии. Также согласно п.8 Положений о ПБЛ, начальник ПБЛ обеспечивает законность деятельности ПБЛ.

Согласно п.11 Положений о ПБЛ, не реже чем раз в год, ПБЛ обязано предоставлять МВД отчет об исполнении своих функций и о расходе бюджетных средств.

Отдельно следует отметить, что «Положения о Полиции безопасности» не содержат обязанность составлять публичный отчет о результатах своей деятельности или об обнародовании части отчета об исполнении своих функций, который ПБЛ предоставляет ежегодно МВД.

Тут же следует отметить, что нормативные акты на прямую не запрещают ПБЛ такой публичный отчет создавать, однако данное действие, если оно не является обязательным согласно нормативным актам, носит исключительно пропагандистский характер, так как никаких ссылок на доказательную базу или какие-либо правовые основания, публичный отчет не подразумевает.

Руководители ПБЛ, в период с начала 2010 г. по октябрь 2014 г. Я.Рейниекс, а в период с октября 2014 г. по конец 2015 г. затем Н.Межветис задумали и реализовали действия по созданию публичного отчета о деятельности возглавляемой ими организации. Они давали указания своим подчиненным составлять отчеты таким образом, чтобы дискредитировать русских правозащитников, лишить их авторитета среди членов русской общины, возбуждать к ним ненависть со стороны членов латышской общины. Я.Рейниекс и Н.Межветис давали также указания своим подчиненным распространить содержание этого отчета в латвийских СМИ,

⁴¹² Правила КМ №934 от 16.11.2004 года.

В отчетах ПБ за 2011-2014 гг. в качестве врагов Латвийской республики были специально выведены правозащитники, выступавшие в защиту интересов русской общины. Материал отчетов составлялись таким образом, что в отношении правозащитников у читателей должно было складываться негативное восприятие. Этот эффект достигался тем, что описание действий потерпевших шло в разделах, которые носили название «Контразведка», «Защита конституционного строя», «Исследование деятельности экстремистских и радикально ориентированных организаций и персон», «Политика соотечественников, реализуемая РФ в Латвии», «Безопасность информационного пространства». Размещение в разделах с таким названием фамилий любых персон означает, что они либо иностранные шпионы, либо выступают против конституционного строя, либо экстремисты и радикалы, либо иностранные марионетки, либо подрывают информационную безопасность общества, либо совмещают в себе все эти негативные черты.

Деятельность потерпевших в этом контексте в отчетах описывалась, как преступная, хотя доказательств преступлений не приводится и суд не определял, что они преступники. Так, преступной в отчетах ПБЛ определялась: деятельность правозащитников по проведению референдума по предоставлению русскому языку статуса второго государственного; активная работа в рамках любых русских общественных организаций; обучение русских детей в Латвии и в России; защита активистами прав неграждан; защита социально слабых слоев населения; антифашистская деятельность; создание политических партий и организаций, которые своими целями ставили защиту интересов русского населения; съемки фильмов, издание книг, проведение научных конференций, публикация статей и устные выступления правозащитников в СМИ, если они шли в разрез с официальной идеологической доктриной.

Начиная с 2013 г. в публичных отчетах стали приводить фотографии потерпевших, что позволяло читателям отчетов их идентифицировать в публичных местах и проявлять по отношению к ним негативные эмоции, запугивать их, требовать депортации из Латвии, угрожать нанесением физических повреждений или смертью. На это указывают свидетельские показания свидетелей А.Гапоненко и Э.Граудиньша. Они неоднократно делились своими опасениями за жизнь в СМИ⁴¹³⁴¹⁴.

⁴¹³<https://jenkers.com/ru#!t=5047356>

⁴¹⁴http://baltnews.lv/riga_news/20150612/1013963563.html

С 2014 г. деятельности некоторых правозащитников, как, например, А.Гапоненко, В.Гущин, Е.Кривцова, в отчетах ПБЛ стали посвящать отдельные разделы. Это позволяло маркировать таких персон в общественном пространстве, как «наиболее угрожающих безопасности Латвии».

В отчетах ПБЛ широко применялся язык вражды и ложные обвинения. Так, например, В.Линдермана и Е.Осипова называли радикалами и экстремистами, хотя они не были осуждены судом за деятельность, носящую радикальный политический характер или за экстремизм.

Другой пример, в отчете ПБЛ целью действий В.Линдермана, А.Гапоненко, Е.Осипова, организовывавших референдума за предоставление русскому языку статуса второго государственного в 2011-2012 гг., объявлялось получение «популярности, известности в обществе и политических дивидендов»⁴¹⁵.

Между тем, данные лица были достаточно популярны в русской общине задолго до проведения референдума, а политических дивидендов они получить от своих действий не могли, поскольку, как неграждане, лишены возможности избирать и быть избранными в какие-либо представительные органы или поступить на службу в исполнительные органы власти.

В отчетах ПБЛ широко использовались такие приемы, как унижение русских правозащитников. Так, А.Гапоненко в отчете ПБЛ за 2013 г. характеризовался, как «псевдоэксперт» и «псевдоисследователь», несмотря на то, что он имел ученую степень доктор экономических наук, был почетным профессором БМА и членом Нью-Йоркской Академии Наук, директором исследовательского института, издал более десятка научных монографий и несколько сотен публицистических статей. Вся его беда заключалась в том, что он выступал с оценками, которые не удовлетворяли правящую латвийскую элиту.

Начиная с 2013 г., в отчетах ПБЛ все русские правозащитники стали представляться, как лица не имеющие влияния в русской общине. Поскольку дискредитация лиц, не имеющих влияния не имеет смысла, то выходит, что такого рода ложные оценки специально давались в отчетах ПБЛ для того, чтобы ослабить влияние правозащитников среди членов русской общины.

Другим приемом, который использовался в отчетах ПБЛ с 2012 г. стало представление русских правозащитников, как персон не самостоятельных в

⁴¹⁵Публичный отчет Полиции безопасности за 2011 г., с. 5

своих действиях, а работающих в интересах Российской Федерации. В качестве доказательств «марионеточности» русских правозащитников использовались данные о том, что часть из них получает средства из российских благотворительных фондов на достижение своих уставных целей. Реально это были средства на издание книг, подготовку фильмов, проведение фольклорных праздников, поддержание русского языка, организацию научных конференций, обучение молодежи на русском языке. Латвийское законодательство не запрещает общественным организациям получение средств из-за границы. Поэтому обвинения ряда русских правозащитников в том, что они реализуют интересы России на основании того, то возглавляемые ими организации получают финансирование из России было необоснованным, а потому ложным.

По указанию начальников ПБЛ подготовленные отчеты широко распространяла в латвийских СМИ. Для этого наиболее активно использовались латышско-русские порталы Delfi.lv, Tvnet.lv, Apollo.lv, латышские передача Nekarpersonigi телеканала TV-3, латышская газета «Latvijasavize», и латышский журнал «Ir».

Например, сведения о получении правозащитниками средств из России были одновременно опубликованы во всех латвийских изданиях, все публикации были сделаны под копирку⁴¹⁶⁴¹⁷

Авторы публикаций в этих изданиях, действуя в рамках, заданных отчетами ПБЛ направлений, активно занимались дискредитацией русских правозащитников. Они делали личные выпады против правозащитников, возбуждали по отношению к ним ненависть с помощью специфическими литературных и визуальных приемов. Так, использовались экспрессивные негативные и даже враждебные выражения, подбирались фотографии, искажающие внешний вид человека, создавались карикатурные рисунки, снабженные унижающие человеческое достоинство надписями, строился негативный видеоряд, в котором на факты накладывались вымыслы, использовалась гнетущей и тревожной музыка, звуковой какофонией. Особой тенденциозностью отличалась передача “Nekarpersonigi” телеканала TV3⁴¹⁸⁴¹⁹⁴²⁰

Таким образом, отчеты ПБЛ за 2011-2014 гг. использовались Я.Рейниексом и Н.Межветисом в качестве орудий нанесения вреда русским активистам

⁴¹⁶ <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/rebaltica-40-organizacij-v-baltii-poluchili-ot-rossijskih-fondov-ne-menee-15-mln-evro.d?id=46385411>

⁴¹⁷ http://rus.tvnet.lv/novosti/obschjestvo/300932-issledovaniye_sjem_latviyskih_organizacij_mogli_poluchit_ot_rossii_boljeje_680_tis_jevro

⁴¹⁸ <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/elerte-i-linderman-stali-personazhami-komiksa.d?id=42117312>

⁴¹⁹ <http://www.delfi.lv/news/national/politics/drosibas-policija-aizturejusi-prokrievisko-aktivistu-gaponenko.d?id=46019447>

⁴²⁰ <https://www.facebook.com/nekapersoniga/videos/3366938379552/>

правозащитникам. Опасность применения этого орудия заключалась в том, что эти два руководителя ПБЛ действовали от имени государства и прикрывали свои преступные действия тем, что представляли себя защитниками непосредственно государственной, а косвенно и общественной безопасности.

Руководители ПБЛ дискредитировали русских правозащитников не только с помощью таких инструментов, как публичные отчеты, но и выступая в СМИ лично. Так с целью дискредитации активистов общества «Родной язык», занимавшихся организацией референдума за русский язык, Я.Рейникс обвинил их в СМИ в получении денег из России⁴²¹, а Н.Межветис обвинил в СМИ А.Гапоненко в получении денег на подготовку фильма «Ювенальная юстиция» и других, на подготовку и публикацию книг, на проведение курсов по обучению русской молодежи⁴²².

В результате давления на общественное сознание жителей Латвии Я.Рейникс и Н.Межветис добились того, что во все СМИ русские активисты либо вообще не допускались, либо информация о них давалась только в негативном контексте.

В результате преступной деятельности Я.Рейникса и Н.Межветиса был нанесен ущерб В.Линдерману, Е.Осипову, Ю.Зайцеву, А.Гапоненко, Б.Зельцерману, И.Гирсу, Г.Пескову, В. Гущину, Й.Корену, Э.Гонаров, Э.Граудиньшу, В.Кравцову, Е.Кривцовой, М.Драгиле, Е.Бачинской, А.Старикову, А.Солопенко, А.Яковлеву, Д.Прокопенко, К.Загоровской, М.Трошиной, О.Борисовой, Т.Жданок, А.Мирскому.

Ущерб заключался в том, что русские правозащитники были выставлены в глазах членов русской общины врагами государства, людьми не авторитетными, не компетентными, действующими в интересах иностранного государства, а не членов русской общины. Правозащитники – руководители русских общественных организаций стали испытывать проблемы с привлечением в них новых членов, а часть старых членов их покинула, поскольку не могла адекватно оценить риски и поверила отчетам ПБЛ и выступлениям начальников этой организации в том, то их руководители – «преступные элементы».

Кроме того, в результате потери репутации А.Гапоненко, И.Гирс, Д.Прокопенко лишились работы. Остальные пострадавшие, которые занимались бизнесом потеряли часть клиентов. Все пострадавшие лишились ряда личных друзей и знакомых, которые стали опасаться поддерживать с

⁴²¹<http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/rejniks-kampaniya-za-vtoroj-gosyazyk-svyazana-s-rossiej-realnyj-lider-gaponenko.d?id=42145648>

⁴²²<http://tvplay.skaties.lv/parraides/neka-personiga/683000>

ними связи из-за негативных оценок, которые были распространены в отношении них ПБЛ через СМИ.

В итоге было осуществлено массовое и систематическое преследование группы лиц, которые принадлежали к русской общине и которые активно защищали интересы остальных членов русской общины. Преступники целенаправленно разрушали социальные связи внутри русской общины и подрывали возможности по ее структурированию в рамках русских социальных институтов.

Б. Необоснованное административное и уголовное преследование русских правозащитников

Я.Рейниекс в период с начала 2011 г. по октябрь 2014 г. и Н.Межветис в период с октября 2014 г. по конец 2015 г., находясь на должности начальника ПБЛ, инициировали ряд необоснованных административных и уголовных процессов против русских правозащитников с целью разрушения русской общины.

12 октября 2012 ПБЛ было заведено уголовное дело № 11840004912 за участие в организации научно-практической конференции «Автономия Латгалии: политический, правовой, экономический, историко-культурный аспекты», которая прошла в г. Даугавпилсе 8 декабря 2012. Обвиняемыми по этому делу были Е. Осипов, В. Линдерман, И. Гирс и Г. Песков. Непосредственно перед конференцией 6 декабря по месту фактического проживания в Лиенае Е. Осипова, и в Риге по месту жительства В. Линдермана и И. Гирса прошли обыски. Они проводились под предлогом необходимости обнаружения предметов в связи с преступлением, заключавшимся в организации конференции. Во время обысков были конфискованы компьютеры, документы и материалы социологического опроса, выяснявшего отношения жителей к идее автономизации региона. Дело до сих пор находится в делопроизводстве ПБЛ, фактически никакого движения по нему нет. Последнее известное движение было 13.03.2013, когда был произведен допрос И. Гирса.

Вот как оценил проведение обысков участник конференции проф. А. Бердников в интервью portalу Delfi: "Видимо, это делают, чтобы запугать людей, чтобы просто сорвать мероприятие. Но ведь это просто конференция, дискуссия... При желании можно приехать и выступить

против, такая возможность существует. Но решили действовать таким вот образом"⁴²³

Участники научно-практической конференции исходили из допустимости обсуждения вопросов автономии любого региона на основании правового стандарта, отражённого в резолюции ПАСЕ № 1832 (04.10.2011) «Национальный суверенитет и государственность в современном международном праве: потребность в разъяснении». Согласно 7-му пункту этой резолюции, «право национальных или этнических меньшинств... на самоопределение... в первую очередь должно быть реализовано методом защиты прав меньшинств, как оно дано в Рамочной конвенции о защите прав национальных меньшинств Совета Европы и в резолюции № 1334 (2003) о положительном опыте автономных регионов, как источнике решения конфликтов в Европе».

Криминализация ПБЛ высказываний об автономии региона в СМИ и на научно-практической конференции выглядит крайне одиозной на фоне открытых действий активистов в Европейском союзе, выступающих за отделение Шотландии от Великобритании, Каталонии от Испании, Северной Италии от южной части страны.

В феврале 2013 г. в продажу поступила монография А. Гапоненко и О. Аланса «Латгалия: в поисках иного бытия». Книга была посвящена истории латгал – этноса, который длительное время подвергался дискриминации в Латвии и к настоящему времени практически ассимилирован⁴²⁴.

Содержание книги рассматривалось на заседании Сейма Латвии и было определена депутатами национал-радикальной ориентации из фракции «ТВ-DNNL», как подрывающая национальную безопасность страны. Эти депутаты написали донос в ПБЛ с требованием привлечь авторов книги к уголовной ответственности. Автора вызвали в ПБЛ для дачи показаний с целью возбуждения уголовного дела⁴²⁵.

ПБЛ провела экспертизу монографии, признала ее вредной, но не начала преследования авторов, сослалась на то, что нет статьи, позволяющей привлечь автора к уголовной ответственности.

⁴²³<http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/delo-ob-avtonomii-latgalii-u-lindermana-girsa-i-osipova-proveli-obyski.d?id=42883728>

⁴²⁴<file:///C:/Users/Aleksandr/Downloads/book87.pdf>

⁴²⁵<http://www.kasjauns.lv/lv/zinas/108234/lindermana-partijas-pelekais-kardinals-gaponenko-kuda-latgaliesus>

В дополнение к криминализации высказываний об автономии Латгалии, ПБЛ начала уголовный процесс против учредителей партии «Движение 13 января» по ст. 275, ч. 2 ЛКК о подделке документов (отсутствия кворума на собрании) в связи с ее перерегистрацией в партию «ЗаРЯ!».

Позже такой же процесс был начат против учредителей партии «Честь и порядок», в уставных целях которой определялась защита права русских на родной язык и борьба за социальную справедливость. Против них было возбуждено дело о подделке документов, которое передали в прокуратуру, а затем в суд. Судебный процесс против русских правозащитников еще не завершился ⁴²⁶.

Таким образом, ПБЛ была нарушена статья 102 Конституции Латвии, гласящая: «Каждый имеет право вступать в товарищества, политические партии и другие общественные организации»⁴²⁷. ПБЛ взяло на себя ответственность определять, вступление в какие партии является допустимыми, а в какие нет. А также ответственность преследовать в уголовном порядке тех активистов, которые создавали партии неугодные правящей элите.

В рамках преследования инакомыслящих, ПБЛ 25.07.2012 завело на Е. Осипова уголовное дело № 15830015812 по ч. 1 ст. 219 ЛКК за, якобы произошедшее, уклонение от подачи налоговой декларации. Делался личный аудит, и декларация запрашивалась в связи с пожертвованиями товариществу «Родной язык» на покрытие расходов по агитации за референдум о предоставлении русскому языку статуса второго государственного. Дело было прекращено 24.09.2012.

В конце 2013 г. БПЛ проверку Финансовой полицией Латвии фирмы «Маратонс С», собственником и директором которой был А. Гапоненко. Проверка не выявила финансовых нарушений, но участвовавшие в ней персоны пообещали устроить вскоре личный аудит доходов. Действительно, вскоре Служба государственных доходов (СГД) начала проверка личных доходов А. Гапоненко и сделала на него денежный начет на значительную сумму. Главным аргументом для начисления начета было то, что он пожертвовал деньги на проведение референдума о повышении статуса русского языка в Латвии (оплату услуг нотариусов для малообеспеченных русских граждан). Финансовую проверку проводил работник ПБЛ, представлявшийся работником СГД, в ходе встреч он пытался собрать

⁴²⁶Там же.

⁴²⁷<http://www.satv.tiesa.gov.lv/?lang=3&mid=8>

сведения об общественно-политической деятельности проверяемого. А. Гапоненко оспорил решение СГД в Административном суде, однако судья, без всякого на то основания, отказался признать доказательными предоставленные им документы и показания свидетелей в пользу истца. Суд первой инстанции подтвердил правомерность начета СГД. На имущество А.Гапоненко был наложен предварительный арест. Решения суда первой инстанции было обжаловано в суде второй инстанции. Административный процесс против А. Гапоненко продолжается до сих пор. Все это время он ограничен в возможности получения доходов выше прожиточного минимума, хотя решения суда об аресте имущества не было.

24 апреля 2015 г. против спикера Парламента непрдставленных Александра Гапоненко было возбуждено уголовное дело по статье 78 п. 2. «Возбуждение этнической ненависти». 26 мая он был задержан ПБЛ и у него дома, на работе и на даче провели обыски, конфисковали компьютеры, электронные носители, телефоны, записные книжки и документы. Основанием для возбуждения уголовного дела стала публикация в социальной сети Facebook поста о том, что «американские танки прибыли в Латвию для того, чтобы подавлять недовольство русской части населения режимом этнической дискриминации»⁴²⁸.

Одновременно было возбуждено уголовное дело по аналогичной статье и против депутата Парламента непрдставленных ЭйнарсаГраудиньша. 12 июня у него также был произведен обыск по месту жительства, изъяты компьютеры, электронные носители, телефоны, книги и документы. Основанием для возбуждения уголовного дела стали выступления депутата в СМИ, в которых Э. Граудиньш критиковал правящий режим и подчеркивал негативную роль США в развязывании этнического конфликта в прибалтийских странах⁴²⁹.

Оба уголовных дела длятся до сих пор. В результате изъятия компьютеров, телефонов и электронных носителей оба правозащитника были лишены возможности коммуницировать с членами русской общины на протяжении девяти месяцев. На возвращенных правозащитникам после окончания этого срока электронных носителях были стерты архивы документов и фильмов. Бесследно исчез файл с текстом научной монографии А. Гапоненко, объемом в 600 стр., над которой он работал последние два года. Компьютеры до сих

⁴²⁸http://baltnews.lv/riga_news/20150526/1013886178.html

⁴²⁹ <http://www.ves.lv/pb-provela-obysk-u-pravozashhitnika-ejnara-graudinsha/>

пор пострадавшим не возвращены, что лишает их возможности вести профессиональную и общественную деятельность.

Пострадавшие от преследования ПБЛ члены Парламента непредставленных А. Гапоненко, Э. Граудиньш, В. Линдерман, Е. Осипов, С. Малаховский, а также активисты других русских организаций И. Гирс и В. Бузаев попытались организовать коллективную защиту от преследования. В. Бузаев известный правозащитник, экс-депутат Сейма, поддерживал деятельность упоминаемых организаций, подвергался ранее уголовному преследованию со стороны ПБЛ за то, что выступал против режима этнической дискриминации в Латвии. И.Гирс выступал в роли правозащитника с 2012 г. и также подвергался преследованию в уголовном порядке. Все семь правозащитников учредили общество «Лига политических узников Латвии». Для подписания учредительных документов участниками и сообщения о факте учреждения общества представителям прессы И.Гирс подал заявку на аренду помещений в информационное агентство «Летта». Однако «Летта» отказала в аренде помещений, несмотря на то, что помещения в это время не были заняты.

3 июня 2015 г., не имея возможности провести учредительное собрание в арендованном помещении, учредители провели его в рижском парке около памятника Барклаю де Толли. Во время подписания учредительных документов учредители общества были арестованы силами более чем трех десятков полицейских и доставлены в Центральный полицейский участок по улице Матиса, 9. В полицейском участке на учредителей общества были составлены административные протоколы и против них возбудили административное дело⁴³⁰.

Я.Рейниекс и Н.Межветис определяли кто из правозащитников должен подвергнуться административному и уголовному преследованию, координировали работу своих сотрудников, которые непосредственно осуществляли эти преследования. Изначально было известно, что в действиях русских правозащитников нет состава административных или уголовных преступлений. Однако оба начальника ПБЛ шли на возбуждение таких дел. Целью этих действий ПБЛ было запугивание русских активистов и отвлечение их от правозащитной деятельности. Заодно обеспечивалось запугивание членов русской общины, демонстрация им возможности стать

⁴³⁰<http://rus.delfi.lv/news/daily/criminal/na-osnovatelej-ligi-uznikov-sovesti-latvii-zaveli-administrativnoe-delo.d?id=46161655>

обвиняемыми, если они будут протестовать против проводимой против них дискриминации.

В. Разрушение с помощью спецопераций русских общественных организаций

Русские правозащитники используют общественные организации для того, чтобы структурировать деятельность членов русской общины. ПБЛ предпринимала скрытные действия по разрушению русских общественных организаций. С начала 2011 г. до конца 2015 г. эта деятельность шла под руководством начальников этой организации Я.Рейниекса и Н.Межветиса.

Формами разрушения русских организаций было: тайное препятствование проведению собраний их членов и общественно значимых мероприятий; запрет на регистрацию организаций; запрет на передвижение русских активистов; проведение показательных обысков при пересечении границы; запугивание руководителей организаций; лишение русских правозащитников средств к существованию; засылка в организации агентов, которые изнутри вели подрывную деятельность.

ПБЛ, например, систематически препятствовала проведению заседаний правления Конгресса неграждан и сессий Парламента непредставленных. Так, на 17 января 2015 г. была назначена VI сессия Парламента непредставленных. Для проведения этой сессии А.Гапоненко 27 декабря 2014 г. заказал зал в гостинице «Таллинк» (Рига, ул.Элизабетес, 24) о чем была сделана запись в электронной книге регистрации. На выбор предлагалось три зала, которые были свободны. 4 января А.Гапоненко попытался оплатить заказ, однако администрация отказала в предоставлении уже забронированного зала, сославшись на то, что он неожиданно был занят. После настоятельных просьб разъяснить причины такого поведения дежурный администратор гостиницы сказал, что им позвонили из ПБЛ и потребовали отказать в аренде под угрозой «больших неприятностей». 4 января была сделана попытка взять в аренду зал для проведения сессии ПН в гостинице «Алберт отель» (Рига, ул. Дзирнаву, 33). Первоначально зал был забронирован, но через два дня, при попытке внести аванс за аренду, администратор неожиданно отказал и нежелал сообщить причины отказа. 7 января был арендован зал в гостинице «Моника» (Рига, Элизабетес, 21). Аренда подкреплялась договором и была полностью проплачена. В гостинице были свободны три зала. Через два дня администратор гостиницы «Моника» позвонил по мобильному телефону А.Гапоненко и сообщил, что отказывает в аренде зала, поскольку отдает все три зала в аренду более

важным клиентам. Поскольку был заключен договор и произведена оплата аренды, проблема была вынесена на уровень собственника отеля. Собственник сообщил, что ему звонили из ПБЛ и угрожали тем, что разрушат бизнес, если он сдаст зал в аренду Парламенту непредставленных. А.Гапоненко заявил, что проблема преследования организации спецслужбами и проблема нарушения владельцами гостиницы бизнес контракта будет вынесена на страницы международных изданий. Собственник по телефону отказался пускать депутатов Парламент непредставленных в арендованный ими зал. Только 17 января, когда депутаты явочным путем пришли в зал проблема была снята. Ситуация была отражена в прессе⁴³¹.

Документы на регистрацию, упомянутого выше, общества «Лига узников совести Латвии» были поданы в Регистр предприятий республики. Однако главный нотариус Регистра предприятий отказал в его регистрации. В своем отказе он ссылается на письмо ПБЛ N 21/1914-IP и считает нарушающими закон записанные в уставе организации цели. Возражение ПБЛ вызывало желание учредителей «восстановить равноправие, предоставить негражданам права гражданства, рассматривать деление латвийцев на граждан и неграждан, как форму расовой дискриминации по этнической и языковой принадлежности». Неприемлемыми для представителя государства оказалась также задача общества «противодействовать русофобии и дискриминации» и употребление в уставе термина «латвиец», предназначавшегося для обозначения гражданской общности, состоящей из латышей, русских и национальных меньшинств.

Другой формой деятельности по разрушению русских организаций был срыв их мероприятий посредством запрета на въезд приглашенных на выступление из заграницы гостей или препятствие на поездки латвийских русских за рубеж.

Например, 14 ноября 2014 г. гость медиа клуба «FormatA3» эксперт в энергетических вопросах Константин Симонов был депортирован из Латвии. Незадолго до этого въезд в Латвию был запрещен другому гостю клуба политологу Сергею Михееву. В декабре 2015 г. в Латвию не пустили российского режиссера Ф.Разумовского, который незадолго до этого выступал в ней перед широкой аудиторией.

⁴³¹<http://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/19012015-negrazhdane/>

7 февраля 2015 г. спикер ПН Александр Гапоненко был задержан на латвийско-эстонской границе и препровожден в полицейский участок г. Пярну. В участке А. Гапоненко сообщили, что ему на десять лет запрещен въезд в Эстонию после чего его выдворили из страны. Объяснения причин запрета не было дано, но явно, что это было сделано по просьбе ПБЛ⁴³².

15 августа 2015 г. депутат ПН Й. Корен был задержан в Литве и ему объявили, что он на пять лет лишен права въезда в эту страну. Вместе с ним подобному же наказанию подвергся правозащитник Александр Кузьмин⁴³³.

Отметим, что еще в 2008 г. Й. Корен и ряд других правозащитников за антифашистскую деятельность были лишены на 10 лет права въезда в Эстонию и этот запрет действует до сих пор⁴³⁴.

21 сентября 2015 г. депутату ПН В.Гущину без объяснения причин был запрещен въезд в Эстонию на 5 лет.

27 ноября 2015 г. спикер ПН А. Гапоненко прибыл в г. Кишинев (Республика Молдова) к бизнес-партнеру для заключения делового контракта. Он был задержан на границе и депортирован прочь из страны с формулировкой в предписании: «не было письменных документов, определяющих цель прибытия в страну». Представители погранслужбы разговаривать с бизнес-партнером, встречавшим А.Гапоненко в аэропорту отказались. В ходе личного обыска и досмотра вещей в аэропорту представители молдавских спецслужб сказали А. Гапоненко, что к ним пришла рекомендация от ПБЛ не допускать его на территорию Молдавии под любым предлогом. У него были конфискованы экземпляры книги «Преследование инакомыслящих в Прибалтике» и разбит компьютер. В результате заключение бизнес контракта в Кишиневе было сорвано. А. Гапоненко был принудительно депортирован в Российскую Федерацию. Данный факт был освещен в многочисленных публикациях в латвийской и мировой прессе⁴³⁵.

В течение 2012-2015 гг., по указанию ПБЛ, А. Гапоненко, Э. Граудиньш, В. Гущин, Й. Корен, Б.Зельцман и другие правозащитники регулярно задерживались в Рижском аэропорту при въезде и выезде из страны и подвергались многочасовым обыскам. Такие же обыски проводились при пересечении упомянутыми лицами границы на поезде, автобусе или автомашине. По итогам обысков ни разу не было обнаружено недопустимых

⁴³²http://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201502070843-qwm4.htm

⁴³³<http://pravfond.ru/?module=news&action=view&id=4145>

⁴³⁴<http://www.chas.lv/ru/latvija/news/13262.html>

⁴³⁵<http://www.kp.ru/daily/26464.5/3334216/>

к ввозу вещей. Зато представители спецслужб фотографировали бывшие при активистах визитные карточки, записные книжки, просматривали электронные носители, содержимое фотоаппаратов, кинокамер, компьютеров, личных записей и документов. Возражения против просмотра личной информации не принимались и записей о том, что это предпринималось не делалось. Представители силовых органов, проводившие сбор информации, отказывались предъявлять свои служебные удостоверения.

ПБЛ препятствовала попыткам русских активистов пройти в депутаты муниципалитетов, Сейма, Европарламента.

Например, Рижская Дума на основании писем ПБЛ несколько раз запрещала КН проведение концерта русской музыки в Риге непосредственно перед выборами в Европарламент летом 2014 г.⁴³⁶. Такие латвийские СМИ, как Delfi.lv, Apollo.lv, Tvnet.lv, Latvijasavize, TV 3 регулярно публиковали, почерпнутые из отчетов ПБЛ обвинения в адрес кандидатов в депутаты о том, что они выступают против государственных интересов Латвии. Зачастую эти СМИ публиковали информацию, которую можно было получить только в результате прослушивания телефонных разговоров и прочтения частной переписки активистов русской общины.

Приведем пример тесного сотрудничества латвийских СМИ со спецслужбами, касающийся А.Гапоненко. 1 августа 2015 г. латвийский информационный портал Apollo.lv-Tvnet.lv опубликовал материал, в котором утверждалось, что «пророссийская группа» готовит провокацию в связи с празднованием в Риге 100-летнего юбилея создания отрядов латышских стрелков. Упоминалось, что на праздновании столетней годовщины они готовятся вручать потомкам стрелков памятные медали, которые выбила в России общественная организация Евразийский фронт. К опубликованному в упомянутых СМИ материалу прилагалась большая фотография А. Гапоненко⁴³⁷.

Данная информация была почерпнута из телефонного разговора А. Гапоненко с Э. Граудиньшем, в ходе которого высказывалось гипотетическое пожелание вручить уже выбитые в России медали на приближающихся праздничных мероприятиях. Медалей у участников телефонного разговора не было и их распространением они не занимались. То есть содержание

⁴³⁶<http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/kongress-negrazhdan-snova-popytaetsya-provesti-russkij-majdan.d?id=44442224>

⁴³⁷<http://apollo.tvnet.lv/zinas/prokrieviska-grupa-gatava-provocet-latviesu-strelnieku-simtgade/700179>

прослушанного разговора агенты ПБЛ, без критического анализа передали в СМИ.

Только после иронической записи в адрес спецслужб на странице в социальной сети Facebook по поводу распространяемой некоторыми СМИ ложной информации о праздновании юбилея латышских стрелков, автору позвонил человек, представившийся корреспондентом информационного агентства BNS. Он уточнил, что А. Гапоненко никак не связан с празднованием столетнего юбилея стрелков. После этого публикации в СМИ о «готовящихся пророссийскими силами провокациях» сразу же прекратились.

ПБЛ провела в начале 2015 г. спецоперацию по запугиванию активистов КН и ПН. В результате преследования по месту работы и учебы из руководства организаций были вынуждены уйти Е.Бачинска (омбудсмен, член правления КН), А.Васильев (член правления КН), М.Хесин (вице-спикер ПН), В.Комаров (спикер ПН), М.Митрофанов (член правления КН). Всех этих правозащитников запугивали тем, что они лишатся средств к существованию, если не прекратят активную деятельность.

ПБЛ в широких масштабах засылает в русские общественные организации своих агентов для того, чтобы разрушать их изнутри. Так в ноябре 2014 г. российское телевидение сообщило о раскрытии агента ПБЛ А.Холостова, работавшего под псевдонимом Глория⁴³⁸.

Глория был одно время депутатом партии Центр согласия в Сейме, работал в молодежной организации «Патриоты», собирал информацию в русских общественных организациях, пытался разрушить их изнутри. Незадолго до разоблачения, А.Холостов сделал попытку проникнуть в организацию РОД и организовать от ее имени сбор средств среди русских предпринимателей на оплату издержек по проведению референдума против распространения пропаганды гомосексуализма в школах. За помощью он обратился к А.Гапоненко, но получил отказ, поскольку из разговора было видно, что деньги он собирается присвоить и тем самым дискредитировать движение в глазах членов русской общины.

6 декабря начальник ПБЛ Н. Межветис заявил журналистам компании ТВ-3 о суммах, которые А. Гапоненко получал от российских благотворительных фондов на ведение научно-исследовательских работ, проведение учебных курсов, издание книг и съемки документальных фильмов за последние 5

⁴³⁸<http://www.vesti.ru/doc.html?id=2128247>

лет⁴³⁹. Величину этих сумм он узнал от своих подчиненных, которые изъяли соответствующие контракты в ходе обыска, проведенного на квартире А. Гапоненко 26 мая 2015 г. обыска. По латвийскому УК ст. 308 начальник ПБЛ совершил должностное преступление, поскольку не мог публично оглашать материалы, полученные в ходе предварительного следствия. В интервью телеканалу Н.Межветис дал негативную оценку последнему фильму, который снял А.Гапоненко - «Ювенальная юстиция». Эти негативные оценки были даны до того, как состоялась презентация фильма. Очевидно, что эта оценка была дана на основании информации полученной в результате незаконного внедрения в электронную переписку А.Гапоненко с другими создателями фильма.

Данные начальником ПБЛ Н.Межветисом негативные оценки фильма «Ювенальная юстиция» были воспроизведены многими латвийскими СМИ⁴⁴⁰⁴⁴¹⁴⁴².

В результате был нанесен ущерб репутации А.Гапоненко и он лишился возможности продать свой фильм и заработать средства на жизнь.

Для того, чтобы скрыть служебное преступление по использованию информации, полученной в ходе предварительного следствия по уголовному делу для дискредитации А.Гапоненко, Н.Межветис направил письмо в Службу государственных доходов(СГД) с требованием провести проверку финансовой деятельности Института европейских исследований, в рамках которого происходила подготовка фильма. Проверяющие из СГД получили контракты о финансировании из российских благотворительных фондов, однако произошло это только 9 декабря, то есть только через три дня после публичной озвучки полученных по контракту сумм Н. Межветисом.

Этот же прием ПБЛ применила и к депутату ПН Д.Прокопенко. За сбор благотворительной помощи лицам, пострадавшим в ходе гражданской войны

⁴³⁹ http://skaties.lv/latvija/sabiedriba/latvija-un-rietumi-bez-pamata-atnem-bernus-un-izposta-gimenes-sadu-filmu-sagatavojis-gaponenko/?utm_source=facebook&utm_medium=autopost&utm_campaign=social&utm_content=n_ekapersoniga

⁴⁴⁰ <http://www.delfi.lv/news/national/politics/gaponenko-no-krievijas-tautiesu-fonda-bernu-nometnem-sanemis-81-850-eiro.d?id=46803609>

⁴⁴¹ www.ru.focus.lvlatvija/politika/pb-za-poslednie-gody-gaponenko-poluchil-iz-rossii-88-tys-evro

⁴⁴² <http://apollo.tvnet.lv/zinas/nepilsonu-kongresa-liders-gaponenko-sagatavojis-filmu-par-bernu-tiesibu-parkapumiem/713883>

на Украине он был обвинен в террористической деятельности. 16 января у активиста ПН дома был произведен обыск и конфисковано 5 компьютеров. Эти компьютеры принадлежали другим лицам, поскольку Д.Прокопенко добывал средства к существованию их ремонтом и обслуживанием. Компьютеры полгода находились в ПБЛ. Потом СМИ распространили информацию о том, что на одном из находившихся в ремонте у Д. Прокопенко компьютеров находятся большие объемы порнографических фотографий. Данные об этом были опубликованы одновременно сразу на во многих латвийских СМИ⁴⁴³.

Информация о наличии порнографии на конфискованных компьютерах могла появиться в СМИ только от ПБЛ, в которых они находились. То есть, опять была допущена утечка материалов, полученных в ходе следственных действий по уголовному делу. После публичных протестов Д.Прокопенко и заявления в прокуратуру ЛР публикации о порнографических материалах в находившихся у него на ремонте компьютерах из латвийских СМИ исчезли. Прокуратура в проверке фактов утечки информации из ПБЛ Д.Прокопенко отказала. Против клиентов Д.Прокопенко стали возбуждать дела о незаконном использовании ими программного продукта. Д.Прокопенко лишился источника заработков.

Я.Рейнекс и Н.Межветис лично руководили всеми операциями по тайному препятствованию проведению собраний членов русских организаций и проведению общественно значимых для русских мероприятий; давали указания запрещать регистрацию русских организаций и партий защищающих русские этнические интересы; устанавливали запреты на передвижение русских активистов; давали указания проводить показательных обысков русских правозащитников при пересечении ими границы; инициировали запугивание руководителей русских организаций, а в случае необходимости лишали их средств к существованию; давали указания готовить и засылать в русские организации агентов, которые вели в них подрывную деятельность.

В результате публичной дискредитации русских правозащитников, препятствия их деятельности путем административного и уголовного преследования по фиктивным причинам, в результате проведения против русских активистов тайных операций и разрушения русских организаций был

⁴⁴³<http://www.delfi.lv/news/national/criminal/riga-aiztur-bernu-pornografijas-nekrofilijas-un-zoofilijas-failu-kolekcionaru.d?id=46568747>

нанесен ущерб как самим русским правозащитникам, так и русской общине Латвии. Русская община Латвии стала терять свои этнические черты ассимилироваться. В частности, активно шел процесс утраты русскими своего родного языка. Так, в 1989 г. в Латвийской ССР, согласно данным переписи, русский язык был родным для 42,7% населения⁴⁴⁴. В 2011 г. в Латвийской республике доля людей с родным русским языком упала до 37,2% населения. Этот процесс продолжался и в 2011-2015 гг.

9.3.4. Субъективная сторона преступления преследование русских правозащитников в Латвии

Субъективная сторона преступления заключается в наличии умысла или неосторожности, мотива и цели.

Отчеты ПБЛ составлены ее ведущими сотрудниками на основании указаний руководства организации. Именно руководители определяли какие организации являются угрожающими национальной безопасности Латвии, каким способом их необходимо разрушать, кто из активистов персонально должен подвергаться преследованию.

Я.Рейниекс и Н.Межветис, имея юридическое образование и многолетний опыт работы в спецслужбах понимали, что, определяя русские социальные и представительные организации в качестве угрозы национальной безопасности Латвии они вступают в противоречие с действующими нормам уголовного права и международными обязательствами Латвии.

Только сознательными могли быть действия руководства ПБЛ по оценке того правильную или неправильную точку зрения и информацию распространяют СМИ. Тем самым, политическая полиция сознательно шла на нарушение Конституции Латвийской Республики, ст. 100 которой гласит, что «Каждый имеет право на свободу слова, которая включает в себя право на получение, владение и распространение информации, высказывание своих взглядов. Цензура запрещена⁴⁴⁵».

Преследование русских правозащитников осуществлялось Я.Рейниексом и Н.Межветисом из соображений ненависти к русским, как этносу. Это побуждало обоих начальников ПБЛ использовать свое служебное положение для дискредитации и подавления русской элиты, отрыва ее от масс и тем самым разрушения связей внутри русской общины Латвии.

⁴⁴⁴1989. gadatautasskaitīšanas rezultāti Latvijā — R.: LR Valstsstatistikaskomiteja, 1992 — 89. lpp.

⁴⁴⁵<http://www.satv.tiesa.gov.lv/?lang=3&mid=8>

Политический мотив действий Я.Рейниека и Н.Межветиса заключался в воспрепятствовании негражданам реализовать в полной мере свои права и сохранить сложившуюся конфигурацию политических сил в Латвии. Получившие право избирать неграждане поддержали бы находящиеся ныне в оппозиции силы и позволили им прийти к власти, отодвинув в сторону партии латышских национал-радикалов. Поэтому ПН и КН рассматривались, как враждебные для нынешней правящей элиты и руководители ПБЛ стремились их разрушить, преследовали работающих в них активистов.

Этнический мотив заключался также в том, что Конгресс неграждан и Парламент непредставленных, представлял интересы русской части населения. Нынешняя правящая элита же определила Латвию, как государство латышей. Поэтому ставилась цель принудительно ассимилировать русское население, и все русские активисты рассматривались, как враждебные государству элементы.

Начальник латвийской Полиции безопасности Н.Межветис настроен крайне русофобски. Об этом свидетельствует его интервью, которое он дал 11 января 2015 г. третьему республиканскому телевизионному каналу и которое широко разошлось по латвийским СМИ⁴⁴⁶

В этом вышеупомянутом интервью начальник ПБЛ высказал серьезные опасения, что Латвийская православная церковь укрепляет свои позиции в обществе и делает это по прямому указанию Кремля, который строит враждебное Латвии цивилизационное пространство - Русский мир. Укрепление духовного влияния ЛПЦ глава самой крупной и влиятельной спецслужбы назвал фактором риска для латвийской государственности.

Грубые и ничем не обоснованные нападки высокопоставленного государственного служащего на крупнейшую в стране религиозную конфессию, которая уже почти тысячелетие объединяет русских и латышей не случайны. Он исходил из ненависти ко всему русскому и ко всему тому, что может повлиять на распространение русофобских взглядов среди латышей.

⁴⁴⁶http://www.tvnet.lv/zinas/latvija/543001-dp_krievija_izmanto_pareizticigo_baznicu_lai_ietekmetu_sabiedribu_latvija

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Изучение «преследования» должно быть продолжено

Исследовав «преследование» с трёх сторон — как репрессии правозащитников, как преступление и как основание для получения статуса «беженца», можно было убедиться в принципиальной разнице в подходах к одному и тому же явлению, причём все три подхода имеют своим источником документы ООН. В первом случае ООН призывает не оставлять «преследование» безнаказанным, во втором даёт такую странную и противоречивую конструкцию «преследования», как преступления, что работать с ней (привлекать к уголовной ответственности) крайне затруднительно или просто невозможно, а в третьем случае рассматривает «преследование» исключительно как «часть состава статуса беженца» (по аналогии с составом преступления). Всё это противоречит правовой логике и прежде всего принципу неотвратимости наказания.

Подробно разобранные в настоящей работе недостатки конструкции «преследования», как преступления, особенно требование обязательной увязки («...в связи с...») «преследования» с другими, более страшными преступлениями, идут вразрез с общими задачами уголовного права, а именно, задачами общей и частной превенции.

Совершенно очевидно, что проблематика «преследования» должна быть изучена ООН более подробно с тем, чтобы интегрировать все три подхода как теоретически, так и на организационном уровне. Теоретически конструкция «преследования», как преступления, предусмотренного РС МУС, должна быть существенно изменена (упрощена) и, кроме того, ООН могла бы дать внятный сигнал своим членам о том, что на национальном уровне предусмотренные РС МУС преступления против человечности могут и должны быть «редуцированы» с тем, чтобы не копировать уникальные формулировки РС МУС.

С организационной точки зрения непонятно, например, почему Верховный комиссар ООН по беженцам не имеет права инициировать рассмотрение уголовных дел по «преследованию» в МУС, если информация по беженцам, а, значит, и по преследованиям, стекается к нему. То же можно сказать и про Верховного комиссара ООН по правам человека, к которому через Специального представителя по правозащитникам и Совет по правам человека стекается информация по преследованию правозащитников.

«Экстерриториальность» правозащитников как проблема

Стремительная коррупция общественного статуса правозащитников, наблюдаемая в последнее десятилетие, связана, по мнению авторов, как с появлением «нетрадиционных» прав человека, так и со стремительной политизацией правозащитников, превращения их в политический инструмент в виде «мягкой силы». Причина политизации правозащитников – в известном успехе легализации их «экстерриториальности», получившей начало в т.н. Московском документе СБСЕ⁴⁴⁷ 1991 года, в котором, в частности, говорится:

«Государства–участники подчёркивают, что вопросы, касающиеся прав человека, основных свобод, демократии, верховенства закона, носят международный характер, поскольку соблюдение этих прав и свобод составляет одну из основ международного порядка. Они категорически и окончательно заявляют, что обязательства, принятые ими в области человеческого измерения СБСЕ, являются вопросами, представляющими непосредственный и законный интерес для всех государств-участников и не относятся к числу исключительно внутренних дел соответствующего государства».

Тем самым правозащитники обрели мандат на вмешательство во внутренние дела других государств и приобрели ценность, о которой раньше не подозревали. В правозащитники тут же полезли политические агенты всех мастей, т.к. статус правозащитника давал как право на вмешательство во внутренние дела, так и определённую защиту, рассмотренную в начале книги. Универсальность прав человека и тут сыграла злую шутку: практически любую политическую деятельность можно выдать за правозащитную. Тут же наметилось и обратное движение, чётко проиллюстрированное изданиями спецслужб: правозащитная деятельность правозащитников воспринимается контрразведчиками исключительно как политическая.

Между тем можно обозначить критерий, позволяющий, хоть и не в полной мере (помимо уже рассмотренных критериев) отделить подлинных правозащитников от мнимых. Подлинные правозащитники занимаются защитой прав человека прежде всего в своих собственных странах. Это категорически расходится с опытом, например, Института прав человека в Эстонии, который проводит ежегодные конференции, посвящённые соблюдению прав человека... в России.

⁴⁴⁷<https://www.osce.org/ru/odihr/elections/14310?download=true>

Преследование правозащитников в виде издания в Прибалтике «отчётов» спецслужб должно быть прекращено

Ежегодные «издания» спецслужб Прибалтики являются политическим инструментом преследования инакомыслящих, в т.ч. правозащитников, что неопровержимо доказывается настоящим исследованием. Данные издания не только формируют «группы риска преследования», но дискредитируют саму идею верховенства прав человека и отрицают её универсальность. Более того, данные издания культивируют безнаказанность преследования инакомыслящих.

Для решения этой проблемы авторы видят два пути: либо полностью прекратить издание этих ежегодников, либо привести их к тому формату, который был у ежегодника ДГБ Литвы в первые годы издания.

Против лиц, осуществляющих преследование русских правозащитников должны быть поданы заявления в МУС

Безнаказанность преследования правозащитников, как преступление, имеет многочисленные последствия. Сверхжёсткая конструкция преступления против человечности, представленная в РС, и невнятные конструкции в уголовных законах Латвии и Литвы лишь поощряют безнаказанность. Представляется, что в отсутствие понятной редукции определений РС на национальном уровне или их невнятная адаптация лишь способствуют указанной безнаказанности. В связи с этим авторам кажется логичным, что МУС должен принимать к рассмотрению ситуации преследования, если национальные уголовные законы не редуцированы в должной степени.

Русские правозащитники Прибалтики должны объединить свои усилия по самозащите и защите интересов членов своих общин

Выявленный в ходе настоящего исследования «кооператив» спецслужб Прибалтики, совместными усилиями осуществляющий преследование правозащитников, может быть разрушен лишь совместными усилиями всех заинтересованных сторон, и, прежде всего, самих правозащитников. Отмечавшаяся высокая степень связанности русских активистов в Прибалтике оказалась явно недостаточной для того, чтобы эффективно противостоять преследованию со стороны спецслужб. В связи с чем авторы в качестве практической меры предлагают создание Ассоциации правозащитников Прибалтики.

